

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ В ЯЗЫКАХ И ЛИТЕРАТУРАХ

Сборник статей участников
I международной научной конференции
Курган, 17 февраля 2012 г.

ISBN 978-5-4217-0171-2

9 785421 701712

Курганский
государственный
университет

редакционно-издательский
центр

43-38-36

Министерство образования и науки Российской Федерации
Курганский государственный университет

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ
В ЯЗЫКАХ И ЛИТЕРАТУРАХ**

**Сборник статей участников
I международной научной конференции**

Курган, 17 февраля 2012 г.

Курган 2012

УДК 81:39 (08)

ББК 63.583.

У 59

Рецензенты:

доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка КГУ Е.Р. Ратушная;
кандидат филол. наук, старший преподаватель кафедры ОПД КИЖТ Ур ГУПС
И.В. Стародумов;

доктор филол. наук, зав. кафедрой английского языка РГПУ им. А.И. Герцена
О.Е. Филимонова.

Ответственный редактор: кандидат филол. наук Д.В. Портнягин

Технический редактор: ст. лаборант А.Е. Полынская

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

У 59 Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: Сборник статей участников I международной научной конференции (Курган, 17 февраля 2012 г.) / Отв. ред. Д.В. Портнягин. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2012. –202 с.

В сборнике представлены материалы международной научной конференции, состоявшейся 17 февраля 2012 года на кафедре английской филологии. В своих выступлениях участники конференции касаются различных аспектов проблематики типологических схождений и национального своеобразия в мировом лингвистическом и литературном процессе.

ISBN 978-5-4217-0171-2

© Курганский государственный университет, 2012

© Авторы, 2012

Т.Г. Артамонова

Курганский государственный университет

Тема семьи в поэме Дж.Г. Байрона «Дон Жуан»

«Дон Жуан» (1818 – 1823) Дж.Г. Байрона – произведение, написанное в «ирои-сатирическом» жанре. Обличая средствами сатиры всё, что противостоит духовной и социальной свободе – ренегатство и приспособленчество собратьев по перу, деспотизм и тиранию власть имущих, Дж.Г. Байрон выражает недовольство своим временем и человеком, неспособным подняться до духовного совершенства, достичь идеала гармоничного существования, заставляющим страдать себе подобных.

В критике не раз отмечалось, что в поэме два главных героя: Дон Жуан и автор. Образ второго намного значительнее: поток авторского сознания образует сюжет поэмы, в который входит история Дон Жуана. Думается, что оба образа несут на себе печать автобиографичности: мысли и чувства автора отражают внутренний мир Дж.Г. Байрона, сюжетная линия Дон Жуана воплощает жизненный и духовный опыт создателя произведения. Можно допустить, что Дж.Г. Байрон создал поэму как диалог с самим собой, как попытку осмыслить свои отношения с миром, обществом, женщинами, со своим внутренним «я».

Авторскую концепцию мира и человека во многом раскрывает тема семьи, звучащая в произведении. Для Дж.Г. Байрона эта тема была одной из самых важных и болезненных. Отец и мать будущего поэта «пытались жить вместе, но им пришлось отказаться от этого» [1:16], сознание Дж.Г. Байрона «пробуждалось среди злобных выкриков, жалоб и упреков» [1:16]. Мать будущего художника слова Кэтрин Гордон была глубоко несчастна, «ей пришлось убедиться, что она была обманута, что её обобрали дочиста и что она осталась без средств, с необходимостью содержать ребёнка, мужа, кормилицу, оплачивать помещение» [1:15]. Взрослея в безлюбовной семье, Дж.Г. Байрон испытывал болезненное чувство к матери: он боялся и жалел её одновременно. Повзрослев, поэт понял, что во многих семьях отношения между супругами носят формальный характер, брачные узы прикрывают ложь и лицемерие «близких» людей. И Каролина Лэм, и леди Оксфорд, и сводная сестра поэта Августа Ли, и Марианна Сегати, и Маргарита Коньи, и Тереза Гвиччиоли – все эти женщины, имевшие отношения с Дж.Г. Байроном, любившие его, каждая по-своему, отнюдь не тяготились связывавшими их узами брака.

Трагедию личной жизни Дж.Г. Байрона, невозможность обретения поэтом гармонии семейных отношений определил опыт общения с двумя женщинами, ставшими знаковыми фигурами в судьбе Дж.Г. Байрона, - Мэри Чаворт и Августой Ли. Первая, «Утренняя Звезда Эннсли», как называл её Дж.Г. Байрон, вызвала в начинающем поэте пылкую, безумную любовь-страсть. Однако она же, проговорившись, что не может относиться серьёзно к «хромому мальчишке», поселила в душе Дж.Г. Байрона страх перед женщинами. По словам Андре Мо-

руа, поэт «восхищался женщинами и ненавидел их, ненавидел потому, что восхищался. Ему хотелось властвовать над этими загадочными существами, унижить, заставить их страдать, как страдал он, отомстить за себя» [1:41]. Замужество Мэри Чаворт стало ударом для Дж.Г. Байрона, остро ощутившего своё одиночество среди людей. Августа, которую поэт «больше всех любил» [1:161], считал «несравнимой по доброте и характеру» [1:163], была сводной сестрой Дж.Г. Байрона, что делало невозможным официальный брак поэта с женщиной, к которой всегда стремилась его душа. О чувстве, пронесённом через всю жизнь, Дж.Г. Байрон писал Августе из Италии: «... Я никогда не переставал и не перестану ни на одно мгновение чувствовать эту полную привязанность без границ, которая всегда соединяет меня с вами и делает совершенно неспособным испытывать действительную любовь к какому-нибудь иному человеческому существу...» [1:284]. Думается, что отношения с Мэри Чаворт и Августой Ли убедили поэта в недоступности для него такого идеала, как семья, основанная на родстве любящих душ.

Мысли о браке с другими женщинами основывались на стремлении Дж.Г. Байрона к некоей жизненной стабильности и внутреннему покою. Увлёкшись Аннабеллой Милбенк, поэт «верил в брак; это была его последняя иллюзия» [1:133], Дж.Г. Байрон желал «жениться без всякой любви на девушке из хорошей семьи, довольно богатой, и наделать ей детей в достаточном количестве, чтобы обеспечить продолжение рода» [1:133]. Это была попытка построить семью, основанную на уважении, приятельских отношениях между супругами. Однако «надежда найти счастье в том, чтобы довериться и позволить управлять собой женщине» [1:190] разбилась о несовершенство Аннабеллы, Байроны стали «трагической четой». Отчаявшийся супруг «целые дни рассуждал об ужасном институте брака, клялся вырваться из-под этого ненавистного ига» [1:209]. В конце концов семья распалась. Желание Дж.Г. Байрона вступить в брак с Терезой Гвиччиоли основывалось на привязанности поэта к этой итальянке, в которой он увидел некоторые черты Байронов, в частности умение «подмечать смешное». Поэт писал Августе из Италии: «Эта связь (с Терезой Гвиччиоли – Т. А.) длится около трёх лет... Могу сказать, что, не будучи столь безумно влюблённым в неё, как это было вначале, я привязался так, как не думал быть привязанным ни к какой женщине после трёх лет связи (исключая одной, и вы знаете, кто это?), и у меня нет ни малейшего желания и никаких видов на разрыв...» [1:290]. После нескольких лет отношений, вернувших Дж.Г. Байрону душевную гармонию, судьба разлучила поэта с Терезой.

Недоверие к узам брака, печальный опыт семейной жизни определили сатирическое развитие темы семьи в поэме Дж.Г. Байрона «Дон Жуан». Эта тема возникает и в связи с образом главного героя, и в авторских комментариях и лирических отступлениях. В произведении не показано ни одной счастливой семьи, основанной на душевной близости супругов, идеалах любви и верности. Автор отмечает, что родители главного героя «жили плохо и уныло», «Хосе нередко ссорился с женою» [2:62]. В семье донна Альфонсо нет доверия: муж донны Юлии «никогда жену не упрекал, но подозрения его томили» [2:72]. Неравный брак распадается после супружеской измены донны Юлии. Автор выражает разочарование и в мусульманской семье, несвободной от порока. Повество-

вание о покупке Дон Жуана Гюльбеёй прерывается авторским откровением о супружеской неверности жён сильных мира сего: «Но как она, султанова жена, решилась на такое приключенье? Почём я знаю! Не моя вина, что не имеют жёны уваженья к мужьям венчанным; всем одна цена! Обманывают всех без исключения супругов – и монархов, и князьков: уж такова традиция веков» [2:256]. Кроме того, поборник свободы, Дж.Г. Байрон не приемлет унижительного положения женщины в гареме: «Закон Востока мрачен и суров: оковы брака он не отличает от рабских унижительных оков...» [2:267]. По мнению автора поэмы, полигамия абсурдна: «Здесь алгебра, пожалуй, не нужна, здесь арифметики простой довольно, чтоб доказать, что юная жена, которая смела и своевольна, томиться и скучать обречена и может быть султаном недовольна, когда на склоне лет он делит с ней пыл шестисотой нежности своей» [2:273]. В комическом ключе пишет Дж.Г. Байрон о нелёгкой доле пожилого султана: «... ей-богу, полигамия грустнее, чем наш простой и моногамный брак! Кто знал одну жену и сладил с нею, тот сознаёт, что это не пустяк; вообразите ж, что за наказанье от четырёх выслушивать стенанья!» [2:274] О формальном характере современной семьи говорит автор «Дон Жуана», повествуя и о жизни цивилизованного английского общества. С иронией пишет Дж.Г. Байрон о полном безразличии друг к другу супругов Фиц-Фалк: глава семейства «был в отлучке постоянно и никогда жену не упрекал. Вот это, други, истинно желанный супружеского счастья идеал: они настолько “изредка” встречались, что узами любви не пресыщались» [2:490]. Деталь подчёркивает формальный характер отношений супругов Амондевилл: лорд Генри целует леди Аделину так, как «по праздникам мы... целуем чинно сестрицу пожилую иль кузину» [2:496]. Семья Амондевилл становится символом торжества формы над содержанием: «Она (леди Аделина – Т. А.) любила мужа как умела, сизифовой любовью, так сказать: ведь собственное чувство то и дело ей приходилось в гору поднимать. Но перемен миледи не хотела, предпочитая мирно тосковать; союз их был примерный, благородный, счастливый, только несколько холодный. Их разделяло не различье лет, а разность их натур, и однотонно, подобная движенью двух планет, текла их жизнь спокойно, неуклонно, раздельно» [2:500,501].

Автор выражает скептическое отношение к институту брака: признаётся читателю, что женится «весьма не скоро», что он «в сущности, конечно, не женат» (подчёркнуто нами – Т. А.) [2:62,69].

Развёртывая сюжетную линию Дон Жуана, Дж.Г. Байрон, на наш взгляд, стремится проанализировать историю собственной жизни, произнести суд над собственными слабостями и недостатками. Изобличая в герое безволие, ветренность и эгоизм, сохраняя верность литературной традиции, автор поэмы отказывает Дон Жуану в счастливой доле нежно любимого супруга и отца семейства.

Дж.Г. Байрон судит своего героя, современное общество с позиции идеала семейной гармонии, брезжущего в произведении. Автор приближает Дон Жуана к этому идеалу в истории отношений героя с Гайдэ. Дж.Г. Байрон любит молодых людьми, одухотворёнными высоким чувством: «Они дышали счастьем, принимая друг друга за детей земного рая» [2:163]. Любовь Гайдэ чиста

и самоотверженна, чувство Дон Жуана искренне и глубоко. Союз, основанный на любви и преданности, приводит к рождению новой жизни.

Дж. Г. Байрон в психологический портрет Дон Жуана добавляет тоску по родной душе. Она проявляется в отношениях главного героя поэмы с турчаночкой Леилой, с представительницей лондонского высшего света Авророй Рэби. Но, по Дж.Г. Байрону, семейная гармония возможна либо вдалеке от европейской цивилизации, либо в воспоминаниях поэта: «Но мне по сердцу мирная картина: семья, здоровьем пышущая мать (когда дочурку кормишь или сына, при этом нежелательно тощать), люблю я у горящего камина румяных ангелочков наблюдать и дочерей вокруг приятной леди, как около червонца – кучку меди!» [2:182]

Таким образом, вводя в сюжетную ткань своей поэмы эпизоды и сцены счастливой семейной жизни, Дж.Г. Байрон судит современное общество и современного человека за отступление от этого идеала, неспособность достижения гармонии личного бытия.

Список литературы

1. Моруа, А. Байрон: Роман: пер.с фр./А. Моруа. – М., 1992. – 413 с.
2. Байрон, Дж.Г. Собр. соч.: в 4 т. / Дж.Г. Байрон. – М., 1981. – Т. 1. – 608 с.
3. Гаррард, Д. Сравнительный анализ героинь «Дон Жуана» Байрона и «Евгения Онегина» Пушкина / Д. Гаррард // Вопросы литературы. – 1996. – ноябрь-декабрь. – С. 153 – 177.
4. Дубашинский, И.А. Поэма Байрона «Дон Жуан» / И.А. Дубашинский. – М., 1976. – 112 с.
5. Зверев, А.М. Звезды падучей пламень: жизнь и поэзия Байрона / А.М. Зверев. – М., 1988. – 191 с.
6. Кулешов, В.И. «Евгений Онегин» Пушкина и «Дон Жуан» Байрона / В.И. Кулешов // Русская словесность. – 1996. - № 3. – С. 27 – 30.

Н.Ю. Базлова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Парадигма Модерна в произведениях Дидро

Эпоха Просвещения – это время, когда впервые происходит отождествление мировоззрения и мышления. Следовательно, с этим этапом можно связать то обстоятельство, что задается совершенно иная парадигма мировосприятия, устанавливается другое отношение к идее, смыслу, слову. Поэтому хотелось бы определить то содержание, которое мы вкладываем в понятие парадигмы.

В первую очередь парадигма – это не только определенный способ регламентации круга проблем и методов их решения, это, как нам кажется, прежде всего, некий условный изначальный алгоритм понимания и соотнесения сознания с априорными категориями времени и пространства, обусловленный историческим социокультурным топосом. Такой алгоритм находится еще не в пространстве различения, а только подготавливает его. Таким образом, на первый

план выходит принципиально другое осознание категорий времени и пространства, *новое* и своеобразное понимание себя через пространственно-временное единство, которое и конституирует новую парадигму Модерна. Известно, что господствующая модель мироздания имеет свою в той или иной степени искаженную поэтическими средствами проекцию в художественном мире словесного произведения. Непосредственный и живой проект Модерна представлен в произведениях Дени Дидро. В данной статье мы остановим свое внимание только на категории времени.

При рассмотрении Парадигмы Модерна нельзя обойти стороной или каким-то образом избежать вопроса о Постмодерне. Их взаимосвязь очевидна с той позиции, которая предлагает рассматривать Модерн как исток, изначальный импульс неких сил и течений, а Постмодерн как итог и печальное последствие исторической объективации категорий и структур разума, последствие долгого процесса рационализации европейской цивилизации.

Ю. Хабермас описывает две точки зрения на теорию Постмодерна, неоконсервативную и анархистскую, согласно которым, несмотря на их методологическое различие, причины происходящей деградации следует искать в прошлом Модерна. Следовательно, понятие Модерна в этом контексте следует понимать как принцип нового времени, не мыслимый вне плоскости Истории. Модерн явился историческим проектом эпохи Просвещения, нашел свое обоснование в эстетической рефлексии и приобрел окончательное очертание как культурного проекта в середине XIX века в теории искусства Бодлера.

Между понятием Модерна и историческим контекстом западного рационализма существует внутренняя связь. Следовательно, связь между модерностью и рациональностью неслучайна. Поэтому только в заданных пределах горизонта европейского *ratio* осуществимо самопонимание и самосознание модерна.

Историческое сознание, которое отныне конституируется в пространстве Модерна, мыслит ситуацию здесь и сейчас как *новый мир, новый век, новое время* и главное – *наше время*, когда субъект старается идентифицировать себя в пространственно-временном континууме, как бы вычленив себя из потока Истории, чему свойственно «рефлексивное представление о собственном местоположении, обусловленное горизонтом истории в целом» [4, 11]. Понятие *нашего времени* – это последняя ступень ментальных трансформаций, допускающая отождествление нового времени со своим временем, как будто новое время присваивается, делается достоянием человека и одновременно антропологизируется до мыслимого предела. Здесь уместно указать на то, что теми же путями обогащения и присвоения (экономическими путями) общеисторическое универсальное время переходит в плоскость времени частной сугубо индивидуальной сиюминутной истории. Таким образом, время приобретает особый статус (в этом контексте примечателен новый термин Гегеля – «Дух времени») и наделяется силой и властью над человеком. Человек отныне – раб времени. Рабское существование человека проявляется в единственно допустимом модусе – «быть современным». Осознание времени вообще как чего-то доступного и близкого приводит к возникновению понятия современности. Гегель датирует начало современности Просвещением и Французской революцией [2].

По Н. Луману для возникновения любой системной теории необходимо проводить различие между системой и средой. Кажется, не будет слишком произвольным допущение того, что Модерн является именно такой системой (в широком смысле слова, а не в узкоспециальном). С определенной оговоркой Модерн можно понимать как культурную систему с различными структурами – литературные направления, течения и школы (сентиментализм, романтизм, реализм, натурализм, символизм, авангардные течения и особенно сюрреализм, экзистенциализм) – если задать ему следующие хронологические рамки: Просвещение как культурный топос рождения и Постмодерн как кризисный топос вымирания. В этом смысле проявляется та внутренняя логическая связь Просвещения с Постмодерном как диалектическая зависимость начала и конца. Кроме того, понимание Модерна как культурной открытой системы (оказавшись закрытой системой, Модерн подвергся бы внутреннему процессу разрушения, энтропии, как и любая другая органическая система) может быть оправдано следующим положением: система должна попытаться установить такую операцию, «которая выполняла бы следующие условия: речь должна идти только об одной операции, это должна быть всегда одна и та же операция, к которой могут быть присоединены другие такие же операции» [3, 80]. Можно предположить, что для Модерна такой операцией является *самореференция*. Эта особенность модерна была впервые выявлена Гегелем. По этому поводу Хабермас замечает: «Модерн больше не может и не хочет формировать свои ориентиры и критерии по образцу какой-либо другой эпохи, он должен черпать свою нормативность из самого себя». И далее: «Модерн видит себя однозначно самоотнесенным» [4, 13]. Этот процесс смены образца был открыт в конце XVII – в начале XVIII веков спором Древних и Новых (примечательно, что механизм самоидентификации запущен именно в сфере эстетики). Следовательно, такая ситуация провоцирует пробуждение самосознания, что в свою очередь вызывает потребность в самоподтверждении. И здесь Гегель выстраивает пошаговую критику Модерна средствами самого Модерна с целью самообоснования. Если основная операция определена, в таком случае возникает вопрос, а что же является для Модерна его средой? Также можно предположить, что средой для Модерна является *время*. Следует отметить внутреннюю связь между средой (время) и операцией (самореференция), потому как операция делает возможным и воспроизводит *различие* между системой и средой.

Время как та среда, в которой происходит обновление Модерна за счет репродуктивной операции самоотнесения, требует уточнения понятия «современность». Выше мы уже говорили о том, что осознание времени как близкого и доступного делает кого-то или что-то современным. Близкое и доступное, следовательно, свое всегда мыслится в оппозиции к дальнему и чужому. Дальним и чужим выступает прошлое и его традиция античных образцов, то, что пришло извне, навязало нормативность и подготовило узость реализации. Поэтому от традиции как инородного принципа отказываются, а вместе с ней и от чужого прошлого. Новая нормативность разрабатывается уже на основе своего принципа, она рождается в процессе упорной рефлексии – выражения этого принципа нового времени. Новая эстетика всегда теперь рефлексивна, она исходит из глубины самопонимания Модерна. Здесь и сейчас отныне создается новая тра-

диция (реализм), на место которой по причине повторяющейся операции самореференции Модерна будет условно на следующий день поставлена другая (символизм), также исходящая из очередной попытки самообоснования Модерна (в этом отношении проясняется смысл того, что «Модерн проявляет себя как то, что однажды станет *классическим*»). Поэтому любое направление современно и одновременно классично, а классическим оно становится тогда, когда фиксирует свой протест. Проекция традиции и прошлого уже содержится в современности. Этим объясняется множественность художественных течений и направлений (выше мы их перечисляли), которые могут быть теперь рассмотрены как повторяющиеся критические, а в XX веке радикальные попытки самообоснования Модерна, заключающиеся в установлении *различия* времени и Модерна, а также в понимании этого времени и тоске по истинному присутствию в этом времени. Вся эта драма Модерна разворачивается в контексте генеральной линии, идущей от Просвещения к Постмодерну.

Таково отношение современности Модерна к прошлому. Отношение современности к будущему выстраивается аналогичным образом: проекция будущего уже заключается в современности. Для Модерна будущее началось, и оно уже здесь. Таким образом, в современности преломляются прошлое и будущее. Следовательно, современность приобретает статус постоянно переходного периода, в котором сопрягаются актуальность и вечность. Время также приобретает свои конститутивные черты: отныне это время революционное, прогрессивное, эмансипированное и кризисное.

Все, что было сказано о современности Модерна, можно соотнести с тем содержанием, которое определяет понятийные границы диалога. Диалог как субстанциальная форма и современность как податливый материал сопоставимы в плоскости сиюминутного возникновения. Как и современность, диалог осознается на стыке предыдущих и будущих высказываний; таким же образом он канонизирует предшествующий дискурс и одновременно открывается новому дискурсу, который уже проговаривается. Следовательно, диалог располагается в неуловимой переменной точке совпадения прошлого и будущего, актуального и вечного. Именно в диалоге можно зафиксировать ту современность и то время Модерна, которые составляют его суть. Известно, что диалог играл важную роль в поэтике Дидро. И не будет громким заявлением, что у Дидро время Модерна обрело свое художественное воплощение в так называемом внутреннем мире произведения.

Художественное время в произведениях Дидро удивительным образом совпадает с ощущением нового времени и пониманием современности, и можно допустить, что впервые у Дидро происходит эстетизация времени Модерна и выделение его из профанного исторического континуума. Таким образом, срабатывает механизм различения системы и среды посредством самореференции и ухода Модерна в себя в эстетической плоскости. Получается, что эстетизация является результатом самореференции. Делается первый робкий шаг к созданию концепции культурного Модерна, которая, как было уже сказано, нашла свое воплощение в теории искусств Бодлера.

У Дидро это время всегда условное, неисторическое, время, ощущаемое лишь в самом произнесении героем слова и в ожидании им ответной реплики.

Например, в философском диалоге «Сон Д'Аламбера» время фиксируется только в продолжающемся разговоре действующих лиц. Оно никак не описывается и не несет в себе никаких реалий, поэтому оно внеконтекстуально. Время может быть осмыслено лишь в слове, потому что в произведении нет определенной последовательной смены событий, сюжетности, которая и создает ощущение протекания времени у читателя. Герои философских диалогов Дидро («Разговор отца с семейством», «Разговор философа с женой маршала де ***», «Дополнение к путешествию Буганвиля») могут восприниматься как говорящие, непрестанно рассказывающие что-то, но не действующие. Из времени изымается любое произвольное/непроизвольное действие. Оно оказывается бесполезным в сиюминутной ситуации, оно ее никак не отображает. Действие сделало бы это время историчным и вновь разбило бы его на прошлое, настоящее и будущее, что не соответствовало бы новому пониманию современности, которое уже содержит в себе эти три временные перспективы. Но вот именно слово, диалог, в котором участвуют все без исключения герои Дидро, и могут воплотить всю сущность непрерывно становящейся, меняющейся, обновляющейся и открытой современности Модерна. Слово (звучащее), которое всегда находится в пространстве между другими словами, воссоздает атмосферу времени Модерна – атмосферу полемики, спора, дискуссии. В диалогах герои признаются в чем-то, разоблачают кого-то, исповедуются, совершают открытия и в конечном счете, прозревают. Поэтому для них время диалога – это кризисное и переломное время. Метафорой диалога является путь или дорога («Жак фаталист и его хозяин»), ведущая в необозримые просторы будущего, которое уже дано в произнесенном слове. Этот путь – путь развития, прогресса идей и независимости от чужого сознания. В диалоге герои могут обосновать свое присутствие во времени, свою истинность, пока еще не поставленную под сомнение. Кроме того, можно сказать, что у героев Дидро появляется такая особенность их сознания, как дискурсивность. И если взять во внимание, что Дидро создал новый образ философа, который уже не мудрец, не мыслитель, а *идеолог* (и здесь опять остается всего один шаг до политика и общественного деятеля), а таковым является и Жак, и Рамо, то здесь опять очевидна близкая связь с Модерном. Потому как идеология является продуктом Модерна, а идеология есть не что иное, как ложное сознание, дискурсивность.

Подводя итог, можно сказать, что время диалога в произведениях Дидро – это время самого Модерна, а сам Дидро – великий современник.

Список литературы

1. Адорно, Т. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения./ Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М., 1997.
2. Гегель, Г.Ф. Философия истории. / Г.Ф. Гегель. – СПб., 1993.
3. Луман, Н. Введение в системную теорию. / Н. Луман. – М., 2007.
4. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. / Ю. Хабермас. – М., 2008.

**Конфликт цивилизации и культуры в романе
Р. Брэдбери «Fahrenheit 451»**

Человеку не нужны иные миры.

Человеку нужен человек.

А. Тарковский «Солярис»

Конфликт в его широком понимании определяется как особое взаимодействие индивидов, групп, объединений, которое возникает при их несовместимых взглядах, позициях и интересах. Конфликт в литературе – основа динамично развивающегося сюжета. В нем, как правило, отражены реальные жизненные противоречия.

Цель данной статьи – выявить специфику конфликта в романе Р. Брэдбери «Fahrenheit 451» и лингвистические средства его объективации. В рамках дискурса-анализа мы исходим из того, что литературный текст является одним из звеньев непрерывающегося социально-литературного дискурса, под которым вслед за Л. Дж. Филипс и М. В. Йоргенсен мы будем понимать «особый способ общения и понимания окружающего мира» [Цит по: 4: 7- 8].

Рэй Брэдбери сказал однажды в интервью, что написал только один научно-фантастический роман в своей жизни – «451° по Фаренгейту», а все остальные свои произведения назвал мифами. Отметим в этой связи, что художественный текст *абсолютно антропоцентричен*, и его фикциональный мир, каким бы фантастическим он ни был, представляет собой художественно обобщенный аналог определенных форм человеческого бытия.

В основе сюжета романа Р. Брэдбери лежит конфликт развитой **техногенной цивилизации** будущего с **культурой**. Начнем наши рассуждения с определения этих ключевых понятий. Одно из первых определений культуры принадлежит Э. Б. Тейлору: «Культура – комплекс, включающий знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи, а также иные способности и навыки, усвоенные человеком как членом общества». Ю.М. Лотман ссылается на это определение в статье «Культура и информация» и предлагает более обобщенный его вариант, рассматривая культуру как «совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения» [6:395].

М.М. Бахтин подчеркивал диалогический характер культуры, так как она представляет собой результат осмысленных диалогов адресантов с адресатами, авторов с читателями, современников с предшественниками и потомками, диалогов с самим собой, а также диалогов субъекта с миром поскольку осмысление мира достигает ясности и закрепляется в духовной культуре общества, получая знаковое выражение [2].

Понятие **цивилизации** не получило пока исчерпывающего истолкования. Хотя в обыденной жизни термин «цивилизация» употребляется как эквивалент слова «культурный», в современной науке все явственнее намечается тенденция к их противопоставлению. У Брэдбери цивилизация представлена как техномир, в котором общество будущего обеспечило себе комфортное су-

ществование. Вопрос лишь в том, какой ценой. Цена эта – утрата духовности, под которой обычно подразумевается «эрудиция, образованность человека, уровень эстетического развития, то есть приобщенность к тем видам искусств, которые, так сказать, утончают душу, делают ее особенно восприимчивой к поэзии, к музыке, — к такого рода творческой деятельности и видам культуры»[7]. А. И. Осипов отмечает, что в большинстве определений культуры, даже если они включают всю совокупность творческой деятельности человека и способов самовыражения человека, «забывается главное - ведь дух творит себе формы и, говоря о культуре, по-видимому, прежде всего, нужно говорить о состоянии того духа, который выражает себя тем или иным образом вовне» [7].

Какие же формы творит себе дух в развитой техногенной цивилизации будущего? Роман начинается с описания горящих книг. Главный его герой Гай Монтэг пожарный, но он не тушит пожары, а сжигает книги, потому что читать книги запрещено, и работа эта ему нравится:

«It was a special pleasure to see things eaten, to see things blackened and changed. With the brass nozzle in his fists, with this great python spitting its venomous kerosene upon the world, the blood pounded in his head, and his hands were the hands of some amazing conductor playing all the symphonies of blazing and burning to bring down the tatters and charcoal ruins of history» [10:11].

Основная проблема романа – это проблема образа жизни человека, его места и роли в созданном им техном мире. Человек будущего в романе оторван от естественной среды своего существования – природы. Вот что говорит об этом одна из изгоев этой цивилизации Кларисса Маклеллан:

«I sometimes think drivers don't know what grass is, or flowers, because they never see them slowly,” she said. “If you showed a driver a green blur, Oh yes! he'd say, that's grass! A pink blur? That's a rose-garden! White blurs are houses. Brown blurs are cows. My uncle drove slowly on a highway once. He drove forty miles an hour and they jailed him for two days. Isn't that funny, and sad, too?» [10:16].

Подлинная культура подменена маскультом – интерактивным телевидением, которое проецируется сразу на четыре стены. Все свободное время жены Монтэга Милдред заполнено просмотром телепередач и бесконечных и бессмысленных телесериалов:

«Well, wasn't there a wall between him and Mildred, when you came down to it? Literally not just one, wall but, so far, three! And expensive, too! And the uncles, the aunts, the cousins, the nieces, the nephews, that lived in those walls, the gibbering pack of tree-apes that said nothing, nothing, nothing and said it loud, loud, loud. He had taken to calling them relatives from the very first. “How's Uncle Louis today?” “Who?” “And Aunt Maude?” The most significant memory he had of Mildred, really, was of a little girl in a forest without trees (how odd!) or rather a little girl lost on a plateau where there used to be trees (you could feel the memory of their shapes all about) sitting in the centre of the “living-room.” The living-room; what a good job of labelling that was now. No matter when he came in, the walls were always talking to Mildred» [10:48 – 49].

Писатель показывает, как общество пришло к подобному существованию. Об этом рассказывает Монтэгу в своем пространном монологе брандмейстер Битти, и становится ясно, что опасность, грозящая человечеству, – это не голод

или природная катастрофа, не бунт машин или нашествие инопланетян. Она таится в самом человеке, в его системе приоритетов и ценностей. И первый шаг на этом пути – прагматически ориентированное образование:

«School is shortened, discipline relaxed, philosophies, histories, languages dropped, English and spelling gradually neglected. Finally almost completely ignored. Life is immediate, the job counts. Pleasure lies all about after work, **why learn anything save pressing buttons, pulling switches, fitting nuts and bolts?** » [10:59].

И далее:

«Classics cut to fit fifteen-minute radio shows, then cut again to fill a two-minute book column, winding up at last as a ten- or twelve-line dictionary resume. ... But many were those whose sole knowledge of Hamlet... whose sole knowledge, as I say, of Hamlet was a one-page digest in a book that claimed: ‘now at least you can read all the classics; keep up with your neighbours.’ Do you see? Out of the nursery into the college and back to the nursery; there’s your intellectual pattern for the past five centuries or more» [9:58 – 59].

Результат этого процесса - нивелировка человеческой личности:

«We must all be alike. Not everyone born free and equal, as the Constitution says but everyone *made* equal, each man the image of every other; then all are happy, for there are now mountains to make them cower, to judge themselves against»[10:62].

Подобным обществом легко управлять, гораздо труднее удержать его в этом состоянии, потому что есть инакомыслящие – люди, которые читают и хранят книги. И те, и другие опасны:

«The book is a loaded gun in the house next door. Burn it».

«The girl (Кларисса Маклеллан) was a time bomb».

Более того, мыслящие люди этому обществу потребления не нужны вообще:

«With school turning out more runners, jumpers, racers, tinkerers, grabbers, snatchers, and swimmers instead of examiners, critics, knowers and imaginative creators, the word ‘intellectual’, of course, became the swear word it deserved to be» (10:61-62).

Здесь Битти перифразирует слова фашистского идеолога доктора Геббельса: «Когда я слышу слово “интеллект”, моя рука тянется к кобуре». Комментарии, как говорится, излишни. Отвергая культурное наследие прошлого, зомбированная масскультом цивилизация утратила диалогизм как «принцип действия того механизма, который обеспечивает усвоение и преемственность духовных традиций общества» [7:115] и вступила в конфликт с культурой. Итог этого конфликта – утрата творческого начала у человека техномира. Прозревший Монтэг с горечью думает о своей жене: «My wife, my wife. Poor Millie, poor Millie. I can’t remember anything. I think of her hands but I don’t see them doing anything at all. They just hang there at her sides or they lie there on her lap or there’s a cigarette in them, but that’s all». И у него хватает мужества спросить себя самого, а заодно и весь мир, пришедший к столь бесславному концу:

«What did you give to the city, Montag? - Ashes.

What did the others give to each other? – Nothingness» [10:150].

Переходя к лингвистическим средствам объективации конфликта, отметим, прежде всего, стиль этого романа. Дискурс-анализ не исключает исследования

стиля. Напротив, как полагает Е. А. Гончарова, в русле современной антропологической парадигмы понятие «стиль» нуждается в уточнении. В этом уточнении важна неизменная соотнесенность стиля в любом его истолковании (как функционального стиля или как индивидуального способа речевого выражения и др.) с **текстом и дискурсом**.

Второе уточнение связано со спецификой эстетической информации – в ней «всегда заключено определенное, более или менее опосредованное отношение единиц текстовой структуры и прежде всего к **структуре языковой личности**, которая системно и целенаправленно (с разной степенью осознания системности и целенаправленности) использует текст в одном из видов своей деятельности» [3:150].

К особенностям стиля романа «Fahrenheit 451» мы относим метафоризацию (автор определяет этот прием в предисловии к повторному изданию своей книги «Вино из одуванчиков» как “a word-association process”) и насыщенную ин-тертекстуальность¹. Так, рассказывая о технических достижениях цивилизации, Брэдбери не изобретает термины для названия машин, а прибегает к образному их воплощению. Робот-ищейка фигурирует как механический пес («mechanical hound»), машина, очищающая кровь, названа голодной змеей («the hungry snake»), шланг, из которого Монтэг обливает керосином книги и дома, – огромным питоном («great python»).

Образность дает читателю возможность почувствовать драматизм ситуации всеобщего отчуждения во внешне благополучном и тщательно оберегаемом от забот и волнений мире «технорая». Перегруженные ненужной информацией и постоянным шумом люди часто не могут заснуть и принимают большие дозы снотворного. При передозировке на вызов приезжают не врачи, а инженеры с машиной для замены крови. Однажды это случилось с Милдред, и, глядя на равнодушные лица спасателей, Монтэг вдруг с ужасом осознал, что если она умрет, он не будет плакать, потому что их совместная жизнь была пустой и ничемной:

«And thought of her lying on the bed with the two technicians standing straight over her, not bent with concern, but only standing straight, arms folded. **And he remembered thinking then that if she died, he was certain he wouldn't cry.** For it would be the **dying of an unknown, a street face, a newspaper image**, and it was suddenly so very wrong that he had begun to cry, not at death but at the thought of not crying at death, **a silly empty man near a silly empty woman, while the hungry snake made her still more empty**» [10: 23].

А ведь рядом по соседству совсем другой мир - мир Клариссы, в котором все иначе:

«How like a mirror, too, her face. Impossible: for how many people did you know that refracted your own light to you? People were more often—he searched for a simile, found one in his work—torches, blazing away until they whiffed out. How rarely did other people's faces take of you and throw back to you your own expression, your own innermost trembling thought» [10:18].

¹ Более подробно о метафоризации см. Гришкова, Л.В. Автор. Текст. Адресат / Л.В. Гришкова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006.

Венец этой образности – люди-книги. Спасая культурное наследие прошлого, они запоминают содержание книг и хранят их в своей памяти:

«I want you to meet Jonathan Swift, the author of that evil political book, Gulliver's Travels! And this other fellow is Charles Darwin, and this one is Schopenhauer, and this one is Einstein, and this one here at my elbow is Mr. Albert Schweitzer, a very kind philosopher indeed. Here we all are, Montag. Aristophanes and Mahatma Gandhi and Gautama Buddha and Confucius and Thomas Love Peacock and Thomas Jefferson and Mr. Lincoln, if you please. We are also Matthew, Mark, Luke, and John» [10: 145 – 146].

Ограниченные рамки статьи не позволяют подробно останавливаться на интертекстуальных включениях. Упомянем лишь те из них, которые, на наш взгляд, заслуживают особого внимания. Прежде всего, это стихотворение М. Арнольда «Dover Beech»². Монтэг читает его гостям своей жены, прекрасно понимая, что ставит на карту свое благополучие. Мы приводим здесь его заключительную часть, в которой говорится об утрате любви и веры в современном поэту мире.

Ah, love, let us be true
To one another! for the world, which seems
To lie before us like a land of dreams
So various, so beautiful, so new,
Hath really neither joy, nor love, nor light,
Nor certitude, nor peace, nor help for pain;
And we are here as on a darkling plain
Swept with confused alarms of struggle and fight,
Where ignorant armies clash by night

Одна из дам начинает плакать, сама не понимая почему. Реакция другой дамы – агрессия, вызванная утратой восприимчивости к прекрасному:

«Mrs. Bowles stood up and glared at Montag. “You see? I knew it, that's what I wanted to prove. I knew it would happen! I've always said poetry and tears, poetry and suicide and crying and awful feelings, poetry and sickness; and that mush! Now I've had it proved to me. You're nasty, Mr. Montag, you're *nasty!*”» (10:100).

К специфическому виду интертекстуальных включений в романе можно отнести синтаксическую конвергенцию – излюбленный прием Уолта Уитмена³. Развернутые синтаксические конвергенции позволяют получить весьма широкие обобщения, что, собственно говоря, и происходит в монологе брандмейстера Битти (см выше). Синтаксические конвергенции в романе ассоциируются со знаменитыми «каталогами» певца американской демократии, а хаотическое перечисление создает сатирический эффект:

«Now let's take up the minorities in our civilization, shall we? Bigger the population, the more minorities. Don't step on the toes of the dog-lovers, the cat-lovers, doctors, lawyers, merchants, chiefs, Mormons, Baptists, Unitarians, second-generation

² Анализ этого стихотворения см.: Гришкова, Л.В.. Автор. Текст. Адресат / Л.В. Гришкова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. – С.77 – 80.

³ См.: «Синтаксической конвергенцией» называется группа из нескольких совпадающих по функции элементов, объединенных одинаковым синтаксическим отношением к подчиняющему их слову или предложению»[1:256].

Chinese, Swedes, Italians, Germans, Texans, Brooklynites, Irishmen, people from Oregon or Mexico. The people in this book, this play, this TV serial are not meant to represent any actual painters, cartographers, mechanics anywhere»[10: 61].

Роман Брэдбери апокалиптичен: духовно мертвая цивилизация гибнет и физически. Атомная война уничтожает города. Тем не менее, конец романа не пессимистичен. В итоге побеждает носитель подлинной культуры - Человек. В памяти читателя остаются слова Грейнджера о том, что каждый человек должен что-то оставить после себя в этом мире:

«Granger stood looking back with Montag. “Everyone must leave something behind when he dies, my grandfather said. A child or a book or a painting or a house or a wall built or a pair of shoes made. Or a garden planted. Something your hand touched some way so your soul has somewhere to go when you die, and when people look at that tree or that flower you planted, you’re there. It doesn’t matter what you do, he said, so long as you change something from the way it was before you touched it into something that’s like you after you take your hands away. The difference between the man who just cuts lawns and a real gardener is in the touching, he said. The lawn-cutter might just as well not have been there at all; the gardener will be there a lifetime”» [10: 150].

Монтэг и люди - книги идут искать тех, кто остался в живых, чтобы помочь им и научить жить по-новому. И в памяти его всплывают строки из Книги книг – Библии. Сначала из Экклезиаста, а потом из Апокалипсиса. Слова эти о Древе жизни:

«Montag felt the slow stir of words, the slow simmer. And when it came to his turn what could he say, what could he offer on a day like this, to make the trip a little easier? **To everything there is a season. Yes. A time to break down and a time to build up. Yes. A time to keep silence and a time to speak.** Yes, all that. But what else. What else? Something, something...

And on either side of the river was there a tree of life, which bare twelve manner of fruits, and yielded her fruit every month; And the leaves of the tree were for the healing of the nations» [10: 157 – 158].

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И.В. Арнольд. - 4-е изд., испр. и доп. – М., 2002.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М., 1972.
3. Гончарова, Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория / Е.А. Гончарова // Studia Linguistica- 8. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. – СПб., 1999. – С. 146 – 154.
4. Гончарова, Е.А. Когнитивно-коммуникативные параметры ситуации порождения, восприятия и интерпретации литературного текста / Е.А. Гончарова // Studia Linguistica XVI. Язык. Текст. Культура: сборник. – СПб., 2007. - С. 6 – 15.
5. Гришкова, Л.В. Автор. Текст. Адресат / Л.В. Гришкова. – Курган, 2006.
6. Лотман, Ю.М. Об искусстве / Ю.М. Лотман // Статьи. – СПб., 1998.

7. Осипов, А.И. Культура с христианской точки зрения [Электронный ресурс] / А. И. Осипов // FOCUS Online – Режим доступа: <http://www.mgarsky-monastery.org>.
8. Никитин, М.В. Диалогизм vs. интертекстуальность: выбор плацдарма / М.В. Никитин // Studia Linguistica. Вып. XV. Человек в пространстве смысла: слово и текст: сборник. – СПб., 2005.- С.115–123.
9. Тюпа, В.И. Художественность / В.И. Тюпа // Введение в литературоведение: Основные понятия и термины: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, С.Н. Бройтман и др. / под ред. Л.В. Чернец. – М., 2000. – С. 463- 471.

Источники

1. Bradbury, R. Fahrenheit 451 / R. Bradbury. - N.Y., 1980.

И.М. Жукова

Курганский государственный университет

Образы пространства в автобиографических поэмах А.А. Фета

Статья представляет собой опыт рассмотрения круга проблем, связанных с анализом лиро-эпического произведения. Исследование содержательности строфической композиции поэм А. Фета позволяет определить характерные черты русской эпической октавы, выявить художественный смысл образов пространства. «Художественность формы – прямое следствие полноты содержания», - утверждал А. А. Фет. Автобиографические поэмы Фета «Талисман» (1842), «Две липки» (1856), «Сон» (1856), «Студент» (1884) продолжают историю русской эпической октавы (аБаБаБвв).

В поэзии XIX века утвердились два типа эпической октавы: октава А.С. Пушкина со строгим чередованием мужских и женских стихов, создающим юмористический повествовательный тон поэмы-анекдота «Домик в Коломне», и октава М. Ю. Лермонтова, представляющая сплошной поток мужских стихов, в жанре посвящения к исторической поэме «Последний сын вольности», продолжавшей традиции декабристской гражданской поэзии.

В «Очерке истории русского стиха» М. Л. Гаспаров, анализируя время Некрасова и Фета, назвал «общим требованием к поэзии в то время – простоту и естественность, а критерием - близость к прозе»: « В эпосе дорогу для пятистопного ямба проложили «Домик в Коломне» Пушкина и «Сказки для детей» Лермонтова, с них берет пример вся пятистопная эпика русского реализма. По большей части она верна строфике октав...» [Гаспаров 1984: С.167].

История русской эпической октавы восходит к поэме А. С. Пушкина «Домик в Коломне». Предисловие к поэме «Домик в Коломне» О. И. Федотов справедливо назвал «диссертацией в стихах, навсегда предопределившей судьбу и амплуа эпической октавы в русской поэзии». «Домик в Коломне» - повесть в октавах, сочетающая в себе шутливо-бытовой сюжет с автобиографическими реминисценциями и полемическими рассуждениями и выпадами литературно-теоретического содержания» [Измайлов 1971: С.78].

Уже первая строфа поэмы «Талисман» указывает на культурно-семантический ореол эпической октавы, сложившейся в русской поэзии к этому времени. Следуя пушкинской традиции, А. Фет во вступлении к поэме «Талисман» активно использует разговорную лексику. Обилие вводных слов, прямых обращений, пословица в качестве заключения создают атмосферу доверительного разговора поэта с читателями о таинстве любви:

Октавами и повесть, признаюсь!

И, полноте, ну что я за писатель?
У нас беда – и, право, я боюсь,
Так, ни за что, услышишь: подражатель!
А по размеру, я на вас сошлюсь,
Но что же делать? Видно, так и быть:
Бояться волка – в лес нельзя ходить.[Фет 1982: С. 306]

Старинный барский двор, «теплое гнездо», составляет центр личного пространства героя. «Стекло балкона» в гостиной старинного дома определяет внешние границы этого мира: голый сад с беседкой, отлогий косогор, ветхий храм с безмолвной колокольней, синий лес по скату белых гор. Это тип идиллического пространства, в котором доминирующими являются мотивы памяти о детских и юношеских годах.

Романтическая любовь порождает чувство эстетической восторженности героя, дает ему возможность слиться с небесным, вечным, расширить сферу реального мира, «своего пространства», в центре которого образ возлюбленной-луны:

«Вы знаете, - сказала мне она,-
Что я владею чудным талисманом?
Хотите ли, я буду вам видна
Везде, везде, с луною, за туманом?»
Несбыточным была душа полна,
Я счастлив был ребяческим обманом.
Что б ни было – я верил всей душой,-
И для меня слилась она с луной. [Фет 1982: С. 310]

Восторженная привязанность к природе уводит героя Фета в мир красоты, что и предопределяет его отчуждение от земного быта. Такой же властью над ним обладает женская красота. Эпитет «небесный» связан как с образом Луны, так и с образом возлюбленной: женская красота подобна прекрасной душе природы. Миг земной любви растворяется в Вечности. «Мир во всех своих частях равно прекрасен, - утверждал Фет. – Красота разлита по всему мирозданию и, как все дары природы, влияет даже на тех, которые не сознают, как воздух питает и того, кто, быть может, и не подозревает его существования» [Фет 1859: С. 65].

Характер последней строфы (аБаБаБ) – октава без заключительного двустиптия (оно заменено многоточием) – подчеркивает стремление героя слиться с запредельным и пережить состояние абсолютной свободы от времени и пространства. «Чудный талисман» открывает тайную связь человека и природы, вечного и временного, прошлого и настоящего:

Я был вдали, ее я позабыл,

Иные страсти овладели мною;
Я даже снова искренно любил,-
Но каждый раз, когда ночной порою
Засветится воздушный хор светил,-
Я увлечен волшебницей луною. [Фет 1982: С. 315]

Структура октавы (аБаБаБВв), написанной пятистопным ямбом, сближает поэму Фета с романтической поэмой М. Лермонтова «Аул Бастунджи». В основной части поэмы развиваются две линии: пушкинская и лермонтовская. Пушкинская ирония звучит в 11 и 12 строфах. В последних строфах поэмы (21-24) преобладает высокая книжная лексика, характер заключительного двустопия соответствует лермонтовскому: оно содержит основную мысль строфы и намечает переход к новой теме; синтаксическое членение строфы в основном совпадает с ритмическим членением октав на стихи. Эти особенности создают торжественный тон повествования.

Параллельное развитие шутивного (пушкинского) и строгого приподнятого (лермонтовского) повествования в основной части поэмы «Талисман» обусловлено, на наш взгляд, романтическим «двоемирием» героя, его стремлением выйти за пределы времени и пространства.

Поэма «Две липки» интересна своей автобиографичностью. История жизни Русова и его жены Наташи сходна с историей жизни Шеншина с женой в имении Новоселки. Мемуары А. Фета «Ранние годы моей жизни» можно считать прямым комментарием к поэме. Известно также предположение о том, что форма поэмы с вымышленными именами и нужна была Фету для рассказа о событиях, которые он не мог включить в свои мемуары.

«Наклонность Фета находить поэзию в кругу предметов самых простых, обыкновенных, домашних можно определить как “интимную домашность”» [Тархов 1982: С. 10].

Повествовательная структура октавы (аБаБаБВВ) и пятистопный ямб с его непринужденно-легкой интонацией как раз и способствуют воплощению «интимной домашности» в образе «родного гнезда» - усадьбы Новоселки:

Близ рощи, на пригорке серый дом,
В полуверсте от речки судоходной,
Стоит лет сорок. Нынче пустырем
Он стал смотреть, угрюмый и негодный.
Срубили рощу на дрова кругом,
Не находя ее статьей доходной;
По трубам галки, ласточки в окошках,
И лопухи на английских дорожках. [Фет 1982: С. 487]

Параллелизм в изображении человека и природы как типичную черту поэзии Фета отмечали Б. Эйхенбаум, Б. Бухштаб, П. Громов, Л. Лотман и другие исследователи его поэзии. В основе заглавного образа «двух липок» лежит фетовская натурфилософия, выражающая зримые и незримые связи человека и природы. Две липки стали для Наташи символом любви, жизни: «Благодарю. Но вот моя примета: / Ты липка та, здоровая, я – эта...». Разлад в семье, ранняя смерть Наташи разрушают дом как центр «родного пространства».

Если человек сравнивается с деревом, то старый ветхий дом напоминает герою полусгнивший пенёк. Если образ дерева в поэме восходит к мифологическому Мировому древу: он является и центром мира, и семьей, и человеком; то пространство деревенского дома открыто в мир природы, составляет с ним единое целое, подчиняется временным, сезонным циклам:

А серый дом, угрюмый и пустой,
Стоит давно с безмолвием гробницы.
Он только оживляется весной,
Когда в него таскают гнезда птицы.
Балкон скривился, тонкою травой
Заметно прорастают половицы.
Ступени шатки, и перила зыбки,
И нет ни новой, нет ни старой липки. [Фет 1982: С. 491]

Глубокая осень, «грустный вопль кукушки одинокой» возвращают лирического героя к прошлому. Осень становится не только временем «припоминаний» грусти, но и открытым пространством, соединяющим «весенний вечер, прожитый вдвоем», «несбыточные грезы», память о былом с вечным потоком времени. А образы птиц символизируют безостановочное движение времени.

Поэма «Сон», опубликованная в девятом номере «Отечественных записок» за 1856 год, в рукописи называлась «Сон поручика Лосева». Д. Благой назвал эту повесть в стихах реалистически конкретным изображением трагически завершившегося романа Фета и Лазич: «И шутливо-фантастический гротеск приобретает весьма серьезный характер. Поначалу комически поданный вопрос – брать или не брать дьявольские червонцы? – оборачивается важнейшим вопросом о выборе дальнейшего жизненного пути... Как поступил поручик Лосев – в поэме остается неизвестным. Но мы знаем, как поступил поручик Фет» [Благой 1975: С.19].

Структура строфы в поэме «Сон» точно повторяет пушкинскую октаву с соблюдением чередования мужских и женских стихов (аБаБаБвв // АБА-бАбВВ). Если у Пушкина в «Домике в Коломне» действие происходит в святки, а сюжет основан на переодевании героя, то у Фета характер поручика Лосева проверяется на ночном маскараде чертей. Используя прием «карнавализации», Фет поднимает в поэме проблему жизненного выбора. Мир сна, «личное пространство» героя, разрушается дьявольским маскарадом, становится ареной борьбы светлых и темных начал в человеке. Ночь – самое загадочное время суток – ставит героя перед выбором между светом и тьмой.

Духовный и душевный опыт человека стал главным объектом поэтического исследования А. Фета. Поэма «Студент» образует своеобразное единство с поэмами «Талисман», «Сон», «Две липки». Во-первых, они явно автобиографического содержания; во-вторых, написаны октавами; так что в целом составляют автобиографическую повесть в октавах. Развитие одной темы, по мнению исследователей творчества Фета, – главное организующее начало фетовских циклов. Так, в основе сюжета поэмы «Студент» лежат взаимоотношения героя с той же самой Лизой, которая была героиней цикла «Офелия».

В «Студенте» получает окончательное художественное завершение романтическая концепция жизни: любовь умирает, а без любви земной мир становится чужим и пустым:

Гляжу на вас я, умница моя,
Как на своем болезненном вы ложе
Откинулись, разумие тая,
А против вас, со сказочником схоже,
И бормочу, и вспоминаю я
О временах, как был я молод тоже,
Когда не так казалась жизнь пуста,-
И просятся октавы на уста. [Фет 1982: С. 288]

История любви Лизы и студента представляет пародию на отношения Евгения Онегина и Татьяны Лариной. Автор иронически оценивает поступки возлюбленных: «Любить всегда отраднo, но писать -/ Такая страсть у любящих к чему же?! Ведь это прямо дело выдавать,/ И ничего не выдумаешь хуже». В письме Лизы, в отличие от знаменитого письма Татьяны, звучит признание в любви «земной», «телесной». Мотив переодевания, ряженья, усиливает комичность положения героев:

Я помню живо: в самый Новый год
Она мне пишет: «Я одна скучаю.
Муж едет в клуб; я выйду из ворот,
Одетая крестьянкою, и к чаю
Приду к тебе. Коль спросит ваш народ,
Вели сказать, что из родного краю
Зашла к тебе кормилицына дочь
Укутаюсь – и не заметят в ночь». [Фет 1982: С. 292]

Юмористический тон повествования находит поддержку в переносах, разговорной лексике, в характере заключительного двустишия. Здесь Лиза больше похожа на купеческих жен, томящихся от скуки, – Катерину Кабанову и Катерину Измайлову.

Если в ранней лирике Фета характерным состоянием лирического героя была эстетическая восторженность, а в центре его «родного пространства» были «теплое гнездо» деревенского дома и возлюбленная, то герой поэмы «Студент», живущий «в антресоле» старого дома «близ сада, на Девичьем поле», воспоминания юности называет сказкой, а любовь – порождением суетной жизни. Деревенский идиллический мир («дом», «гнездо») становится антитезой столичной жизни, разрушающей духовность, любовь. Соединяя в поэмах романтические элементы с бытовыми, пародируя сюжет «Евгения Онегина», Фет стремился рельефнее передать существо современной ему жизни.

Поэт выбирает из исторического репертуара такую строфу, которая наиболее полно соответствует характеру произведения, поэтическим образам, синтаксической структуре речи, интонации. Таким образом, содержательность поэтической формы может быть не менее значимой для понимания произведения, чем сюжет, потому что строфа «по-особому организует развертывание лирического переживания и является частью авторского замысла» [Вишневский 1984: С. 48].

Список литературы

1. Благой, Д. Мир как красота / Д. Благой. – М., 1975.
2. Гаспаров, М.Л. Очерк истории русского стиха/ М.Л. Гаспаров. – М., 1984.
3. Вишневский, К.Д. Введение в строфику / К.Д. Вишневский // Проблемы теории стиха. – Л., 1984.
4. Измайлов, Н.В. Из истории русской октавы / Н.В. Измайлов // Поэтика и стилистика русской литературы. – Л., 1971.
5. Тархов, А. Своеобразие поэтического мира А. Фета / А. Тархов. – М., 1982.
6. Фет, А.А. Сочинения: в 2 т. / А.А. Фет. – М., 1982.

А.А. Зыков

Курганский государственный университет

Легенды в фольклорном собрании Д.М.Торопова «Новый русский Наутилус»

Талантливый зауральский крестьянин Дмитрий Михайлович Торопов – яркий представитель «низовой фольклористики» на территории Зауралья начала XX века. Этот термин был предложен М.К.Азадовским и принят в современной науке. «Наряду с различными проявлениями фольклоризма в разных слоях дворянского и буржуазного общества необходимо отметить еще факты низового, или массового, фольклоризма... Пожалуй, большее значение для последнего, а особенно для истории фольклористики, имеют многочисленные рукописные сборники и списки песен, былин, сказок, пословиц и других видов фольклора, весьма распространенные в ту эпоху... Какие-то неизвестные любители, книжники, собиратели записывают народные песни, былины, заносят в свои сборники сказки, пословицы, загадки... Все они имеют определенное профессиональное назначение...» [1, 102–103]. Примечательно, что интерес к фиксации бытовавших фольклорных сюжетов мог возникнуть в среде полуграмотных крестьян. «Обращение крестьян к фольклорному краеведению закладывало начало широкого вовлечения грамотного населения края к собирательной работе» [14; 99]. Ярким примером может служить песенник «Новый русский наутилус», записанный Д.М.Тороповым. К сожалению, о жизни талантливого зауральского крестьянина нам известно мало. Его имя впервые было введено в фольклористику В.П.Бирюковым. «Это был интересный представитель старой зауральской деревни. Родился он в селе Крестах, Шадринского уезда, в тех самых Крестах, где когда-то существовала огромная по своим оборотам ярмарка... Сын бедняка, Торопов рано остался сиротой. Он, несмотря на сильную близорукость, выучился грамоте и много читал, что попадет под руки. Сильное впечатление произвел на Торопова роман Жюль-Верна «80 000 лье под водой». Когда Торопов начал писать стихи и составлять сборник песен и всякого рода произведений словесного творчества, он и выбрал себе псевдоним «Наутилус». После революции Торопов прибавляет к этому «Новосвободный» [6; 349-350]. Годы жизни крестьянина его земляк В.П.Бирюков обозначает приблизительно:

конец 1890-х – начало 1930-х годов. Больной, одинокий, но с огромным интересом к духовным вопросам, Торопов много читал, записывал песни, загадки, сказки, легенды, сочинял стихи. Крестьянин-фольклорист предстает перед нами, в первую очередь, пытливым человеком, которому хочется войти в то русло философии, которое объясняет мир и его тайны. Отсюда интерес к этиологическим и социально-утопическим легендам. Ведь «в основе фольклорных легенд лежит представление о чуде, воспринимаемом как достоверность, что определяет их структуру, систему образов, поэтику» [9; 87].

Сегодня исследовательская мысль все настойчивее ищет различия между жанрами устной народной прозы. В составе несказочной прозы выделяют былички, предания, легенды. У каждого из этих жанров свое происхождение, история, образы, структурно-стилистические свойства. Применительно к собранию Д.М.Торопова, особый интерес представляет жанр легенды. А.Н.Пыпин считает, что «легенда имеет ту специальность, что останавливается исключительно на предметах, принадлежащих к области христианских верований и религиозной морали... Первоначальное происхождение легенды было, следовательно, чисто христианское; оно относится еще к первым векам распространения христианства: народное воображение скоро воспользовалось рассказами о жизни Спасителя, о подвигах его учеников; затем любопытство народа пошло и далее, оно остановилось на прошедшей истории человека, на сотворении мира и судьбе первых людей, на загробной жизни, увлекалось, наконец, и теми личностями, которые в настоящую минуту поражали народ возвышенным характером и святостью жизни...» [11; 181]. Т.В.Зуева в словаре-справочнике «Русский фольклор» определяет легенду, как «жанр несказочной прозы, фантастически осмысляющий события, связываемые с явлениями живой и неживой природы, миром людей (племена, народы, отдельные личности), со сверхъестественными существами (Бог, святые, ангелы, нечистый дух)... В отличие от мифов легенды независимы от ритуала; в отличие от преданий события легенды протекают одновременно в прошлом, настоящем и будущем» [9; 87]. В.П.Аникин говорит о том, что «в отдельную жанровую форму отложились рассказы с выражением христианских понятий и представлений. Это – легенды. Их фантастика не шла от языческой демонологии, но не чужда ей. Принятие Русью христианства повлекло за собой проникновение в языческие формы осознания реальности важнейших церковных понятий. Народ узнал содержание библейских книг. Спустя несколько веков можно было уже говорить о том, что вместо единого осмысления жизни заступило сложное смешение языческих и христианских понятий. Смешением в особенности были сильно затронуты этиологические предания. В них сменился характер объяснения происхождения свойств птиц, животных, растений. Прежнее, может быть, естественное, хотя и осложненное мифологией, объяснение стало иным: стремление объяснить явление заменилось христианско-религиозным морализированием и даже учительской наставительностью» [3; 294–295]. От такого рода преданий и пошли легенды. Главным свойством их как жанра стало утверждение морально-этических норм христианства. В статье «Художественное творчество в жанрах несказочной прозы (к общей постановке проблемы)» им отмечена основная функция легенды – «утверждать морально-этические нормы христианства или идеи, возникшие под влиянием

воодушевленного отношения к вере, хотя и понимаемой на мирской, житейски обыденный, порой даже совсем не на церковный манер» [4; 16].

В «Новый русский Наутилус» включено 6 легенд. Четыре из них – этиологические, объясняющие происхождение окружающего мира путем вольного пересказа библейских сюжетов. Это легенды «Откуда горы и овраги пошли», «Откуда произошел табак», «Зачем ласточки реют близ человека». С.Н.Азбелев отмечал, что «христианские легенды иногда являют собой вольную переработку в народной среде того или иного евангельского рассказа – описанного апостолами эпизода земной жизни Христа... Легенда всегда отображает действительность сквозь призму того или иного верования либо той или иной совокупности верований. Важная общественная функция легенды – подкрепить верование, повествуя о чудесном» [2; 17]. В собрание Д.М.Горопова вошла легенда «Откуда горы и овраги пошли». «Строил Господь землю, всю ее выровнял, выгладил: слепому идти – не споткнешься. А дьявол за кустом сидел да поглядывал. И только Господь отвернется, дьявол цапнет горсточку да в рот. Еще отвернется, он опять горсточку да в рот. Кончил Господь, утрудил себя и на спокой пошел, а дьявол вышел и давай землю выхаркивать. И где харкнет, там либо взлобок, либо гора воздвигаются. А то топнет дьявол копытом – либо овраги, бучила. Вот Господь на утро выходит на свою работу полюбоваться, глядь, всюду горы навалены, овраги повырыты. «Наверное, – думает, – враг человеческий эти козни натворил». Кликнул Господь Михаила Архангела: «Ступай, отыщи нечистого и укажи ему выровнять всю землю». Михаил Архангел глянул за куст, а дьявол там сидит. И говорит Михаил Архангел: «Выглади все ровненько. Тебе Господь указал». А дьявол и отвечает: «Стану я этим себя утруждать, и так живет». Отвернулся да еще плюнул. И пошли оттого по свету белому болотины ржавые, да топи, да омуты. И потому место это нечистое и вода в бучиле стоячая да гнилая» [7; 133]. Примечательно, что отдельные мотивы зауральского варианта сопоставимы с вариантами, бытовавшими в других регионах. В частности, устойчивым является мотив вмешательства Сатаны в Божье творение. Действия дьявола вносят дисгармонию в дело Бога. «Множество сохранившихся в народной среде легенд о происхождении ландшафтных особенностей земли – поздние и являются продолжением дуалистических повествований о создании мира двумя творцами-противниками. Обычно в легендах такого рода подчеркивается, что все, что творит Бог, – гармонично, а деяния Сатаны уродливы и портят созданное Богом... Подольская легенда повествует о том, как Сатанаил утаил от Бога несколько песчинок из горсти песка, вытащенной им со дна бездны, и спрятал их за щеку: «Взял Господь тот песок, ходит по морю и рассеивает <...> Да и благословил землю на все четыре стороны. И как только он благословил, так земля и начала расти. Вот растет земля; а та, что во рту у Сатанаила, и себе растет и, наконец, так разрослась, что и губу распирает. Бог и говорит: «Плюй, Сатанаил!» Он начал плевать и харкать. И где он плевал, там вырастали горы, а где харкал, там скалы. Вот почему у нас земля неровная!» [8]. В зауральском варианте Господь наделен человеческими качествами. Он усердно трудится и, как следствие, устает. Подобно человеку, ему нужен отдых. Примечательно, что после того, как Дьявол испортил божествен-

ное творение, ни Бог, ни Архангел Михаил не принимают никаких физических действий для того, чтобы вновь выровнять земную поверхность.

В легенде, записанной Д.М.Тороповым, в неразделимое единство сплелись высокое и низкое, обыденное и необычное. Сюжет о творении Богом земной поверхности наполнен просторечиями, диалектизмами. В текст активно вкрапляются просторечные и разговорные лексические формы. Именно это делает собранный материал уникальным, индивидуальным. Особенно заметно просторечия проявляются в грамматическом и фонетическом оформлении слов общего словарного фонда («на спокой пошел»). Для данной легенды характерны экспрессивно «сниженные» оценочные слова, которым в литературном языке есть нейтральные синонимы (ср. пары «цапнуть» – «схватить»). Иногда Д.М.Торопов разрывает фразеологические конструкции, нарушая при этом их лексическую сочетаемость (например, «козни натворил» вместо «строить козни», «плести козни»). Примечательно, что наряду с просторечными выражениями в тексте встречаются и слова книжного, литературного типа. Но и в этом случае нарушаются нормы лексического словоупотребления («Кончил Господь, утрудил себя и на спокой пошел». Слово «утрудил» используется в значении «устал»). Наряду с этим отметим лаконизм и последовательность при передаче содержания сюжета, что характерно для жанра легенды.

Следует сказать, что все собрание Д.М.Торопова пронизывают устойчивые мотивы протеста против социальной несправедливости. Человек, вытерпевший многое (сиротство, семейную неустроенность, унижение, ложь и беззаконие), продолжает верить в добро, чудо, проповедовать доброжелательное отношение к миру. Отсюда интерес Д.М.Торопова к социально-утопическим легендам. Показательной в этом отношении является легенда «Чудесная цепь». В ней сюжет строится на споре двух соседей, один из которых обвинил другого в воровстве. Чудесным предметом – исполнителем воли высшего суда является цепь. «Цепь же давалась только тому в руку, кто в тяжбе был действительно прав. Однажды сосед украл у соседа деньги и, будучи заподозрен в краже, спрятал деньги воровские в палку, внутри выдолбленную. Оба пошли на судему искать правду. Вор со своей воровской дубинкой, наполненной деньгами. Сперва цепь достал обокраденный, обвиняя в краже своего соседа. Потом вор, отдав свою дубинку подержать обвиняемому, смело взялся за цепь, промолвив: «Твоих денег у меня нет, они у тебя». С тех пор эта цепь, свидетельствовавшая правду, неизвестно как и куда девалась» [7; 132]. Эта легенда – отражение крестьянской философии, размышлений о правде. А.Н.Пыпин говорит, что легенды, «переходя от одного к другому, от поколения к поколению, они не могли сохранить прочной формы... Рассказчики мешали их между собой, соединяли и разделяли» [11; 189].

Некоторые легенды выбрали жанровые черты притчи. В этом отношении наиболее показателен пример легенды «Араб и змея», отмеченный в собрании как жанр «восточная сказка». В тексте говорится о том, как араб помог змее выбраться из горящего леса. В благодарность за этот поступок змея стала его душить, объясняя тем, что «на земле платят злом за добро». После того как шакал помог арабу перехитрить змею, добрый араб не стал убивать змею, а отпустил, сказав: «Прощай, змея, живи и помни, что есть на земле правда

Божия, и людям дано знать ее, и правда эта – воля Божия: любовь и прощение» [7; 98]. Константин Белик в статье «Проблемы нравственности и русская философия» справедливо отмечает, что «одной из характерных черт русской философии были поиски не просто истины, но Правды. Правды как “нравственных оснований жизни”». Правды как некоего высшего единства, целостности, в которой сливаются истина и справедливость, теория и практика» [5]. Неслучайно В.С. Соловьёв стремился «показать добро как правду, то есть как единственный правый, верный себе путь жизни во всем и до конца – для всех, кто решится предпочесть его» [12; 79].

Особенностью коллекции Д.М.Торопова являются комментарии к текстам: общеизвестные цитаты или собственные лирические отступления, обобщающие, оценивающие поступки героев или ситуации. Так, в легенде «Где искать красоты жизни» крестьянин-фольклорист пытается продолжить размышление на тему красоты и счастья: «Человек ищет истину и как охотник бродит за ней по лесу. Чаща какая-то кругом, впереди болотная топь, время, как дятел, отсчитывает потерянные мгновения. Одиноко, тоскливо. Как быть? Где искать красоты жизни? Радости и счастье ее в вечных, старых, седых, как мир, человеческих истинах, в истинах о Боге, о Божьей правде, но Божьей любви. Кто даст свободу телу, губит душу» [7; 112].

Подведем итоги. Благодаря работам Д.М.Торопова, в фольклористику введены новые оригинальные варианты легенд, что расширяет знания о географии и времени их бытования. Кроме того, записи зауральского крестьянина позволяют выявить межжанровые связи легенды, ее соприкосновения с притчами и сказками.

На территории Шадринского уезда в начале XX века записывались легенды разного типа. В основном это этиологические легенды («Откуда горы и овраги пошли», «Откуда произошел табак», «Зачем ласточки реют близ человека», «Где искать красоты жизни»). Но также встречаются и социально-утопические легенды («Чудесная цепь», «Араб и змея»), предостерегающие от нарушения церковных запретов. Изучение этих легенд позволяет составить типологию наиболее ярких мотивов и образов: стремление к правде, сострадание к ближнему, проповедование добра и справедливости, материальное истощение и духовное возрождение. Д.М.Торопов был пытливый человек. Именно это качество вызывало у него интерес к тайнам мироздания, тайнам человеческой души. Он не произвольно, а целенаправленно отбирал материал, обладающий ценной нравственно насыщенной информацией. Следует также отметить четкость позиции и широту взглядов провинциального полуграмотного крестьянина, который пытался осмыслить, понять окружающую его тяжелую социальную обстановку. Он показал российскую действительность – новый русский наutilus, показал бытование легендарных сюжетов в переломный момент истории. «Рукопись Д. М. Торопова свидетельствует о начитанности составителя, высокой аксиологической шкале восприятия литературы» [13].

Следующий этап работы – сопоставление легенд из «Наутилуса» с вариантами других регионов. Можно предположить, что сопоставительные исследования легенд и сказок дадут дополнительные сведения о своеобразии этих жанров.

Список литературы

1. Азадовский, М.К. История русской фольклористики: в 2 т. / М.К. Азадовский. – М., 1958. – Т.1. – 479 с.
2. Азбелев, С.Н. Русская народная проза / С.Н. Азбелев // Народная проза. – М., 1992. – 608 с., 24 л. ил. – (Б-ка русского фольклора; Т.12).
3. Аникин, В.П. Русское устное народное творчество: учеб. для вузов / В.П. Аникин. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – 735 с.
4. Аникин, В.П. Художественное творчество в жанрах сказочной прозы (к общей постановке проблемы) / В.П. Аникин // Русский фольклор. Русская народная проза. – Л., 1972. – Т.13. – С.16.
5. Белик, К. Проблемы нравственности и русская философия [Электронный ресурс] / К. Белик // FOCUS Online – Режим доступа: http://vseedinstvo.narod.ru/moe/probl_nrav.htm.
6. Бирюков, В. П. Дореволюционный фольклор на Урале / В. П. Бирюков. – Свердловск, 1936. – 368 с.
7. ГАСО Ф. Р-2757 коллекция 1194 тетрадь 1, конверты 1-2.
8. Земля и ландшафтные объекты // Русская мифология: энциклопедия [Электронный ресурс] // FOCUS Online. - Режим доступа: http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/141743/7/Eriashvili%2C_Madlevskaya%2C_Pavlovskiii_-_Russkaya_mifologiya._Enciklopediya.html
9. Зуева, Т.В. Русский фольклор: слов. - справ.: кн. для учителей. / Т.В. Зуева. – М., 2002. – 334 с.
10. Назаров, В.Н. Опыт хронологии русской этики XX в.: третий период (1960–1990) / В.Н. Назаров // Этическая мысль.– М., 2003. – Вып. 4. – С. 180.
11. Пыпин, А.Н. Русские народные легенды / А.Н. Пыпин // Народные русские легенды А.Н. Афанасьева. – Новосибирск, 1990. – 270 с.
12. Соловьёв, В.С. Оправдание Добра / В.С. Соловьёв // Соч.: в 2 т. - М., 1990. Т. 1. – С. 79.
13. Федорова, В.П. Бирюков – собиратель и хранитель частных архивов. Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры»: материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 25–26 февр. 2011 г.: в 2 ч. / В.П. Федорова//Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ред. проф. Н.Г. Апухтина. – Челябинск, 2011. – Ч. II. – 350 с.
14. Федорова, В.П., Шарипова, Г.Р. Иван Михеевич Первушин – просветитель, краевед: монография / В.П. Федорова, Г.Р. Шарипова. – Курган, 2010. - 192 с.

О. И. Иванова

Северо - Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Культура Якутии в «сибирском тексте» В.Г. Короленко

На сегодняшний день проблема исследования межкультурных связей является одной из самых актуальных. Развитие любой литературы, так или иначе, связано с постоянными межнациональными, межэтническими контактами. В

связи с этим изучение творчества Короленко позволяет выявить новые аспекты становления и развития поэтики произведений писателя.

В.Г. Короленко – уникальный пример русского писателя, на творчество которого так глубоко повлияла якутская действительность по причине долговременности ссылки (1881-1884), впечатлительности, чуткости, природной отзывчивости его художественной натуры, гибкости воображения, способности проникнуть в чужое сознание. Немаловажную роль сыграло и яркое своеобразие якутской культуры, глубоко отличной от европейской.

Наиболее известным произведением якутского периода является рассказ «Сон Макара»(1885), первый вариант которого был написан непосредственно в селе Амга не позже января-февраля 1883 года. Прототипом для образа Макара послужил обьякутившийся крестьянин Захар Цыкунов, хозяин избы, в которой проживал В.Г.Короленко. В письме к сестре, Э.Г.Короленко, от 26 декабря 1883 года, писатель описывает жильё Захара следующим образом: «...Едва ли ты, не видевшая ссыльных “видов”, можешь себе представить, как и в какой обстановке проходит это существование. Я описывал тебе юрту: эта юрта – одна из худших. В ней вместо окон две небольших льдины. Рядом – хоттон (хлев), двери которого в юрту никогда не закрываются, - от этого к коровам идет тепло из хозяйского жилья, а к хозяевам вонь из хлева. Камелек тоже никогда не закрывается, поэтому ночью у них устанавливается температура ниже нуля. В этом холоде, мраке и вони копошатся люди и в будни и в праздники. В будни пьет один хозяин, а жена–якутка его за это колотит. В праздник по вечерам я слышу, как оба супруга в добром согласии возвращаются из гостей оба пьяные в одинаковой степени»[2:184].

Макар так же, как и его прототип, женат на якутке, лучше владеет якутским языком, чем русским, не отличается от якутов ни привычками, ни образом жизни. В своих произведениях писатель обращает внимание на двоеверие, характерное для жителей этих мест. В частности, в неоконченном рассказе «Белая пташка» один из персонажей отзывается о якуте, гостящем у ссыльных, так: «Прикидывается подлец! Бога омманывает... Вы на него не смотрите, что у него в юрте икона в переднем углу. Он поганец шамана своего позовет, - сейчас икону лицом к стене повернет. Думает, она не увидит... Небось, она, матушка, и с повернутым лицом твои пакости все узнает...»[3: 430].

Анализируя рассказ «Сон Макара», исследователь С.М. Телегин по поводу двоеверия якутских жителей отмечает, что причиной двоеверия является не просто смешение языков или совпадение религий. Ключевым можно считать замечание Короленко, что русские крестьяне, пришедшие в якутскую тайгу, «незаметно дичали. Женясь на якутках, они перенимали якутский язык и якутские нравы. Характеристические черты великого русского племени стирались и исчезали». По мнению исследователя, это очень важное с точки зрения культурологии открытие: смешение религий (двоеверие) есть прямое следствие смешения крови (сначала женились на якутках, а лишь затем и вследствие этого перенимали их язык и обычаи). Характер веры зависит от характера человека, племени, народа. Национальная однородность ведет к культурной и религиозной однородности. В основе нации лежит типобразующая сила, выраженная в чистоте ее крови, в мифе и в герое. Национальность есть чувство аристократи-

ческое. Национальному мифу всегда противостоит народный хаос – смешение крови, религий и, как следствие, отсутствие героизма, чести, воли [8: 85].

При всей своей резонности размышления С.М. Телегина представляются нам достаточно спорными и напоминают точку зрения певца английского империализма Р.Киплинга, высказанную в рассказе «За чертой» (сборник «Простые рассказы с гор»(1888)): «При всех обстоятельствах человек должен держаться своей касты, своей расы и своего племени. Пусть белый прилепится к белому, а черный к черному. И тогда никакие превратности не нарушат привычного распорядка вещей, не будут внезапны, непостижимы или неожиданны»[1].

Короленко понимал по-якутски и свободно разговаривал с якутами. Для писателя был характерен взгляд на якутское искусство как на выражение духовного содержания нации. В рассказе «Ат-Даван»(1892) Короленко описывает ямщиков, расположившихся у камелька. Один из них поет заунывную песню. «Из горла его лились, примешиваясь к шипению и треску пламени, странные, то протяжные, то истерически-порывистые – звуки. Это была якутская песня-импровизация, - песня, в которой только привычное ухо может уловить признаки своеобразной гармонии»[4: 280]. Писателя удивляет эта песня, непохожая на те, что он слышал раньше. Он отмечает, что «есть своя доля красоты и в этом диком гортанном прерывистом завывании, похожем то на плач, то на шум ветра в диком ущелье...»[4: 280]. Якутская песня является отражением горестного состояния души якута. Ведущая нота якутской поэзии (печаль) влияет на тональность произведений Короленко, определяющим настроением которых является тихая грусть.

Своеобразно объясняет Короленко происхождение гипербол в якутских песнях. Он пишет: «От севера же, от пугливого морозного воздуха, в котором треск льдины вырастает в пушечный выстрел, а падение ничтожного камня гремит, как обвал, - песня приобретала пугливую наклонность к чудовищным гиперболам, к гигантским устрашающим преувеличениям»[4: 281].

Представляет также несомненный интерес высказывание Короленко в «Истории моего современника» об олонхо. Он отмечает, что олонхо – это не записанная поэма. Оно рождается, создается в процессе исполнения и в этом своеобразии его бытования. «В якутской поэзии, - подчеркивает Короленко, - ... есть то, чего у нас нет, - много непосредственности. Якут сразу выливает свои ощущения, без затруднения находя для них и рифмы и своеобразный ритм...»[5: 347]. Далее, касаясь сцены исполнения олонхо, Короленко там же пишет: «Якуты часто садятся у камелька и, уставив глаза на огонь, слушают длинную импровизацию, целые поэмы... Иные поэмы можно петь несколько вечеров подряд, и их слушают все с тем же захватывающим вниманием». Здесь же Короленко говорит о богатых изобразительных возможностях якутского языка. Когда, например, описывается покос, то дается, пишет он, «описание всех кочек разных форм: кочки с круглыми головами, кочки с головами остроконечными, и для каждой формы есть особое существительное»[5: 344-345].

Интерес к якутскому фольклору Короленко продолжал проявлять и впоследствии, по возвращении из ссылки. Во многих своих письмах, адресованных Т.А.Афанасьевой, он просит записать для него якутские песни и олонхо и пере-

слать их незамедлительно. В письме от 5 октября 1885 г. из Нижнего Новгорода Короленко пишет: «Не могу теперь себе простить той лени, которая мне помешала собрать якутские сказки и песни. Будьте добры, передайте моим товарищам просьбу: записать и переслать хоть несколько таких песен, сказок и особенно – о завоевании русскими. В этом вы, Татьяна Андреевна, можете очень и очень помочь им: заставьте как-нибудь вечером Осипа Васильевича записать “олонхо” по вашему переводу. Буду вам очень благодарен»[6].

Интерес к эпосу якутов содействует некоторой перестройке сознания Короленко на якутский манер. Проникая в поэтическое выражение сознания, мирозерцание, т.е. в эпос якутского народа, он усваивает то, как мир отражается в сознании данного народа. В статье «В.Г. Короленко и якутское народное творчество» К.Ф. Пасютин отмечает, что В.Г. Короленко со дня приезда в якутскую ссылку и до последних дней своей жизни проявлял большой интерес к якутскому народному творчеству, собирал и изучал его, раскрыл его богатство и своеобразие, творчески использовал его в своих художественных произведениях, высоко ценил его и сам испытал на себе его благотворное влияние [7,230].

От произведения к произведению все заметнее становится обогащение художественной манеры Короленко приемами, подсказанными мирозерцанием, дополненным и в каких-то сторонах этого мировосприятия измененным под влиянием якутского начала (природы, окружения, искусства).

Список литературы

1. Киплинг, Р. Девять сборников рассказов [Электронный ресурс] / Р. Киплинг // FOCUS Online. – Режимдоступа: http://thelib.ru/books/kipling_redyard/devyat_sbornikov_rasskazov-read.html
2. Короленко, В.Г. Письма из тюрем и ссылок. 1879-1885 / В.Г. Короленко. – Горький, 1935.
3. Короленко, В.Г. Сибирские очерки и рассказы: в 2 ч. / В.Г. Короленко. – М., 1946. – Ч.2.
4. Короленко, В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. / В.Г. Короленко. – М., 1971. – Т.1.
5. Короленко, В.Г. Собрание сочинений: в 5 т. / В.Г. Короленко. – Л.,1989. – Т.5.
6. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.55, оп.1, д.4.
7. Пасютин, К.Ф. В.Г. Короленко и якутское народное творчество / К.Ф. Пасютин // Труды историко-филологического факультета. – Якутск,1969. – С.225-230.
8. Телегин, С.М. Мифореставрация рассказа В.Г. Короленко «Сон Макара» / С.М. Телегин // Филологос. – 2009. – Том 3-4. - № 6. – С.75-88.

Образ Армянина в Духовидце Шиллера

В комментарии к «Духовидцу» в собрании сочинений Шиллера в переводах русских писателей А. Горнфельд писал:

«... Некоторые читатели, быть может, зададут вопрос, кто же, собственно, подразумевается под названием духовидец. На это отвечает заглавие одного английского перевода: „Армянин, или Духовидец” [2, 625].

Действительно, Армянин – одна из центральных фигур фрагмента, просто-таки приковывающая к себе внимание читателя. Первые сведения о внешности Армянина сообщает рассказчик в первой книге, граф фон О***, непосредственно перед сценой выигрыша в лотерею. Армянин тогда предстал в облике русского офицера:

«... В лице последнего было нечто примечательное, и он сразу привлёк наше внимание. Никогда в жизни мне не приходилось видеть лицо столь характерное и вместе с тем безвольное, столь чарующе-привлекательное и в то же время отталкивающе-холодное. Как будто все страсти избороздили это лицо, а затем покинули его, – и остался только бесстрастный и пронизывающий взгляд глубочайшего знатока человеческой души, взгляд, при встрече с которым каждый в испуге отводил глаза» [3,544].

Позднее, маркиз Чивителла даёт характеристику Армянину в седьмом письме второй книги, когда рассказывает о романтическом происшествии из своей жизни. Этот рассказ интересен тем, что в нём фигурируют одновременно два примечательных персонажа (кроме Армянина, ещё и Гречанка). Несмотря на то, что по сюжету «Духовидца» Гречанка обладает поистине божественной красотой, а Чивителла известен во всей Венеции как беспримерный ловелас, когда его взор падает на её спутника (Армянина), Чивителла говорит, что

«... тут даже её красота перестала приковывать моё внимание. То был, как мне показалось, мужчина в расцвете лет, несколько худощавый, высокого роста, величественной осанки. Я никогда ещё не видел лица, озарённого таким умом, таким благородством, такой божественной мыслью. Хотя я и знал, что заметить меня невозможно, но всё же не мог выдержать его пронизывающего взгляда, молнией сверкавшего из-под тёмных бровей. Вокруг его глаз лежала смутная тень грусти, а выражение доброты в очертаниях губ смягчало печальную суровость, омрачавшую его лицо. Весь его облик производил необычайное впечатление, ещё усиленное тем, что характер лица у него был не европейский, а его одежда, подобранная смело и с неподражаемым вкусом, представляла как бы смесь из одеяний разных народов. По рассеянному взору можно было предположить в нём мечтателя, но манеры и осанка обличали человека опытного и светского» [Там же,633].

Итак, главное отличие полумифического образа Армянина от обычных людей составляет некий особый, «демонический» взгляд. В своё время о мотиве

устрашающего взора писал М.П. Алексеев в приложении к «Мельмоту-скитальцу» Ч.Р. Мэтьюрина, замечая, что «... он [мотив. – Д.П.] довольно банален для характеристики злодеев и преступников и встречается особенно часто в готических романах...» [1,610]. Однако говоря о Шиллере, можно заметить, что из перечисленных М.П. Алексеевым сочинений, только «Ватек» Уильяма Бекфорда опережает «Духовидец» по времени создания, причём не обнаружены сведения о том, что Шиллеру была знакома эта сказка. Если вспомнить о том, что во вставной новелле Сицилианца францисканский монах также оказывается Армянином, то выясняется, что в этом образе Шиллер использовал и другие мотивы, ставшие через несколько лет определяющими для многих героев «готической» прозы. Это и мотив долголетнего – на целые века – существования, и мотив всеведения, полученного героем то ли в результате сделки с дьяволом, то ли путём волевых усилий и занятий наукой.

Немецкие литературоведы оставляют вопрос о том, планировал ли Шиллер образ Армянина как некое воплощение вселенского зла, открытым. Это неудивительно, так как, судя по всему, данный персонаж должен был окончательно проявить себя в ненаписанном продолжении, где Принц начал бы предпринимать конкретные шаги по захвату трона. Но всё же думается, что рассказ Чивителлы достаточно ясно показывает, что Армянин для Шиллера – не демон, а реальный человек, не чуждый благородства и даже доброты. Это, кстати, вполне согласуется с Шиллеровыми взглядами на двойственность природы человека и наводит на мысль о возможном нравственном перерождении Армянина. На самом деле, Армянин преследует не какую-то мировоззренческую цель («совратить» Принца, тем самым доказать, что добро слабее зла), а вполне земную, политическую задачу: всеми возможными способами посадить на трон в одном из немецких княжеств марионетку. Собственно, это и позволяет части исследователей усматривать в Армянине генерала ордена иезуитов.

Впрочем, даже если Армянин пытается возыметь власть над Принцем в личных целях, он всё равно заметно отличается от сложившегося представления о рядовом шарлатане. Армянин умнее, сильнее, аристократичнее и смелее обычных мошенников. Это позволяет ему в глазах своих «коллег по цеху», вроде Сицилианца, заполучить ореол некой сверхъестественной фигуры, которая не боится ни огня, ни меча, ни яда. Интересно, что в силу тех же самых причин (своей неординарности) образ Армянина в романе оказался для склонных к суевериям современников Шиллера наиболее привлекательным и затмил собой остальных персонажей.

Итак, Армянин скорее не демон, а опасный противник. При здравом размышлении наибольшую опасность он может представлять для человека, который внутренне ещё не созрел, чей дух ещё некрепок, знания почерпнуты в основном из книг и не базируются на твёрдом мировоззренческом фундаменте, т.е. для Принца. Одновременно Армянин, как и его исторический прообраз – Калиостро, видится как олицетворенный упрёк тому обществу, которое допускает существование подобных персонажей. Здесь приходится вспомнить слова Ганса Эверса, написанные им в Венеции в 1921 году:

«... Ещё одно слово: поразительно современен Шиллер! Если забыть о шпагах и напудренных париках, кажется, будто действие происходит в

наши дни. Чудотворцы и благодетели человечества, фантастические общества и ордена, угрюмо и яростно враждующие между собой. Кто перед нами – гуру, или обманщик, или оба в одном лице, – называйся он Шрепфер, Старк, Калиостро, Месмер? Тогда – иллюминаты и розенкрейцеры, сейчас – оккультисты, спиритисты, теософы, антропософы; тогда и сейчас во всех городах и странах – духовидцы всех мастей. Но, разумеется, столь гениального молодца, как шиллеров “армянин”, не на каждом перекрёстке встретишь» [4,379-380].

Любопытно также отметить, с каким коварством ведётся «охота на благородную дичь». Если допустить, что Армянин – главный организатор козней, то сам он во второй книге упоминается лишь дважды, да и то один раз – с временной референцией к прошлому, к предыстории событий: об Армянине (как выяснилось позднее) сообщает маркиз в седьмом письме, затем эта таинственная фигура появляется уже в самом конце фрагмента. Таким образом, вся работа по развращению Принца выполнялась чужими руками.

Образ Армянина примечателен тем, что в нём присутствуют внешние черты, которые через несколько лет станут определяющими для целой вереницы «готических злодеев». При этом функция Армянина как инициатора процесса духовного разрушения роднит его с просветительскими «адвокатами дьявола», вроде Годэ и д'Арраса из «Совращённого поселянина» Ретифа. Тем самым шиллеров Армянин, с одной стороны, может быть назван среди литературных персонажей, подготовивших рождение байронического героя, с другой – он является предком бальзаковского Вотрена.

Список литературы

1. Алексеев, М.П. Ч.Р. Мэтьюрин и его «Мельмот Скиталец» /М.П. Алексеев // Мэтьюрин Ч.Р. Мельмот Скиталец. – Л., 1976.
2. Горнфельд, А.Г. Духовидец / А.Г. Горнфельд // Шиллер, Ф. Собр. соч. в пер. русских писателей: в 4 т. / под ред. С.А. Венгерова. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901-02. – Т.3. – С. 623-626.
3. Шиллер, Ф. Собр. соч.: в 7 т. / под общ. ред. Н.Н. Вильмонта и Р.М. Самарина. – М., 1956. – Т. 3.
4. Эверс, Г.Г. Послесловие / Г.Г. Шиллер // Шиллер Ф., Эверс Г.Г. Духовидец. – М., 2000.

Н.А. Трофимова

*Научно-исследовательский университет Высшая Школа Экономики,
Санкт-Петербург*

Мужчины в зеркале немецкого анекдота

Что мы знаем о мужских и женских стереотипах? Типичный мужчина контролирует свои эмоции, целеустремлен, честолюбив и последователен в достижении целей. Женщина считается эмоциональной, интуитивной, социально ориентированной, испытывающей потребность в защите. Таковы общеприня-

тые гендерные образы. На их основе мы по-разному интерпретируем одинаковое по сути поведение мужчины и женщины: мужчина, настаивающий на своем праве, считается упорным, женщину в этом случае назовут назойливой. Сексуально активный мужчина будет оценен более чем положительно, женщину оклемят распутницей. Он легко решает любые вопросы, она устраивает истерики. Или наоборот: она чувствительна, он эмоционально «непробиваем». «Стереотипы служат тому, чтобы быстрее обработать информацию о человеке и как можно меньше усилий тратить на мышление», - объясняет А. Абеле-Брем, эксперт по социальной психологии [3]. Чаще всего наши представления о гендерных различиях содержат крупицу правды, но они обобщают, округляют данные, поскольку не учитывают индивидуальные особенности каждого представителя пола. С этим утверждением следует согласиться, но оно не отрицает необходимости изучения гендерных стереотипов, которые дают нам первичное знание о качествах, свойствах и поведении, характерных для полов, их социальных ролях и рассматриваются в качестве прототипов для описания реальных мужчин и женщин.

Гендерный аспект репрезентируется в текстах многих жанров, по-разному изображающих видение и восприятие мира мужчинами и женщинами. Материалом для настоящей статьи был избран текст бытового анекдота как «сложный культурный феномен, аккумулирующий в себе свойства различных областей человеческого бытия» [1: 3] и отражающий менталитет народа, его культурные ценности, в том числе отношения полов. Анекдот является своего рода пародией на события, происходящие в современном обществе, шутливой имитацией практически любых реалий общественной жизни, возникающей как реакция общества на механическую косность характера, ума и даже тела.

Сарказм гендерных анекдотов направлен на определенные характеристики полов, их поведение в той или иной ситуации, в анекдотах они подвергаются юмористическому переосмыслению и по-своему отражают действительность. Примером мужского сексистского анекдота, высмеивающего специфические особенности и поведение женщин, может служить следующий: - *Was haben Frauen und Krawatten gemeinsam? - Man wählt sie meist bei schlechter Beleuchtung und dann hat man sie am Hals.* В этом довольно неприятном для женского восприятия анекдоте имплицитно представлена мечта мужчины об идеальной спутнице - красивой при любом освещении, приятной в общении, связь с которой не ассоциируется с удавкой на шее.

А вот «женский» анекдот: *Dein Gemecker, - motzt der Mann, - geht mir zum einen Ohr rein und zum anderen raus. Kontert die Frau: Es ist auch nichts dazwischen, was es aufhalten könnte.* Смешно, но в целом тоже не лишено стереотипов (мужчина не обладает большим умом). «Очевидно, что анекдот стал своего рода оружием в борьбе полов за лидерство», - считает известная исследовательница гендерного юмора Хельга Котхоф [2]. Мужчины все еще развлекаются очередным пересказом скабрёзностей о глупых блондинках и супруге со скалкой, все реже вызывающих смех окружающих. Но современная женщина находчиво парирует глупые шутки. Она самоуверенна и не боится больше ни жесткого сарказма мужчин, ни самоиронии. Женским темам в анекдоте (свекровь и блондинка) нет мужского соответствия, поэтому женщинам приходится быть

изобретательными, считает Х. Котхофф. Предпринятый в настоящей статье обзор «мужских» тем, над которыми смеются немецкие женщины, дает нам возможность познакомиться с творческими возможностями современного прекрасного (сильного!) пола и «нарисовать» портрет отвергаемого мужчины и далее на его основе методом «от обратного» образ мужчины, которого женщины хотели бы видеть рядом с собой.

Наиболее многочисленная группа немецких анекдотов о мужчинах касается их умственных способностей (29% отобранного для анализа материала). Они совершенно очевидно созданы эмансипированными женщинами, которые, мягко говоря, не очень высокого мнения об этом аспекте личности противоположного пола. В этих анекдотах невежество мужчин противопоставляется интеллигенции женщин (- *Warum lieben intelligente Frauen Männer? - Weil Gegensätze sich anziehen*), в них тематизируется скудость мужского ума (- *Wie nennt man einen Mann mit einem IQ von 50? - Begnadet!; - Was ist das kleinste Gefängnis der Welt? - Das Gehirn eines Mannes. Es hat nur zwei Zellen; - Woran stirbt der intelligente Gedanke eines Mannes? - An Einsamkeit!*) или его полное отсутствие (- *Warum haben Männer einen Kopf? - Damit sie das Stroh nicht in der Hand tragen müssen!*). Мужчины теряют способность трезво мыслить, потеряв супругу (- *Wie nennt man einen Mann, der 90% seiner Denkfähigkeit verloren hat? - Einen Witwer*), но это и понятно, поскольку жена подобна начальнику генерального штаба, она должна все учесть, все просчитать наперед, все успеть. Куда шахматным игрокам до нее! Женщины не только более сообразительны от природы, они еще и лучше образованы (- *Was ist ein Mann zwischen zwei Frauen? - Eine Bildungslücke*). Ну и разумеется, еще одна важная характеристика, высмеиваемая женщинами, - факт, что мужчина думает совсем не головой, а другой частью тела. Вот один из замечательных анекдотов на эту тему: *Eine einsame kleine graue Zelle kommt in das Gehirn eines Mannes. Dort ist es stockfinster und grabesstill. Die kleine Zelle ruft "Huhuu, ist denn hier niemand?" Es antwortet niemand. Die kleine Zelle ruft wieder "Huhuuuuu, hört mich denn keiner?" Wieder keine Antwort. Da kommt eine andere kleine Zelle vorbei und fragt: "Was machst du denn hier so ganz alleine, komm doch mit, wir sind alle unten"*. Следующий анекдот менее иносказателен, он называет вещи своими именами: - *Wie nennt Frau einen Mann, dem 99% seines Gehirns amputiert wurden? - Eunuch*. Такой вот ориентированный на животный инстинкт образ мышления, он отличает мужчин от женщин, обладающих здравым умом: - *Warum haben Frauen keinen Schwanz? - Weil sie ihr Hirn im Kopf haben*.

Кстати, о сексе. Это исключительно важная тема анекдотов о мужчинах. Казалось бы, здесь мужчина должен быть героем. Но нет, женщине опять приходится самой организовывать свою интимную жизнь, поскольку мужчина в анекдотах (типичный!?) либо не заинтересован в сексе, либо неспособен по разным причинам исполнять супружеский долг. Женщины возмущены эгоизмом мужчин в интимных делах, их нацеленностью только на собственное Его (- *Wie beruhigt ein Mann seine Freundin, die ängstlich wird, als sie zum ersten Mal miteinander ins Bett gehen? - "Keine Sorge, Schatz, es dauert höchstens eine Minute"*). В анекдотах высмеивается половое бессилие мужчин, эта тема поднимается сексуально неудовлетворенными супругами, как правило, немолодого возраста:

- *Warum schwitzen Männer ab 50 zwischen dem ersten und zweiten Geschlechtsakt immer so? – Weil der Sommer dazwischen liegt!* Мужчинам кажется, что все причины их сексуальных неудач на семейном фронте кроются в привычке к жене, ее предсказуемостью, отсутствием в ней интриги. Они жаждут приключений, притока адреналина в кровь. И когда они готовы отправиться на поиск новых впечатлений (*Die Ehefrau sieht ihren Mann die Koffer packen und fragt ihn, was das denn solle. Sagt der Mann: "Ich habe gelesen, dass Mann auf einer Insel im Indischen Ozean für jedes Mal Sex mit einer Frau 25 EURO bekommt. Da fliege ich jetzt hin."*), здравомыслящие женщины опускают их на землю, реально оценивая их потенциальные возможности как химеру (продолжение анекдота: *Die Ehefrau fängt an, ebenfalls einen Koffer zu packen. Fragt der Mann, was das nun solle. Sagt die Frau: "Ich komme mit. Ich möchte zu gern sehen, wie DU mit 25 EURO im Monat auskommst"*).

Как же быть неудовлетворенной женщине, сидеть у окна и ждать, когда, наконец, милый муж сочтет возможным/необходимым обратить на нее и ее физиологические потребности свое драгоценное внимание? Эти времена прошли. Большая группа анекдотов (15%) тематизирует измену жены, которая, вероятно, решила не ждать, а пойти мичуринским путем ("Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее - наше задача"). Пример: *Der Ehemann kommt nach Hause und findet seine Frau mit seinem besten Freund im Bett. "Was macht Ihr denn da?" brüllt er. "Siehst du", sagt sie zu ihrem Liebhaber, "ich habe dir doch gesagt, dass er blöd ist"*. В приведенном анекдоте жена не только не сожалеет об измене, она не скрывает своего пренебрежительного отношения к супругу, открыто, в его присутствии заявляя о его умственной несостоятельности. Такое нескрываемое уничижение - тоже факт нового «обертона» женского образа: женщина не считает больше нужным скрывать свои любовные связи на стороне (ср.: *Er: Schatz, warum lässt Du mich nicht spüren, wenn Du einen Orgasmus bekommst? Sie: Weil Du nie dabei bist* или *Ein Mann sagt zu seiner Frau: "Ich wette, Du schaffst es nicht, einen Satz zu sagen, der mich gleichzeitig fröhlich und traurig werden lässt!" Die Frau antwortet wie aus der Pistole geschossen: "Schatz, du hast den größten Penis der ganzen Nachbarschaft!"*). В этом факте отражаются произошедшие в последние десятилетия изменения социального положения женщины: она больше не зависит от мужчины материально, она успешна в профессии. Даже детей она может родить без помощи мужчин. Что же говорить о свободе ее сексуальных отношений!

Но есть и другая группа анекдотов (скорее малочисленная, всего 5%), героем которых является мужчина-мачо со всеми его атрибутами, сосредоточенный на сексуальном покорении прекрасного пола, романтика и представление о любви у которого ограничивается постелью: - *Was ist die männliche Definition eines romantischen Abends? - Sex; - Was nennt ein Mann wahre Liebe? - Eine Erektion*. В этом и подобных анекдотах говорит все та же неудовлетворенная женщина, но это неудовлетворенность другого рода (частью спровоцированная эмансипированностью самих женщин) - это тоска по почти ушедшим в лету временам романтических встреч и робких поцелуев, когда первое знакомство не вело напрямиком в спальню, когда действующие лица любовной игры ждали

встреч, вздрагивали от прикосновений и краснели только при мысли о физическом наслаждении друг другом.

Только несколько приведенных примеров анекдотов об отношении мужчин к сексу свидетельствуют о розовой (ибо недостижимой) мечте женщин об идеальном партнере - умном, образованном, хорошо воспитанном, достойном человеке, мозг которого располагается там, где ему положено быть, с одной стороны, и романтичном, внимательном к настроению женщины, всегда готовом к исполнению супружеского долга, с другой стороны (*Wie nennt man einen gutaussehenden, intelligenten und sensiblen Mann? - Ein Gerücht!*).

Мужчины не любят и не умеют вести домашнее хозяйство (готовить, убирать, стирать и т.д.), оказывать жене помощь по дому, констатируют анекдоты, составляющие 10% от общего количества проанализированных. Это совсем не вызывающая удивление особенность представителей мужского пола, она является следствием некорректной гендерной социализации детей и подростков, которым изначально прививаются полярные социальные роли, представления о гендерном разделении труда. В результате мужчины либо просто неспособны сделать что-либо полезное (- *Warum kochen Männer nicht? - Es wurde noch kein Steak erfunden, was in den Toaster passt; Wir versuchen, ihn von der Küche fernzuhalten. Das letzte Mal, als er gekocht hat, hat er den Salat anbrennen lassen*), либо не хотят хоть как-то проявиться в этом отношении: - *Wenn ein Mann einen Stapel Teller in einer Stunde abwaschen kann, wie viele Stapel Teller können 4 Männer in 2 Stunden abwaschen? - Keinen. Sie setzen sich zusammen und schauen sich im Fernsehen Fußball an.* Мужчина в анекдотах ленив, главное место его дислокации - диван, его основной инструмент - пульт от телевизора, все остальные приборы остаются вне его компетенции и желания: - *Warum machen Männer keine Wäsche? - Weil die Waschmaschine und der Trockner nicht mit der Fernbedienung funktionieren.* Такой анекдотический образ мужчины нарисован «многорукими» женщинами-домохозяйками, все еще живущими по правилам домостроя, на плечах которых кухня, дети и сам муж, которого нужно обстирать, накормить, напоить, ублажить и пр. Она выполняет возложенные на нее обязанности честно и беспрекословно, но выливает свое недовольство в таких вот историях-анекдотах, являющихся для нее своего рода катаргическим вентилем. Высказалась - и можно жить дальше...

В жестком современном мире с перераспределением функций между мужчиной и женщиной (женщина все чаще является «кормилицей», осуществляющей общее руководство в семье, но продолжающей при этом исполнять семейно-бытовые обязанности) умение добиваться своих целей имеет первостепенное значение. Для успешной женщины ценность лежащего на диване мужа из анекдота приравнивается к ценности тряпки: *Kleines Mädchen in der Badewanne: "Mami, wo ist denn der Waschlappen?" Mami: "Der ist nur schnell Zigaretten kaufen!"* Он презрительно награждается самыми нелюбезными обозначениями: *Was macht die Frau morgens mit ihrem Arsch? - Sie schmiert ihm ein Brot und schickt ihn zur Arbeit.* Перед глазами возникает образ мужчины в майке и в трико с «пузырями» на коленях, «разговаривающего с телевизором», так похоже созданного актерами передачи «Наша Раша». Иначе говоря, мужчина абсолютно бесполезен (7% анекдотов): - *Was ist der Unterschied zwischen einem Mann*

und einem Q? – Da gibt es keinen! Männer sind auch Nullen mit einem Schwänzchen. Он сравнивается с подержанной вещью, доступной, дешевой, но ненадежной: - *Was haben ein Mann und ein Gebrauchtwagen gemeinsam? – Beide sind leicht zu kriegen, billig und unzuverlässig.* Отношение женщины к такому «сокровищу» соответственное - она не дорожит им, легко может от него отказаться при первом удобном случае: *Die Frau rennt ins Haus, schmeißt die Türe hinter sich zu und schreit: “Liebling, pack Deine Sachen, ich habe im Lotto gewonnen!” Der Ehemann: “Großartig! Soll ich fürs Meer oder fürs Gebirge packen?” Die Ehefrau: “Ist mir wurscht. Verschwinde nur so schnell wie möglich!”*

У женщин есть и другие причины пренебрежительного отношения к представителям противоположного пола, об этом они говорят в анекдотах: мужчины беспомощны, они не могут сами о себе позаботиться и поэтому зависимы от супруги (- *Was weißt du sofort über einen gut gekleideten Mann? - Seine Frau ist gut im Aussuchen von Kleidern*), они неряшливы (- *Wie sortieren Männer ihre Wäsche?- In zwei Stapeln: "Dreckig" und "Dreckig, aber tragbar"*). Всем знакомо особое отношение мужчин и их носков, почему-то всегда оказывающихся не там, где им положено быть: - *Wo findet man die größte Auswahl an Männersocken? - Auf dem Schlafzimmerboden.*

Авторы «антимаскулинных» анекдотов считают далее, что мужчины бесчувственны (- *Warum zeigen Männer so selten ihre wahren Gefühle? - Sie haben keine*), они не уважают женщин и не умеют с ними обращаться (- *Wann gilt ein Mann heute schon als Gentleman? - Wenn er beim Küssen die Zigarette aus dem Mund nimmt!*) и неспособны быть приятными собеседниками (- *Was ist der Unterschied zwischen einem Mann und einem Papagei? - Dem Papagei kann man beibringen, nette Sachen zu sagen*). И при всем при этом они самоуверенны (*15 % der Männer glauben, ihr Penis sei zu kurz. Die übrigen 85 % denken, dass mit dem Lineal irgendwas nicht stimmt*) и не выносят критики, особенно касающуюся их мужского достоинства (- *Warum heiraten Männer am liebsten eine Jungfrau? - Weil Männer keine Kritik vertragen können*). Изменить мужчин, привить им приличные манеры не представляется возможным (- *Was haben Männer und das Wetter gemeinsam? - Es ist nicht möglich, sie zu ändern*).

А как мужчины выглядят? 3,3% анекдотов высмеивают плохую спортивную форму мужчины, то есть его лишний вес и его «пивное брюхо»: - *Was ist der Unterschied zwischen einem Ehemann und einem Liebhaber? - Etwa 30 kg; Bierbauch: die männliche Scheinschwangerschaft!* Совершенно очевидно, что измена такому непривлекательному мужчине не может рассматриваться в качестве чего-то предосудительного.

Само существование категории анекдотов о мужчинах с пивным брюхом говорит о недовольстве женщины такой увлеченностью пивом, которая порой превращает супруга в животное: - *Was ist der Unterschied zwischen Männern und Schweinen? - Schweine verwandeln sich nicht in Männer, wenn sie betrunken sind.* Сосредоточенный на алкоголе мужчина теряет последнюю способность трезво соображать (- *Wie stellst Du fest, dass Du Dich mit einem wirklich dummen Mann zum Essen verabredest hast?- Er überlegt, welcher Wein zum Bier passt*) и теряет интерес к чему бы то ни было, кроме иллюстрированных журналов и пива: -

Was versteht ein Mann unter einem 7-Gänge-Menü? - Ein Sixpack Bier und die Bildzeitung oder Ein Sixpack Bier und einen Hot-Dog.

Злые женские языки не упускают возможность в анекдотах о внешности мужчины уколоть их еще раз указанием на их сексуальную недееспособность (которая неувидительна при образе жизни «телевизор - диван – пиво»): - *Warum haben viele Männer einen Bierbauch? - Damit der arbeitslose Zwerg wenigstens ein Dach über'm Kopf hat.* И опять грубое сравнение мужчин с тем, на чем мы обычно сидим: - *Warum wachsen den Männern Bärte? - Damit man das Gesicht vom Arsch unterscheiden kann.*

Что еще возмущает женщин? Любовь мужчин к своему автомобилю, которому он, судя по анекдотам, уделяет больше внимания, чем женщине: - *Warum finden Männer Frauen in Lack, Leder und Gummi so erregend? - Die riechen wie ein neues Auto!* Вспоминается забавная сцена из замечательного фильма 90-х годов «Go, Trabi, go!», в которой главный герой, проснувшись утром, «умывает» сначала свой маленький Трабант, и только потом умывается сам, используя ту же воду и ту же губку.

Наконец, еще одна группа анекдотов (4%), отличающаяся от предыдущих уже тем, что авторами саркастических замечаний здесь являются скорее сами мужчины. Это анекдоты о нетрадиционной сексуальной ориентации у мужчин, то есть о гомосексуализме. Грубые наименования их главных героев - Номо, Schwul, Schwuler - свидетельствуют о неприятии этого типа отношений мужчинами. Свидетельством тому, что эти анекдоты сочиняют мужчины, является их грубая форма и вульгарные намеки на физиологические подробности интимных отношений их героев: - *Wie viel Sperma hat ein Schwuler? - Den ganzen Arsch voll!;* - *Wie nennt man den Ex-Freund eines Schwulen???* - *Ex-Po!!!* Содержанием анекдотов этой категории часто является принуждение не очень сообразительных мужчин к гомосексуальной любви: *Alex geht in die Sauna. In der Umkleidekabine findet er einen Zettel: "Achtung, wir warnen vor Homos"! Da ihn niemand belästigt, denkt er sich nichts dabei und beschließt, zu bleiben. An den Wänden der Duschen und an der Saunatür die gleichen Schilder, aber nichts passiert. Erleichtert betritt er die Sauna und sieht einen Zettel auf dem Boden liegen. Er bückt sich und kann gerade noch lesen: "Wir haben Sie drei Mal gewarnt!"*

Отношение гомосексуалистов к женщинам дружеское, что понятно: они не претендуют на самое дорогое. Поэтому даже в ситуации, компонентами которой, кроме двух мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации, являются блондинка и лес, речь может идти только об упражнениях в парикмахерском искусстве: - *Was machen 2 Schwule mit einer Blondine im Wald? - Der eine hält sie fest, der andere frisiert sie!*

Таким образом, мозаика сложилась. Каков антипод настоящего мужчины, изображенный в немецких анекдотах? Он имеет низкий уровень интеллекта, самоуверен без меры и безнравственен, в общении с представительницами противоположного пола (но не супругой!) он мыслит интимной частью тела; женившись же, он перестает интересоваться женой как женщиной, опускается внешне (пивной живот и лишний вес), не снисходит до выполнения каких бы то ни было домашних обязанностей. Он ленив, неудачлив, не способен не только сделать карьеру («тряпка»), но и просто позаботиться о себе. Он бесчувственен,

лжив, скуп на комплименты, дорожит больше машиной, чем любимой женщиной. Иначе говоря, он не оправдывает ожиданий женщины, но доволен собой и не желает меняться.

Нарисованный в анекдотах портрет мужчины непривлекателен, он не может вызывать ни интереса, ни уважения. Каждая женщина, прочитав/услышав один из подобных анекдотов, «примеряет» этот образ к своему спутнику и находит (к сожалению!) сходства или (к счастью!) различия. И каждая мечтает о мужчине, в котором сочетались бы ум, хорошее образование и воспитание, достоинство. Ей хочется, чтобы он был сексуально активным, но чувствительным, чтобы он всегда был ей верным и знал границы, которые переходить нельзя. Она представляет себе мужчину «с руками», трудолюбивого, действующего, а не рассуждающего, решающего все возникающие проблемы, за которым она будет как за каменной стеной. Мужчина должен быть стильным, стройным, привлекательным. Он должен быть готов поменять свои привычки и взгляды на жизнь ради любимой женщины, которая для него всегда стоит на первом месте.

Таков комплекс требований к представителю сильного (слабого?) пола, но он вряд ли может быть реализован в одном человеке, образ идеального мужчины тоже является проявлением стереотипного мышления. Значит, мы все-таки мыслим стереотипами. Вывод тривиален, но эта тривиальность подтверждает чрезвычайную важность изучения гендерных стереотипов в целом, и мужского в частности. Ведь обращая более пристальное внимание на проблемы, связанные с традиционной мужской ролью, мы сможем более полно понять картину душевного здоровья мужского населения и способы его регулирования. Изучение традиционного восприятия типично мужских особенностей поможет найти корни некоторых социальных проблем, например, мужского насилия над женщинами (не секрет, что с детского возраста мальчики воспитываются в убеждении, что именно они должны быть сильными и властными, сильная женщина воспринимается как угроза мужскому началу). Изображенный в анекдотах образ мужчины является отражением гендерных изменений в обществе: сильных женщин становится все больше, изменения женской традиционной роли сопровождаются изменениями в мужской. Осознание этого факта исключительно важно для того, чтобы не поддаваться воздействию стереотипов на восприятие жизни и жизнедеятельность.

Список литературы

1. Петренко, М. С. Современный анекдот в текстовом, жанровом и дискурсивном аспектах: Дис. ... канд. филол. наук / М. С. Петренко. - Таганрог, 2004. - 216 с.
2. Kotthoff, H. Das Gelächter der Geschlechter: Humor und Macht in Gesprächen von Frauen und Männern / H. Kotthoff. - Konstanz: Univ.-Verl. Konstanz, 1996. - 288 S.
3. Preut, M. Gender-Forschung: Stereotypen: Schubladen für Mann und Frau [Электронный ресурс] / M. Preut // FOCUS Online. - Режим доступа: http://www.fcus.de/gesundheit/ratgeber/psychologie/gesundepsyche/tid5586/psychologie_aid_54529.html

В.Ф. Ульянин

Курганский государственный университет

**Интертекстуальные включения как индикаторы
художественного времени в рассказе Г. Бёлля
«Wanderer, kommst du nach Spa...» (вариант интерпретации)**

Изучению категории времени в художественном тексте посвящены многочисленные публикации разного объёма и значимости. Эта хронотопическая составляющая, одна из главных текстообразующих категорий интенсивно исследуется учёными разных специальностей в разных аспектах. В том числе изучаются и средства её реализации (например, морфологические, лексические, синтаксические).

Среди актуализаторов художественного времени особый интерес, на наш взгляд, представляют **интертекстуальные включения**, своего рода **индикаторы** этой главной категории текста художественного произведения.

Интертекстуальные элементы многочисленны и многолики в силу своей двойственной природы: они – составные части одновременно как текста – «пришельца», так и принимающего текста. Интертекст может иметь или не иметь прямое указание на источник. Это зависит от того, какую «игру» (диалог) с интекстом ведёт автор. Обращение к смыслу заимствованного текста может быть как эксплицитным, так и имплицитным.

Выявление, декодирование и интерпретация интертекстуального включения читателем во многом зависит от его интеллектуального багажа, исторического, культурного, жизненного опыта, особенностей интекста (его жанра, формы включения, объёма и т.п.). Для читателя интертекстуальные включения открывают, по сути, безграничные возможности толкования интекста, принимающего текста и смысла «объединённого» текста. Число интертекстуальных элементов не всегда можно определить, а тем более понять их предназначение (например, приватные письма, личные дневники инициатора заимствования).

К интертекстуальным элементам традиционно относят, наряду с другими, имена героев «чужих» художественных произведений, мифов, легенд, сказаний, сказок, кроме того, цитаты (полные, неполные, трансформированные, модифицированные), заглавия в виде цитат, имён и т.п., эпитафии, аллюзии, реминисценции и многие другие.

В антивоенном, антифашистском рассказе Генриха Бёлля (1917-1985) «**Wanderer, kommst du nach Spa...»** (1950) интертекстуальные включения выполняют, наряду с другими задачами (например, реализация идейно-эстетической концепции, характеристика главного героя, его «оппонентов» и их взглядов, интеллектуальная «наполненность»), и функцию индикаторов (то есть реализаторов) художественного времени. С их помощью писатель координирует и актуализирует взаимосвязь времён в русле развёртывания художественной идеи произведения.

Генрих Бёлль, воспитанный в духе неприятия национал-социализма и войны, раскрывает антигуманную, антинародную сущность фашизма и бессмыс-

ленность войн через внутренний монолог главного героя, искалеченного на войне мальчика-солдата, попавшего в свою школу, так называемую «гуманистическую гимназию», ставшую во время войны лазаретом и одновременно моргом. Его проносят мимо картин, бюстов, портретов – школьных атрибутов «эстетического» и идеологического воспитания будущих воинов-смертников «великого Рейха».

Сюжетное время в тексте произведения охватывает несколько десятков минут жизни тяжелораненого мальчика-солдата в конце войны (1945 год, поскольку в это время призывали уже 16-17-летних детей; бои шли на территории Германии в родном городе героя рассказа). В воспоминаниях мальчика – ближайшее прошлое (три месяца назад его призвали отдать жизнь за фюрера), а также недалёкое прошлое в его оценке (восемь лет обучения в гимназии, то есть 1938-1945 годы).

Принимающий текст адаптирует и новую, дополнительную информацию из претекстов, заставляя её «звучать» в своей тональности. Большинство интертекстуальных элементов участвует в организации художественного времени в тексте, является его реализатором. Они побуждают читателя соотносить время интертекстов со временем принимающего текста и имеют двойное прочтение в рамках идейно-тематического содержания рассказа.

Многоликим представляется уже **заголовок-цитата «Wanderer, kommst du nach Spa...» («Путник, когда ты придёшь в Спа...»)**, заставляющий читателя интенсивно мыслить, выходить за пределы сюжетного времени.

Заголовок – это «сильная позиция» (по И.В. Арнольд), в нём «спрессованы» содержание, смысл рассказа. Прерванность предложения (апозиопезис) – импульс к размышлению для читателя. Кроме того, обрыв фразы в заголовке, которую герой называет «искалеченной» – намёк на искалеченную жизнь мальчика-солдата, а в конечном счёте, – на его гибель. То есть в заголовок заложено будущее юного солдата, представителя гибнущего III Рейха, что подтверждается далее его мыслью: «... wenn ich wirklich in meiner alten Schule war, würde mein Name auch darauf stehen, eingehauen in Stein, und im Schulkalender würde hinter meinem Namen stehen – zog von der Schule ins Feld und fiel für...» [1: 86]. В цитате-заголовке сфокусированы и переплетаются прошлое, настоящее и будущее, что подтверждается при декодировании этого трансформированного интертекстуального включения. Выше была обоснована перспективность интертекста в связи с главной мыслью произведения. Время рассказчика (Ich-Erzähler) – это план настоящего в повествовании. К нему как бы притягиваются другие временные пласты. Цитата «Wanderer, kommst du nach Spa...» представлена в заголовке и в конце рассказа (трижды повторами). Эти повторы в конце текста – контактные и дают с учётом контекста оценку героем ближайшего прошлого и атмосферы в «гуманистической гимназии»: «Da stand er noch, der Spruch, den wir damals hatten schreiben müssen, in diesem verzweiferten Leben, das erst drei Monate zurücklag: **Wanderer, kommst du nach Spa...**» [1: 88] и далее: «Siebenmal stand es da: in meiner Schrift, in Antiqua, Fraktur, Kursiv, Römisch, Italienische und Rundschrift; siebenmal deutlich und unerbittlich: **Wanderer, kommst du nach Spa...**» [1: 88]. Здесь символически пересекаются два времени: время конца существования III Рейха и время конца жизни мальчика-солдата, жертвы этого

времени. Цифра «7» в слове «siebenmal», повторённая дважды, в этом контексте как бы подчёркивает потенциальную счастливую судьбу героя, превращённую фашизмом и войной в трагическую. Цифровая символика интенсифицирует мысль читателя, увеличивает её «удельный вес». Незаконченная в заголовке рассказа фраза, вдалбливаемая герою даже на ненавистном ему уроке каллиграфии, связана с воспитанием детей в «гуманистической гимназии» в духе идеологии национал-социализма, «жертвенности» родине - «тысячелетнему Рейху» и отсылает искущённого читателя к событиям далёкой эпохи и гибели трёхсот воинов-спартанцев в неравном бою с персами в Фермопильском ущелье в 480 году до н.э. согласно закону, то есть за родину. Это – общеизвестная цитата: «Путник, когда ты придёшь в Спарту, поведай там, что ты видел. Здесь мы все полегли, так повелел нам закон». Два пересекающихся времени противопоставлены друг другу своей концептуальностью. Если спартанцы знали, за что они должны умереть, то изувеченный юный солдат обрывает свою мысль «ушёл со школьной скамьи на поле брани и пал за...» [1: 86]. Апозиопезисная концовка фразы – импульс читателю для осмысления позиции автора. Не безынтересен и тот факт, что незаконченная фраза в названии рассказа - часть переведённой Ф.Шиллером в его элегии «Der Spaziergang» («Прогулка», 1795) цитаты из стиха Симонида Киосского (V век до н.э.): «Wanderer, kommst du nach Sparta, verkündige dorten, du habest uns liegen gesehen, wie das Gesetz es befahl. Ruhet sanft ihr Geliebten!...» [2]. Писатель, прекрасно знавший творчество великого поэта, противопоставляет шиллеровский гуманизм конца XVIII века антигуманному времени нацистской Германии.

Интертекстуальные включения в виде артефактов, упомянутых выше, несут свою «нагрузку». Этот вид интертекстуальности мы условно называем «**артефактовой**». То есть в данном случае исследуется взаимодействие невербальной информации в виде произведений искусства с вербальной из принимающего текста.

Великолепно исполненная и оформленная картина немецкого художника **А.Фейербаха «Медей»** и вид страдающего мальчика-солдата создают впечатление абсолютной абсурдности ситуации, нелепости ценностей искусства в ужасающей обстановке горящего города, их исчезновения. Кроме того, портрет Медеи (кстати, название картины даётся без кавычек) направляет мысль читателя в мир мифологических героев, где по одной из версий жена аргонавта Ясона Медея убивает своих детей. Образно говоря, то же самое делала и Германия, посылая детей-подростков в конце войны на заклание. Это впечатление дополняется описанием фотографии скульптуры «Dornauszieher» («Мальчик, вынимающий занозу») из того же далёкого прошлого: «...und dazwischen hing ein Bild des Dornausziehers, eine wunderbare rötlich schimmernde Fotografie in braunem Rahmen» [1: 81]. Коричневый цвет рамы этой фотографии наводит на мысль о противопоставлении античного прошлого и «коричневого» настоящего (имеются в виду штурмовики-фашисты в коричневых рубашках как символ насилия и войны, мальчик же ассоциируется с героем рассказа). Страшное настоящее превратило артефакты античности из предметов эстетического воспитания героя рассказа в своего рода «занозу», не дающую ему покоя. В описании **макета** античного Парфенона, сделанного из жёлтого гипса, появляется ирония

(если не издѣвка) «...echt, antik...» [1: 82] – «подлинный, античный». Не жалуется мальчик и древнегреческого воина в тяжѣлых доспехах, напоминающего взъерошенного петуха «...der griechische Hoplit, bunt, gefährlich, wie ein Hahn sah er aus, gefiedert...» [1: 82]. И далее санитары проносят раненого юношу мимо портретов тех, кто, как уже упоминалось, был виновен в пропаганде войн и их развязывании – от «великого» курфюрста до Гитлера: «...da hingen sie alle der Reihe nach: vom Großen Kurfürsten bis Hitler...» [1: 82]. Автор вновь побуждает читателя обратить особое внимание на три пересекающихся временных пласта, представленных «великим» курфюрстом (Фридрих Вильгельм фон Бранденбург, 1620-1688), Старым Фрицем (Фридрих II, король Пруссии, 1712-1786) и Гитлером. В том, как их называет тяжелораненый, выражено его отношение (отсутствие всякого уважения, скорее презрение). Их всех объединяет то, что привело к краху Гитлера: политика экспансии, расширение границ за счёт чужих территорий. У Гитлера – это философия «расширения жизненного пространства» («Drang nach Osten»).

Нельзя не упомянуть и реакцию героя на ещё один атрибут школьного реквизита – изображения типов лиц представителей так называемой арийской расы и «родственный» им портрет Ф.Ницше (1844-1900). И снова читатель «погружается» в прошлое, связанное с судьбами Ф.Ницше, Гитлера, Германии, и выносит свой «приговор», как это делает израненный мальчик-солдат. Описание арийских физиономий явно сатирическое: «...der nordische Kapitän mit dem Adlerblick und dem dummen Mund... , der ostische Grinser mit der Zwiebelnase...» [1: 82]. Гитлер считал Ницше своим духовным отцом, создавая свою расовую теорию. Трактовка Ф.Ницше дана автором в духе атмосферы первых послевоенных лет без учёта творчества философа в целом. Он представлен сатирически с заклеенным лицом кроме торчащих усов и кончика носа. На наклеенном на лицо листке было написано «Лѣгкая хирургия», то есть это был зал для операций: «... sah ich Nietzsches Schnurrbart und seine Nasenspitze in einem goldenen Rahmen, denn sie hatten die andere Hälfte des Bildes mit dem Zettel überklebt, auf dem zu lesen war:“ Leichte Chirurgie...“» [1: 83]. Нетрудно догадаться, что это намѣк на то, что Ницше «потерял лицо», то есть его философия оказалась несостоятельной и применѣнная Гитлером привела к катастрофе Германию. Кроме того, последние годы жизни Ницше были лишены смысла (помутнение рассудка, безумие). Безумием было и посылать на исходе войны на кровавую бойню детей. Далѣкое прошлое представлено, кроме вышеназванных артефактов, бюстами Цезаря, Цицерона, Марка Аврелия: «...die drei Büsten von Cesar, Cicero, Marc Aurel, brav nebeneinander, wunderbar nachgemacht, ganz gelb und echt, antik und würdig standen sie an der Wand...» [1: 82]. Описание трёх копий («...подлинно античные, они гордо стояли у стены») негативное. Герой называет их презрительно «diese Kerle»- «эти типы» [1: 85]. Налицо обратный эффект прусского «эстетического воспитания». Знаток античного искусства Г.Бѣлль направляет мысль читателя на личности, их судьбы, предназначение. Гай Юлий Цезарь представлялся гимназистам в первую очередь, видимо, как политик, диктатор, завоеватель. Гимназисты, наверное, должны были в этом плане проводить параллели между ним и диктатором, «завоевателем» Гитлером и гордиться последним. Марк Тулий Цицерон, блестящий оратор, должен был, вероятно, ас-

социироваться с фюрером-оратором (читай: горлодёр). Римский император Марк Аврелий, живший более чем на столетие позднее, был выдающимся философом. Период его правления называют золотым веком, что, видимо, намекало на золотую пору будущего «тысячелетнего рейха». Объединяет же все три вышеназванные личности то, что они умерли не своей смертью, как, впрочем, и Гитлер. Причём Марк Аврелий – от чумы. Такие подробности интеллектуал Г.Бёлл прекрасно знал. И, наконец, большая маска Зевса как бы закрывает «парад» артефактов – реквизитов «эстетического воспитания» в прусской «гуманистической гимназии» (очевидна несовместимость слов «пруссский» и «гуманистический»). Эта маска расположена над входом в операционный зал (бывший рисовальный), куда тяжелораненый юноша и был доставлен через всю школу. Читатель невольно сравнивает мифологического бога грома и молний, властителя мира и судеб людей с возомнившим себя богом фюрером. Обоих ненавидит приговорённый к смерти юноша.

Подводя итог исследованию, необходимо отметить следующее: умирающий мальчик-солдат даёт оценку своим «наставникам», всему происходящему. Это своего рода суд, где Г.Бёлль-гуманист устами своего героя обвиняет и разоблачает непосредственных виновников бессмысленных войн и их идеологов всех времён и народов; как бы следуя за мыслью автора, интертекстуальные включения в рассказе «высвечивают» целые эпохи, время жизни и деятельности представителей разных времён, изображенных на школьных артефактах – реквизитах так называемой «гуманистической гимназии».

Принципы построения художественного времени (в смысле применения интертекстуальных включений) обусловлены, как показал анализ, интенцией, идейно-эстетической концепцией Г.Бёлля, его индивидуальным стилем.

Учитывая, что художественное время – составляющая хронотопа, в центре которого находится человек с его поступками, решениями, мыслями, чувствами, и выходя за рамки общепринятой терминологии, мы условно выделили следующие виды и подвиды художественного времени, реализованные в рассказе интертекстуальными включениями: «интекстовое», общее для всех претекстов, «артефактовое» и их подвиды с учётом заложенной в них информации: политико-идеологическое, морально-нравственное, эпохально-историческое и индивидуально-биографическое. Доминирующими являются политико-идеологическое и морально-нравственное в соответствии с главной мыслью произведения. Все они взаимодействуют между собой и с художественным временем аналогичных подвидов принимающего текста, высвечивая позицию и оценку автора.

Список литературы

1. Böll, H. Wanderer, kommst du nach Spa... . In: Böll, H. Mein trauriges Gesicht- Erzählungen und Aufsätze, Verlag Progress, 1968, S.81- 89.
2. Schiller, F. Der Spaziergang [Электронный ресурс] / F. Schiller // FOCUS Online. – Режим доступа: [http:// www.textquwellen.de/friedrich-schiller/](http://www.textquwellen.de/friedrich-schiller/)

Архетипы «Дом» и «Бездомье» в произведениях Н.В. Гоголя

В русской художественной литературе архетипы «Дом» и «Бездомье» в онтологическом плане представляют социокультурное пространство жизни человека. В произведениях Н.В.Гоголя архетипы «Дом» и «Бездомье» широко представлены в «малороссийских» повестях – в виде сюжетов и образов героев сказок, в «Тарасе Бульбе» - в виде героико-эпического архетипа, в «Носе» - в виде культурного героя и трикстера (плута) в одном лице, в «Мертвых душах» - в героях, олицетворяющих социальный хаос.

В «малороссийских» повестях бытовой реализм сочетается с фантастикой, чудесами, присущими сказке, особенно волшебной. Наряду с архетипическими мифологическими сюжетами и мотивами здесь имеются и архетипические образы сказочного пространства. В «Сорочинской ярмарке» - заколдованное пространство, где во время ярмарки «черт со свиною личиною» ходит по площади и подбирает куски своей красной свитки. В «Вечере накануне Ивана Купала» - избушка на курьих ножках, где живет ведьма. В «Майской утопленнице» - заброшенный дом сотника с прудом, в котором утопилась его дочка и стала русалкой. В «Пропавшей грамоте» - место, где жило бесовское племя и герой играл в карты с ведьмой (распространенный в фольклоре сюжет), чтобы вернуть свою шапку. В «Ночи перед рождеством» - небо, с которого черт украл месяц, а ведьма - звезды. В «Страшной мести» - замок колдуна, отца Катерины, находившийся в «непробудном лесу». В «Вии» - церковь, в которой семинарист Хома Брут служит панихиду по убитой им панночке-ведьме и куда является Вий.

Наряду с этими заколдованными местами, представляющими мир потусторонний, в повестях широко представлены и места, относящиеся к миру посюстороннему, природному и социально-бытовому (как правило, села с типичным сельским образом жизни): ярмарка, река Днепр, хаты, в которых живут простые люди, улица, где гуляют парубки, поле, где живут цыгане, и т.д. В.В.Николин подчеркивает, что граница между этими двумя мирами размыта и герои перемещаются из одного мира в другой: «Сказка допускает существование потустороннего. Мир иной оказывается симметричен миру нашему» [3, 23]. В потустороннем мире происходят различные ритуальные события, в посюстороннем – бытовые события: продажа и купля предметов на ярмарке, сватовство, подготовка к празднику Рождества и т.д.

Имеется «оборотническая логика», о которой писал А.Ф.Лосев: священные места (церковь) или бытовые места (хата, ярмарка, винокурня, хутор, шинок) превращаются в места пребывания бесовских сил, а сами черти превращаются в людей, и наоборот, бытовая атрибутика – в сакральную или бесовскую. Пространство в повестях выступает, как и в сказках, пространством ритуалов: свадьбы, похорон, отыскания ценностно значимых предметов. Как отмечает Е.М.Мелетинский, ритуальный хаос у Гоголя родственен мифологическому хаосу как исходному архетипу, образы ведьм и мачех восходят к демоническому образу Великой матери (архетип Юнга). В повестях действуют чудесные по-

мощники, олицетворяющие добрые силы, и присутствует архетипический сюжет продажи души дьяволу, что позволяет сделать общий вывод о том, что «в ранних повестях Гоголя в контексте романтического обращения к фольклору, на базе переосмысления архетипических мотивов разрабатываются древнейшие архетипы» [2, 77-78] героев, сюжетов, мотивов, времени и пространства.

В ином ключе героико-эпического архетипа характеризуется проблематика «Дома» в повести «Тарас Бульба». Распространенный эпический архетип боя отца и сына представлен в повести дважды: в начале – комически, с большой долей юмора, когда отец бьется с двумя сыновьями, вернувшимися из киевской бурсы, возле своего дома; в конце – трагически как убийство отцом старшего сына, Андрия, предавшего православную веру и интересы Украины, на поле боя. Полные драматизма страницы повествуют о Бездомье Тараса Бульбы, которого казаки после страшного ранения везут в Запорожскую Сечь, и о прощании его с сыном Остапом, на месте казни которого он присутствует в польском городе Варшаве. Но Гоголя не интересует локальная структура пространства, присущая сказке (дом – двор – лес), для него «своим» Домом в повести «Тарас Бульба» является вся Украина, а «чужим» Домом – Польша, т.е. пространство обретает национально-государственные границы, что уже свойственно романтизму.

В «Мертвых душах» странствие Чичикова по домам помещиков позволяет Гоголю показать процесс оскудения человеческой личности, создается устрашающая картина разложения российского крепостнического общества. Писатель использует принцип параллелизма в описании характеров русских помещиков XIX в. и их домов. В описываемом мире действуют, с одной стороны, живые люди, а с другой – «мертвые души» (умершие крестьяне). Помещичий мир изображается в виде социального хаоса заброшенных помещичьих усадеб и пустоты быта городских чиновников. Только в этом мире чиновничьего формализма (главное – документ, а не живой человек), всеобщей бесхозяйственности и безалаберности и мог появиться Чичиков с его бредовым демоническим предложением – «сделать» мертвых крестьян живыми. Образ Чичикова восходит к образу мифологического плута-трикстера.

Помещичьи дома соединяют в себе различные сюжетные мотивы: хаос, ирония на героизм, плутовство, демонизм, объединяющиеся в архетип «Дом». На внешнем виде усадьбы в деревне Маниловке лежит отпечаток претензий на европейский стиль и вместе с тем некой карикатурности, недоведенности до конца, недоустроенности. Это же характерно и для внутреннего интерьера господского дома: «В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма недешево; но на два кресла ее недоставало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы» [1, 29]. Через образ «Дома» Гоголь раскрывает основную черту характера Манилова – прекраснотелость, мечтательность, фантазерство, мягкотелость, безволие, которые не выдерживают столкновения с действительностью. По аналогии с известной классификацией характеров, разработанной Э.Фроммом, Мани-

лов представляет рецептивный характер с его пассивностью и зависимостью от других.

Коробочка относится Гоголем к числу «небольших помещиц, которые жалуются на неурожаи, убытки, ...а между тем набирают понемногу деньжонки в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комода». В доме Коробочки отражается ее прижимистый, скопидомный характер.

По мнению Мелетинского, Собакевич является неким пародийным образом русского богатыря [2, 83], дом которого напоминал его самого, грубого, практичного, неглупого человека с меркантильной ориентацией, внешне похожего «на средней величины медведя». Каждая вещь в его усадьбе и доме как бы говорила: «И я тоже Собакевич».

Дом Ноздрева выражает его бесшабашный характер: в нем все разбросано, неустроено, недоделано. Враль, картежник и карточный шулер, любивший расстраивать свадьбы и торговые сделки, хулиган и драчун, Ноздрев воплощает в себе архетипический мифологический образ плута-трикстера, недаром у него имеется волчонок, считавшийся демоническим зверем [2, 85].

В доме Плюшкина погас очаг, всюду разруха, грязь и запустение, комнаты захламлены мусором (инверсия фольклорных представлений о доме как символе уюта, чистоты, порядка), окна закрыты ставнями, из дома ушли домашнее тепло, семейный уют, осмысленность жизни.

Архетипический сюжет хаоса в мифологии проецируется в социальную жизнь помещицкой России. Дома в «Мертвых душах» символизируют архетипические значения образов «Дом-жилище» и «Антидом». Н.Л.Чулкина писала, что «в русском языковом сознании переплетаются два концепта – дом и семья. И, скорее всего, столь высокий статус «дома» объясняется этим «совмещением» двух важнейших ипостасей русской повседневности» [4, 134]. Дома Ноздрева, Коробочки, Плюшкина представляют «Дом без семьи», тогда как именно семья организует культурное пространство в виде Дома. Поэтому можно эти Дома охарактеризовать с помощью такой архетипической семы как «Дома-кладбища». Перед какой бы российской усадьбой ни останавливался путешественник, каждый раз он прощается с горьким смехом. «Голодаловка» Плюшкина, «Объедаловка» Собакевича, «Нахаловка» Ноздрева, «Стяжаловка» Коробочки, «Мечталовка» Манилова – все эти «Дома» представляют собой символы антропологических характеров, жизненных ориентаций, характеризующих Россию первой половины XIX в.

С другой стороны, описание данных домов показывает, что сюжетное действие погружено в две пространственные структуры, одна – дома помещиков, которые объезжает Чичиков, другая – путешествие Чичикова по дорогам российской глубинки («Бездомье-дорога»). Будучи бездомным, «человеком без племени и роду», Чичиков хотел путем финансовой авантюры превратить себя в помещика, обрести свой дом и стать богатым. Гоголь именует его «чертовым сыном», «шельмой сатаной», подчеркивая наличие в нем демонического начала, перед которым социальный мир гибнущей помещицкой России оказывается беспомощным, что формирует общий архетипический образ «Дома-Миража».

Список литературы

1. Гоголь, Н.В. Мертвые души / Н.В. Гоголь. – М., 1979.
2. Мелетинский, Е.М. О литературных архетипах / Е.М. Мелетинский. – М., 1994.
3. Николин, В.В. Волшебная сказка: исследование воспроизводства культуры / В. В. Николин. – Екатеринбург, 2000.
4. Чулкина, Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание / Н.Л. Чулкина. – М., 2004.

N. Andrievskikh

Binghamton University, SUNY

Construction of Memory in Exile: Objectification of Self in Autobiographies by Immigrant Writers

Creating a record of the events of one's own life serves the obvious purpose of keeping them in memory, capturing and solidifying them in time to prevent personal history from changing or dissolving. This function of autobiography as memory is emphasized in virtually all works of the autobiographic genre, from Renaissance to romanticism and realism to modern and postmodern narratives of Self. Yet the classic examples of the genre do not problematize the issue of memory construction, focusing instead on the development of character, on analyzing the life-changing events, historic circumstances that shaped a life, and discussions of the views and values of the author. Reading Rousseau for example, we do not pay much attention to the aspect of remembering as such, but rather on the author's quest to reflect on the objectified knowledge of his life. In the autobiographical works by American immigrant writers of the 20th century, however, simple reflection on the past yields to reflection on the possibility of re-constructing the memory of it. Memory thus is a theme that becomes central to the narrative: the frailty of it, elusiveness, the distance that separates the events and the person who is trying to remember. I suggest that the crucial feature of autobiographical narratives of immigration is the underlying awareness of the arbitrary nature of memory, and that writers in immigration consciously objectify the Self in their attempts to construct it in spatial and temporal categories of memory.

Scholars of autobiography constantly emphasize the disruptive nature of memory, identity, and life stories in general, pointing out the illusion of their coherency:

Readers often conceive of autobiographical narrators as telling unified stories of their lives, as creating or discovering coherent selves. But both the unified story and the coherent self are myths of identity... We are always fragmented in time, taking a particular or provisional perspective on the moving target of our pasts, addressing multiple and disparate audiences. Perhaps, then, it is more helpful to approach autobiographical telling as a performative act (Smith, Watson 47).

Going with this terminology, we should consider the double identity of the performer: as the agent engaged in the act of performance, and as the object, the product of it, the persona that is being constructed by the narrative agency of self-writing.

This process can be unconscious if the writer is not aware of the illusion of coherent memory. On the contrary, awareness of the disruptive nature of memory gears the anxiety to capture the memory of the Self and its relations to the time and space of the self-narrative.

This dependency of the Self on time and space is especially foregrounded in writings of exile and serves to exacerbate the agonizing anxiety of memory. The chronotope of memory is further complicated: in case of authors writing in exile, “distance” is no longer a metaphor (as in «the distant past»), but a physical reality that impacts memory, effectively making it the central concern of the narration. The past is always a long-lost land that we are doomed to seek and never really find again. The actual, physical loss of a land – a country – then comprises a double loss for these authors. Notably, the strongest impulse in creating literature in exile is that of writing an autobiography, which not only affirms the therapeutic nature of the genre, but also suggests a narcissistic attitude of the immigrant author. Julia Kristeva in «*Strangers to Ourselves*» remarks that «the foreigner tends to think that he is the only one to have a biography, that is, a life made up of ordeals – neither catastrophes nor adventures (although these might equally happen), but simply a life in which acts constitute events because they imply choice, surprises, breaks, adaptations, or cunning» [7]. Certainly, autobiography as a genre is narcissistic by definition; yet it becomes even more so with writers of exile. Losing – leaving behind or being expelled from – a country makes the author re-evaluate the Self in relation to places, and calls for memory to create a solidified account of the past. Autobiographies of exile engage in active creation of the Self in the past as a necessary step, a post-factum logic imposed on the events leading to the exile, a self-examination in the context of trauma of the loss.

Thus, nostalgia becomes an inevitable motif of autobiography, sometimes poetic and understated, as in Andre Aciman’s recollections of his past, sometimes suppressed and denied, as in writing by Charles Simic. Nostalgia, as Eva Hoffman puts it, is «an excess of memory» [50], memory’s active endeavors to reconstruct, re-imagine, re-create what is lost. «In exile, - Hoffman asserts, - the impulse to memorialize is magnified, and much glorious literature has emerged from it» [51]. In both psychoanalysis and literary criticism, the phenomenon of nostalgia is often linked to trauma. Kristeva talks about preoccupation of the Foreigner with himself, his story, his suffering. She sounds ironic at times, self-ironic even, given the fact that she does refer to her own experiences as an immigrant. Her description of nostalgia of the Foreigner suggests an almost masochistic pleasure that the Foreigner finds in his «exquisite depression» and «making love with absence» [10]. The narcissistic focus on one’s experiences of relocation presents a danger to withdraw from the reality, from the immediate experience of the real place and time into a retrospective attachment to the period of time that has passed, to a place that no longer exists in the same way that it is reconstructed by memory. Thus, the dialectics is reinforced between here and there, between the Self and the Other, those who belong to one’s memory and those who do not share the same memory.

Perhaps, the scariest part of this opposition of the Self and the Other in the context of exilic displacement is that reality belongs to the Other. The country of exile, however welcoming it might be (and it is not always the case), does not share the

same cultural codes with the country of origin. To borrow a term from Jan Assman, the clash of collective memory of the new culture with experience and memory of an individual in exile results in fragmentation of the Self and uncertainty of individual memory. According to Assman, collective memory – the part of it that he calls cultural memory – not only influences cultural identity of an individual, but also predisposes what we consider to be our individual memories. In other words, if what you think you remember is in conflict with the collective memory and is not readily reinforced by the cultural codes, you will start doubting the validity of your own memory. Hence the obsessive preoccupation of writers in exile with reconstructing the past, trying to capture and relive those always elusive moments, values, ideas, and feelings that they no longer share with their immediate surroundings.

Andre Aciman's writing is a vivid example of this obsession. He mentions his almost pathological fear of change that is familiar to many people living in a country other than their own: «I wanted everything to remain the same. Because this too is typical of people who have lost everything, including their roots or their ability to grow new ones. ...An exile reads change the way he reads time, memory, self, love, fear, beauty: in the key of loss» [21-22]. In his descriptions of going back to his native Alexandria, Aciman is repeatedly trying to bring back the past through remembering little details, all the while realizing that this desire is not brought about by his love to the past, but rather by the necessity of memory: «I would come to remember not so much the beauty of the past as the beauty of remembering, realizing that just because we like to look back doesn't mean that we like the things we look back on» [27-28].

Charles Simic in «*Refugees*» claims a perspective that is contrary to the obsession with memory. He explains that he was very young and adaptable when his family moved to America, in fact, young and adaptable enough to not look back: «if you think that I cried myself to sleep every night over my predicament, you are wrong. It was one of the happiest times in my life. ... I was living a version of the American Dream» [130-131]. Certainly, the magical influence that the American optimism, safety, and the concept of endless opportunities have on a newcomer should not be underestimated. Yet, we as readers find ourselves doubting the reliability of this flash-back: is it the charm of being young from a perspective of an older person speaking here? Isn't denial of trauma one of the symptoms of the trauma itself? Memory works selectively, ignoring certain events or feelings and highlighting others. In talking about his past, Simic downplays the pain and feeling of loss or displacement, and ironically, this serves as a powerful trope in persuading the reader in the opposite, drawing our attention to the significance of the suffering. Simic opens this piece with the following statement: «So many people have been displaced in this century, their numbers so large, their collective and individual destinies so varied, it's impossible for me or anyone else, if we are honest, to claim any special status as victims» [120]. And then he delves into a project that is, by all accounts, even more powerful than presenting memories of one's own suffering: he mentions examples of people whose destinies moved him, whose trauma of displacement in exile was comparable to or more severe than his own.

It is admittedly impossible to penetrate the memories of these people through an account of a third party who himself did not experience quite the same events. But if

we take these examples as yet another way to recreate a context of one's own past, to validate one's own displacement and suffering through the vehicle of another's experience, appropriated and narrated, then we see the same mechanism at play in Simic's memoir: bringing the past back, the need to recreate and capture the experience, to provide a stable and reassuring background to individual memory in the midst of the displacement of the exile. In other words, «*Refugees*» is still an account of the Self in disguise of a narrative about others.

In a way, this disguise is a necessary alienation from the Self and a coping mechanism that serves to ease one's way to recognition of important truths about one's past. After all, nostalgia is only a step on the way to recognition of one's complex relations with the abandoned place. Kristeva terms nostalgia «an intervening period» which is inevitable and leads to a painful but constructive reconsidering of the Foreigner's position in the world:

He has fled from that origin – family, blood, soil – and, even though it keeps pestering, enriching, hindering, exciting him, or giving him pain, and often all at once, the foreigner is its courageous and melancholy betrayer. His origin certainly haunts him, for better and for worse, but it is indeed *elsewhere* that he has set his hopes, that his struggles take place, that his life holds together today [29].

Nostalgia provokes a reconnection with one's origins, a new meeting with what was once well known and forgotten. Profoundly Freudian in nature, this uncanny discovery that Homi Bhabha also describes as seeing «a familiar truth in an unfamiliar setting» opens up one's eyes to acknowledging the Foreigner within oneself. Switching languages plays a very important role in this process, liberating as well as providing a distance to look back at oneself from the perspective of the Other. The most positive result of it, as Kristeva believes it and credits Freud with its discovery, is to eliminate the animosity to others and blur the boundaries between the Self and Foreigner:

With Freud indeed, foreignness, an uncanny one, creeps into the tranquility of reason itself, and, without being restricted to madness, beauty, or faith anymore than to ethnicity or race, irrigates our very speaking-being, estranged by other logics, including the heterogeneity of biology... Henceforth, we know that we are foreigners to ourselves, and it is with the help of that sole support that we can attempt to live with others [170].

Unconsciously, writing an account of the Self is an impulse to come to terms with the past, to embrace and accept one's own Otherness. Writing in immigration allows for working out of traumatic events through the splitting of the writing subject that occurs while writing in a foreign language. Telling a story, especially a story of one's own life, is channeled through the lens of the writing subject's knowledge of the world: knowledge that is not universal or commonly accepted, but is dictated by culture, society, and past experiences. That is exactly why telling the story in a language other than one's own exposes the familiar, particular nature of the perspective, enabling the writing subject of the uncanny recognition of a truth about him or herself.

References

1. Aciman, A. *Shadow Cities. Letters of Transit: Reflections on Exile, Identity, Language, and Loss* / A. Aciman. – The New York Public Library, 1999.
2. Assmann, J. *Collective Memory and Cultural Identity* / J. Assmann // *New German Critique*, № 65, Spring – Summer 1995, pp. 125-133.
3. Bhabha, H. *DissemiNation: Time, Narrative, and the Margins of the Modern Nation. Nation and Narration* / H. Bhabha. – Routledge, NY, 1990, pp. 291-323.
4. Hoffman, E. *The New Nomads. Letters of Transit: Reflections on Exile, Identity, Language, and Loss* / E. Hoffman. – The New York Public Library, 1999.
5. Kristeva, J. *Strangers to Ourselves* / J. Kristeva. – The University of Chicago Press, Chicago, 2006.
6. Simic, C. *Refugees. Letters of Transit: Reflections on Exile, Identity, Language, and Loss* / C. Simic. – The New York Public Library, 1999.
7. Smith, S., Watson, J. *Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives* University of / S. Smith, J. Watson. – Minnesota Press, 2010.

K. Chilstrom

The University of Texas, Austin

Literary Portraits of Stalinist-Era Imprisonment and Liberation

Stalinism, which refers to the method of rule or policies of Joseph Stalin, the Soviet Communist Party and state leader from 1929-1953, describes a regime of terror and totalitarian rule. Millions died as a result of labor camps, forced collectivization, famine, and executions during Stalin's rule. Millions more were victims of imprisonment, exile, and forced relocation. Furthermore, everyday life under Stalin was itself characterized by repression, persecution, and censorship. Countless Soviet citizens, therefore, were either directly imprisoned or lived in a virtual prison in which their thoughts, statements, and movements were closely monitored by the State.

Three novels set in Stalinist Russia, *The Master and Margarita*, *One Day in the Life of Ivan Denisovich*, and *Everything Flows*, offer portraits of characters held captive, either literally or figuratively, under the Stalinist regime. In *The Master and Margarita*, the Master is imprisoned by the censorship prevalent in 1930s Moscow—the same censorship faced by the novel's author. In *One Day in the Life of Ivan Denisovich*, the main character is imprisoned in a 1950s labor camp and struggles to survive under unspeakably horrifying conditions. In *Everything Flows*, both a prisoner who returns from the labor camps and those who had managed to avoid being sent there are imprisoned: Ivan Grigoryevich by his difficulties reintegrating into the outside world, and Ivan's friends and acquaintances by their guilt and shame over having chosen to sacrifice friends, family, and strangers in exchange for a better life for themselves. It is clear, therefore, that regardless of their position or rank in Stalinist society, Soviet citizens could not escape the inhumanity and terror of Stalin's regime.

In his satirical novel *The Master and Margarita*, Mikhail Bulgakov highlights the suffering, shortages, censorship, and artistic repression of 1930s Moscow. Woven around the premise of a visit by the devil to the fervently atheistic Soviet Union, it is

directed against the oppressive bureaucratic social order of the time. The characters in the novel are not literally held in prisons or labor camps, but are instead imprisoned by repressive, authoritarian policies. A close analysis of the character of the Master clearly indicates that the censorship he faces as a writer is just as real an imprisonment for him as are, for example, the labor camps so prevalent under Stalin.

The reader is first introduced to the Master when he appears on Ivan Bezdomny's balcony at the mental hospital where they are both staying. Although he possesses the means to escape from the hospital, his reason for staying—the lack of a real place in society—is itself a form of imprisonment. He firmly states to Ivan Bezdomny, «It's not because [the balcony] is too high that I can't get out, but because there's nowhere for me to get out to» [1: 110]. Not only does he have nowhere to go, the Master claims he no longer has a name. His social and occupational isolation from society is a clear example of imprisonment.

While in Bezdomny's room, the Master explains how he felt trapped—imprisoned—in his apartment while working feverishly on his novel about Pontius Pilate. The publisher questioned him about his strange source of subject matter and then rejected his book outright. The Master describes it thus: «And I went out into the world, with the novel in my hands, and then my life ended. . . . It was my first venture into the literary world, but now that it's all over and my ruin is at hand, I think back on it with horror! Yes, he dealt me a staggering blow, a staggering blow. The editor, I tell you, the editor. He kept looking at me as if an abscess had blown up on my cheek» [1: 119]. While the book is never published, various critics assault it in the newspapers. In a fit of frustration over his imprisonment by censorship, the Master burns the manuscript of his book. He had toiled away on the novel because it was his life's passion, and when he finally understood that it wouldn't be published, he destroyed his life's work. Persuaded that he is incurably ill, the Master winds up in a mental hospital. The Master has been utterly destroyed by the imprisoning power of censorship and isolation.

Of the three works in question, Solzhenitsyn's novel *One Day in the Life of Ivan Denisovich* most clearly addresses a form of imprisonment strongly associated with Stalin: internment in a Gulag labor camp. In the novel, the author describes a single day in the life of an ordinary prisoner in a labor camp in the 1950s. Ivan Denisovich Shukhov has been sentenced to ten years of hard labor, accused by the Stalinist regime of becoming a spy after being captured and later released by the Germans during World War II. Unlike the Master's imprisonment by censorship and isolation, Ivan Denisovich's imprisonment is a literal one. Ivan Denisovich, however, has learned how to work within the system, unlike the Master, who has fallen into depression and madness. Ivan has learned not only how to survive, but how to succeed within the confines of the labor camp. He frequently helps his squad leader, Tiurin, who helps him in return. Ivan has learned how to get extra helpings of food, and he understands which jobs have to be done well and which ones can be done sloppily. In this way, he very consciously seeks to avoid overworking himself. «Work was like a stick. It had two ends. When you worked for the knowing you gave them quality; when you worked for a fool you simply gave him eyewash. Otherwise, everybody would have croaked long ago. They all knew that» [3: 12].

Having learned what separates those who survive the camps from those who perish, Ivan Denisovich finds ways to lessen his daily struggles. He has, it appears, completely adjusted his idea of what constitutes a good life to fit within the parameters of the labor camp. For example, he uses the hour and a half between pre-dawn reveille and when he is required to report to duty to make a little money on the side, «sewing a pair of mittens for someone out of old sleeve lining; or bringing some rich loafer in the squad his dry valenki» [3: 3-4]. Instead of complaining about the lack of suitable tools for completing his work assignments, he hides the best trowel where he can retrieve it the next day. «There was a rule that wherever you worked you had to turn in every evening the tools you'd been issued in the morning; and which tool you got the next day was a matter of chance. One evening, though, Shukhov had fooled the man in the tool store and pocketed the best trowel; and now he kept it hidden in a different place every evening, and every morning, if he was put to laying blocks, he recovered it» [3: 44-45]. He also saved the crust of his bread for later, which he «meticulously used ...to wipe off the last remnant of mush from the bottom of the bowl» [3: 64]. When he catches sight in the snow of a bit of a hacksaw blade, he slips it into his pants pocket. While he could conceive of no immediate use for it, «you can never tell what you might need in the future» [3: 68]. Indeed, when his shift is over, Ivan Denisovich is determined to find a way to sneak the blade into his barracks. «He hadn't meant to bring it, but now, what a pity to throw it away! Why, he could make a little knife out of it, very handy for shoe repairing or tailoring!» [3: 102]. Ivan, therefore, even within the narrow and brutal confines of the labor camp system, takes every advantage of opportunities to increase his chances for survival.

In contrast with *One Day in the Life of Ivan Denisovich*, Vasily Grossman's novel *Everything Flows* offers an altogether different vision of imprisonment: that of a former prisoner, Ivan Grigoryevich, who struggles to adjust to life outside of confinement after having spent nearly thirty years in various labor camps. While imprisoned, all of his basic needs for food and shelter had been provided for him, and others dictated his every move. Now that he is free, he must take responsibility for himself and eke out an existence on his own in a world that has moved on without him. In a sense, Ivan is imprisoned by his newfound freedom.

Another aspect of Ivan's imprisonment is his isolation. He has difficulty relating to those whose lives bear little resemblance to his. While time seemed to stand still for Ivan while he was in the camps, life has gone on for those outside the prison walls. Indeed, «a new, post-Stalin time began, and fate decreed that Ivan should step back into the life that no longer thought of him and no longer knew what he looked like» [2: 35]. He'd been forgotten. He no longer had a place in society.

Ivan is further wounded—in a sense, imprisoned—by the knowledge that those around him were in many ways responsible for his imprisonment and the imprisonment of millions of others. At the same time, he grapples with the fact that these people were, perhaps, pushed into acting the way they did by forces outside their control. Stalin's insidious campaign of hate—against first one group and then another—encouraged Russians to inform on their friends and neighbors in an effort to preserve themselves. Ivan's friends and acquaintances, then, were also victims of Stalin's tyrannical regime. The thoughts and actions of Ivan's cousin Nikolay illustrate the strain he felt regarding the role he played in people's suffering.

While he is waiting to meet Ivan for the first time since his release from the camps, Nikolay ponders his feelings regarding the suffering he put others through. While at the time, he didn't realize he was being manipulated into harming others, now that he can see this, he feels remorse. «What had once seemed entirely natural had now begun to trouble him, to gnaw at him» [2: 29]. He recalls how he had voted for the death penalty for two criminals, and couldn't understand how others could have refused to vote for it, since the criminals had confessed during the trials. While at the time, Nikolay had been convinced of their guilt, he now admits to himself that he actually hadn't been entirely certain that the so-called criminals were guilty but had voted for the death penalty based solely on his belief «in the ideals of the Party of Lenin and Stalin» [2: 30]. Convincing himself that their guilt was undeniable had made voting for the death penalty easier on his conscience. The desire to maintain his position in society played a role as well. «What had nourished his unshakeable ideals had been two very different fears: fear for his own skin - of being skinned alive - and fear of losing this entitlement to a bit of black caviar» [2: 30]. Nevertheless, although he feels guilty for a short time, he eventually convinces himself that it really wasn't his fault after all. He has achieved the success he had always dreamed of, so he must, therefore, be a good person. He decides that it was «Ivan himself who was responsible for his misfortunes, for his bitter fate» because he had spoken out against dictatorship in public [2: 34]. So even though he contemplates his guilt, Nikolay still chooses to deny his own role in others' suffering. In a sense, then, Nikolay and others who were not sent to labor camps were also imprisoned by the Stalinist system, which forced them to radically change their thoughts and actions—often to the point of harming others—in order to survive.

The conversations between Nikolay and Ivan after his release from the labor camp contribute to Ivan's continued psychological imprisonment. At first, Nikolay considers confessing all to Ivan and asking his forgiveness, but upon further thought, he fears that «Ivan would humiliate him; he would talk down to him» [2: 39]. Instead, Nikolay glosses over Ivan's painful past by saying, «Who'd have believed everything could turn out so well? As regards what really matters, Vanya, you and I are equals» [2: 39]. When Ivan questions him directly about his role in condemning doctors and fellow scholars, Nikolay condescendingly replies, «My friend, my dear friend, it's not only in the camps that people had hard lives. Our lives have been hard too» [2: 44]. Nikolay continually belittles Ivan's experiences and insists that his own acts were justified, thus perpetuating Ivan's psychological imprisonment.

Ivan is further imprisoned by the changed landscape of his beloved Leningrad. He searches for familiar streets and buildings but finds that so much had changed during the Siege. Even when he does encounter familiar sites, he feels calm only when he recollects fellow prisoners and their conversations. He marvels that the paintings in the Hermitage have not changed, even though he himself has been «transformed into an old man» [2: 52]. «As for what he had known before—that whole world had now disappeared...» [2: 53]. He doesn't recognize anyone on the streets of the city as he had before, nor does he make new acquaintances. Everywhere he goes, Ivan feels the spirit of the camp: «Barbed wire, it seemed, was no longer necessary; life outside the barbed wire had become, in its essence, no different from that of the barracks» [2: 55].

Ivan's imprisonment—his struggle to adjust to life outside the camps—is further highlighted when he runs into Pinegan, the friend who had turned him in. Pinegan, who had been a student with Ivan, is in a cold sweat during their conversation until he realizes that Ivan can't possibly know about Pinegan's betrayal. Once he resolves that Ivan indeed does not know what happened, «this new certainty fills [him] with light» [2: 57]. At this point, he glosses over Ivan's experiences. He offers Ivan money and treats him like an equal, as though he hadn't been the cause of Ivan's losing thirty years of his life to the camps. Ivan can't relate to Pinegan any more than he is able to comprehend Nikolay's refusal to admit to wrongdoing. Thus Ivan's imprisonment—his inability to relate to others—continues.

It is clear that the characters in these three novels are imprisoned, literally or figuratively, by the Stalinist regime. What, then, constitutes liberation for them? Are they ever freed from their bondage?

At the end of *The Master and Margarita*, Woland liberates the Master at Margarita's request. After Margarita acts as the hostess of Satan's ball, Woland offers to grant her a wish. When urged to choose something for herself, Margarita asks Woland to save the Master and allow them to be together. Woland arranges their deaths on Earth to make this possible, and the Master and Margarita ride off together into eternity.

While Ivan Denisovich is not literally liberated at the end of Solzhenitsyn's novel, his liberation comes in the form of the attitude he adopts in his day-to-day life in the camps. He rejoices in small victories: «They hadn't put him in the cells; they hadn't sent his squad to the settlement; he'd swiped a bowl of kasha at dinner...» [3: 139]. His optimism—his freedom from negativity—is what ultimately liberates him and increases the odds that he'll still be alive at the end of his sentence and will then gain true freedom.

Even after he is physically freed from the labor camps, Ivan Grigoryevich in *Everything Flows* does not immediately experience psychological liberation. While he wishes his loving mother could free him of the weight of all he'd endured, she is no longer alive to care for him. Instead, Ivan begins to see his landlady, Anna Sergeyevna, as a mother figure. When he dreams of his mother and calls out to her, it is Anna who comes to him. She confesses her sins to him and seeks his absolution, fully admitting her role in the suffering of innocent peasants during the Terror famine. Having heard Anna's story, Ivan then wishes to share his burdens with her. «He would tell her all he had recalled, all he had thought, all he had understood [about his time in prison]. And she would share with him the burden, and the clarity, of understanding. This was the consolation for his grief» [2: 146-147]. Because Anna shares her burdens honestly with him, rather than trying to cover up her sins, Ivan is able to share his burdens with her—though after her death—and therefore finally be liberated from them.

Each of the characters we've discussed in these novels struggles under the Stalinist regime and experiences both imprisonment and liberation. The Master's psychological imprisonment lasts until Woland releases him through death, when he escapes the stifling censorship he had endured in life. Ivan Denisovich's physical imprisonment may, in theory, have an end, as he has been sentenced to a finite number of years in the labor camp. Since prisoners in the Gulag system commonly received

multiple sentences or had the terms of their imprisonment extended without explanation or warning, however, we cannot predict when he might be freed from the camps. Ivan Denisovich learns, nevertheless, how to survive in the camp, and therein finds liberation. Ivan Grigoryevich, in contrast, though liberated from physical imprisonment, struggles to reenter a society that has changed dramatically during the thirty years he spent in confinement. He first tastes liberation only when Anna speaks candidly about the role she played in others' suffering. These novels, therefore, contribute to an understanding of the depth and breadth of the horror of the Stalinist regime. No matter on which side of the barbed wire a person happened to find himself, no one truly escaped imprisonment in Stalin's Russia.

References

1. Bulgakov, M. *The Master and Margarita*. Trans. Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor / M. Bulgakov. – New York: Vintage, 1996.
2. Grossman, V. *Everything Flows*. Trans. Robert Chandler and Elizabeth Chandler with Anna Aslanyan / V. Grossman. – New York: New York Review, 2009.
3. Solzhenitsyn, A. *One Day in the Life of Ivan Denisovich*. Trans. Ralph Parker / A. Solzhenitsyn. – New York: New American Library, 2009.

A. Guruianu

State University of New York

Language of Entrapment and Mobility in Richard Brautigan's *1/3, 1/3, 1/3*

Short story writer and essaying Charles D'Ambrosio once wrote that «Brautigan never wrote elegant prose. The sentences sound broken, physically broken» (4). Maybe so, and yet that language at times was the perfect, and only, vehicle to carry his message. The language in Richard Brautigan's short story *1/3, 1/3, 1/3* points explicitly to the conflict between the rigidity of the characters' lives and their ability to live vicariously through the act of creating literature. In this piece of realist fiction, Brautigan attaches multiple meanings to the characters' speech and to the objects that represent the means of communication between them to show how it is possible for words, written or spoken, to have the power to transform and offer hope—a language of hope if you will.

In the story three people are «going in» to write a novel together, each one therefore entitled to 1/3 of the profits. They include a woman on welfare, a novelist, and the narrator, who happens to be the only one who owns a typewriter. The woman on welfare will do the editing, a skill she professes to possess because she's «read a lot of pocketbooks and the Reader's Digest.» The novelist is introduced as someone who wants to tell a story about an incident that happened to him years ago.

By placing the narrator, the woman, and the novelist all in a similar situation—all down-and-out looking for a break in life, in essence «poor», Brautigan calls attention to the universality of the struggle to overcome one's limitations. These characters, all nameless, can be «any man» or «any woman», and therefore the circumstances behind their hard-luck lives are predictably vague, yet common. We get only

what we need to know—the present moment on which a lifetime of other moments, before and after, hinges. All three characters are for various reasons rooted to a place, a period in their lives, «that Pacific Northwest of so many years ago, that dark rainy land of 1952». Brautigan uses languages deliberately to paint the characters into a fixed context. In the end, the only possibility of escape from the cards life has dealt them is not through a shift in location, a physical change, but through their successful use of language.

The woman, for example, is described as «once very pretty», «eternally fragile», «childlike», and «a perfect twelve years old». Brautigan made sure that the woman would always appear as if she was not only trapped in place, but also trapped in time. The reader gets the sense that she never truly matured, intellectually, physically or emotionally. She will perpetually remain «fragile» because the welfare system has caused her to be dependent on someone else for survival, and any change in the established routine makes her uncomfortable.

This becomes clear in her reaction to the late welfare check. It didn't arrive on the expected day that she's been used to seeing it in her mailbox, therefore she panicked and called the welfare office to inquire what happened. Even after she's assured that it will arrive the following day, she is still uncomfortable because it could mean she would have to leave her comfort zone and «go downtown». The welfare system has her 'in check,' literally and figuratively.

The novelist is also a man trapped in the same place, although his reasons are likely to be different than the woman's or the narrator's. Nonetheless, he is there in the same predicament as the rest of them. The first sign we get from Brautigan that this is a man who will likely never physically leave the place is in the description of the trailer and its contents.

A trailer is something that was once meant to move and travel from place to place. However, the novelist's trailer is instead raised up on wooden blocks, long immobile, and is described as dreaming of the highway as a «distant heaven». For the novelist, the trailer acts as his symbol of being trapped in that town, much in the same way that the welfare checks keep the woman in a constant state of anticipation to the point that they are almost debilitating.

We're also told that there are «halves» in the trailer, reminders of the novelist's unfinished or unsuccessful attempts at a better life. There is the «half-dog, half-cat creature», the «bushy half-table», and a radio that could be heard playing but remains hidden from view. In other words we only get half the picture of this man's life; the other half has been lost somewhere along the way, a long time ago, and he is trying to recapture it by remembering it through the words in his story. Those words too, are only half correct half of the time.

The narrator's sense of immobility, on the other hand, is more self-inflicted rather than the cause of an outward force in his life as is the case with the other two characters. He says he chose to live his life that way at the time, although he isn't sure why. One explanation, if we accept that he wants to be a writer and earn a living from it, is that to be able write he felt a need to separate himself from society and yet still felt the attraction to be a part of it. He needed to be close to the woman and the novelist and to others like them in that community of shacks and trailers because they

offered him glimpses of reality, of the human condition, raw and untouched by the outside world.

While particular symbols add to the sensation of each character's entrapment, Brautigan uses one symbol to bring them all under the same influence: money. The agreement they settle on is that each of them will receive 1/3 of the profits from the book. This arbitrary figure is not based on merit, effort or any quantifiable attribute. That means that regardless of how much they struggle to achieve a certain goal, they will never get more than a predetermined piece of the pie, never move beyond the muddy streets, the broken down trailers and the welfare checks.

Just as Brautigan uses the symbol of money to show universal entrapment, he also uses another symbol, albeit a crude one, that we also never get to see or hear, yet is described as the vehicle for the characters' possible salvation. The typewriter is understood to be the object that will lead the three characters to a better place and a better life. The use of a typewriter is significant because it provides multiple levels of interpretation in its role as the communicator of language. By not making it the object of an extensive description or drawing more attention to it, Brautigan gives the typewriter more power, while at the same time stripping away some of its mystique. Without details, we're left to imagine the typewriter using our prior knowledge. It is likely black, made of metal and rather large, considering the time period, and consists of black keys and a black ribbon. While all those features give it the impression of a cold, fixed machine that beats the words into the page with precision, it is also portable, because we know the narrator brought it there with him and he could take it with him if he leaves.

The typewriter becomes a dual symbol of the fixed nature of the characters' lives and of the structure of language. However, it also leaves room for mobility and possibility of change because it will be the object that will transform their words and their efforts into a tangible product, into financial success, their way «out».

D'Ambrosio interprets Brautigan's symbolic language this way:

There's a sense throughout Brautigan's work that his metaphors and similes are reaching, that they're trying too hard, grasping after an effect in desperation. Often they succeed, but just as often they fail. What interests me is their staunch physicality, the yoking of terms, one abstract, the other concrete, that won't quite yield a just or decorous relation; they're like a landscape that won't give in to writing. Just breezing through some thoughts on the nature of metaphor provides a good way to understand Brautigan. If metaphor is meant to evoke new meanings—meanings not predetermined either by language or experience—then Brautigan's frequent attempts and failures are a stab at liberation in an already decided world. (5)

The last words of the story, with their cryptic and idiomatic message, are a suitable summation of the symbolism Brautigan used throughout. By «pounding on the gates of American literature», the characters are seeking such a «liberation» as D'Ambrosio suggests; they are knocking on the door of opportunity, which seems to have passed them by while they were living in that small Pacific Northwest town. Even though they may not be successful as writers, they are at least living with the possibility of hope, rather than the despair of routine.

The culminating phrase becomes a comment on the use and the power of language to transform lives directly or act as a catalyst for change. While the welfare checks, the trailer, and the cardboard shack are symbols of the characters' isolation, their words, grammatical correctness aside, are a means of expressing inner thoughts and wishes kept bottled up inside by the futility of the situation they are facing. Words and language, by nature imperfect and insufficient, are nonetheless their only chance of changing that.

References

1. Brautigan, R. "1/3, 1/3, 1/3" / R. Brautigan // *The American Short Story and Its Writer: An Anthology*. Ed. Ann Charters. – Bedford-St. Martin's., 1999.
2. D'Ambrosio, C. "Everything Is Estranged: Exhuming Richard Brautigan's Literature of Despair" / C. D'Ambrosio // *The Organ*. – 2003. - № 6. – pgs. 4-5.

E. Lauter

University of Wisconsin, Oshkosh

Culturally Specific Approaches to the «Woman Question» in 19th Century Russian Novellas by Women

While I am not sure I believe in anything «universal» in human behavior aside from the basic human needs to eat, sleep, mate, procreate, work, seek shelter and come to terms with death, I am often struck by the tendency of human beings across the continents to raise important developmental questions at roughly the same time. Thus, the major world religions appeared within a thousand years of each other, and later, from the 17th through the 20th centuries, a steady pressure materialized in many countries to liberate the people from rule by kings, emperors and tsars. During the nineteenth century, “the woman question” arose to a degree that was new. Of course there had been individual women (usually queens, visionaries, mothers of public figures or artists and writers, according to the historian Gerda Lerner) who had raised questions about the status of women in various societies by modeling unexpected behavior and by writing about alternative ways of being, but the questions they raised did not become a topic of general conversation and concern until the late-18th and early 19th centuries. Some of the same forces that allowed men to come together in revolt against potentates—the industrial revolution, increased longevity, a rising middle class, increased communications through print media and travel, and so on—also led men and women to consider whether the traditional roles of women as wives and mothers were sufficient, either for the individual women themselves or for developing societies. Thus it is not surprising to find these concerns reflected in the literature of virtually all the countries that were undergoing such changes, including Russia.

My focus here will be on two novellas by Russian women written in the 19th century and newly translated into English in 2000 and 2001. *The Boarding School* by Nadezhda Khvoshchinskaya was published in Russia in 1961 and was quite well-known; *Nihilist Girl* by Sofya Kovalevskaya was written in 1883-84 in Sweden, published in 1892 in Geneva, and smuggled into Russia in translation until it was finally

published there in 1906. I want to draw attention to these books not only because they address the «universal» question about what kind of education women should receive and what they should do with it, but also because I am fascinated by some culturally specific elements in these books that I do not find in otherwise similar stories from British and American women written at roughly the same time.

In their introductions to these books, both translators comment that the authors create a different perspective than was usually taken by the male writers of their era in Russia, many of whom showed young women as dependent on educated men (fathers, lovers, tutors) for advice about what to read, since literature was seen as a primary means of learning. In her introduction to *The Boarding School Girl*, Karen Rosneck explains that in reality such women were not entirely without opportunities for schooling. «State-operated boarding schools, or institutions, designed in conformity with French models, were established by Catherine the Great in 1764 for daughters of the nobility to help cultivate better citizens and mothers. . . . as a means to mold behavior and maintain discipline» (xvii). Despite criticism of these schools for separating girls from the realities of everyday life, they survived well into the 19th century by charging reduced fees for day students. Khovoshchinskaya portrays both kinds of education in her novella.

Her 15-year old protagonist, Lolenka (Lelen'ka in the original), lives at home in the early 1850s and attends a boarding school where she is required to memorize a sanitized curriculum. Her life is changed by her new next-door neighbor, a young man who has been exiled to this unnamed city (off the cultural grid) where his poetry can do no political harm. He hears her reciting her lessons on the other side of the fence and mocks the kind of education she is getting. He begins to loan her books such as a French translation of Shakespeare's *Romeo and Juliet*, and he teaches her to challenge authority. Of course, she falls in love with him, but more importantly, she does begin to challenge authority both at home and in school, until she refuses to marry and is sent away to St. Petersburg to live with a widowed aunt. In 1860, the tutor finds her there copying paintings at The Hermitage to support her career as an artist. Ironically, she has adopted his revolutionary perspective, while he idealizes the woman he loved who married the man her mother chose for her and devoted herself entirely to him and her children. In fact, he sees her as a martyr, perhaps a saint for having done so.

The novella apparently differs from the better-known Russian literary treatments of women's education in many ways, giving us realistic access to what went on in the schools for women, allowing us to criticize the male tutor for his hypocrisy, and showing a woman who does not regret having given up love for meaningful work. All of these elements may be seen as culturally specific (a trace of the author's gender) because they differ from the norm in the literature of Russia at the time, even though Khovoshchinskaya was a popular author who published many books and essays in the «thick journals» of the time.

As a reader of English and American literature by women, however (although my area of expertise is not the 19th century novel), I find the novella culturally specific in at least two other ways as well. The figure of the male tutor and/or female student as cultural revolutionary or cultural exile does not appear in the novels I know from this period. And I know of no other woman writer who, having found a way to

create a satisfying independent life for a woman, would allow it to be compared negatively to martyrdom. Before I say more about these differences, allow me to sketch in the perspective of another Russian woman writer.

Sofya Kovalevskaya was best known as a mathematician—the first woman to receive a doctorate in Mathematics at the University of Goettingen, the first woman to hold a tenured position in Mathematics at the University of Stockholm, and the first female member of the Russian Academy of Sciences. She had completed her novella and an autobiography by the time of her early death in 1891 at forty-one. Set in 1874, *Nihilist Girl* is narrated by a woman much like the author who befriends a younger woman of independent means (a Countess) as she seeks meaning in her life after the execution of her male tutor. Like Lolenka, Vera had been taught by a man who had been exiled to his family's estate next door. She had put aside her girlhood interest in the lives of saints to adopt her mentor's awareness of Russia's political and social problems. While Vera accepts the narrator's advice to enroll in a course on the natural sciences or in political economy newly open to women, she longs for a more tangible mission. She becomes sympathetic to the cause of 75 prisoners charged with sedition, and decides to save (from 20 years at hard labor in the worst prison) a Jewish man among them by marrying him (in an Orthodox service) and joining him in his exile to Siberia. In the last scene, she is seen taking care of two other women who will travel by train and wagon for months while their husbands walk to Siberia, and she says she pities «all of you who are staying here» (p. 139). The narrator is flabbergasted.

The figure of the «nihilist», or the person who is said to believe in «nothing» because he or she no longer believes in the accepted order of things, as the translator Natasha Kolchevskaya explains, played an important role in post-emancipation thought. The term was widely used to describe intellectual radicals of the 1860s, the author's generation—a relatively small elite who wanted to transform Russia through education and exposure to alternative ideas or practices. By contrast, Vera's generation was «inclined to search for concrete and direct ways of serving people, . . . [believing] in the wisdom of Russian peasants. . . as opposed to the scientific and philosophical positions imported from the West» (xxiii). By turning her back on her aristocratic upbringing and marrying a stranger from a lower class and a different religion, Vera placed herself in a cultural category that did not exist for women in 19th century America, to my knowledge. Even in England where aristocrats were still very much alive, I doubt that a woman's refusal to comply with her family's wishes would have placed her in the cultural category of the dangerous rebel, either in life or in fiction.

The other culturally specific element of *Nihilist Girl*, I think, is what Kolchevskaya calls «the displacement of Vera's religious feeling to the arena of social action» (p. xxvi). Vera's action «assumes the features of a classic Christian feat, now shifted to a revolutionary cause» (p. xxvii). Kolchevskaya surmises that the author had in mind both the life and work of a male writer, Chernyshevsky, whose novel, *What Is To Be Done?* had been published in 1863, but she thinks that Kovalevskaya had no intention of making her main protagonist into an icon; hence the skepticism of the narrator in the novella's final pages.

I will hazard the statement that in both of these cases, the same dynamics of cultural difference occur between Russia on the one hand and England or America on

the other, and they relate to a very different sense of the relevance of literature about women's changing roles to the body politic. Whereas literature by women in England and America generally portrays the changes in women's education and societal roles as they relate to women's own lives, these two Russian women authors saw the education of women as a key element in a much larger movement to reform an entire culture. The tradeoffs between love and work that occur in both books as Lolenka and Vera make their choices have a cultural and political resonance far beyond their personal lives. Thus Vera's story had to wait until after the 1905 Revolution to be published.

References

1. Khvoshchinskaya, N. *The Boarding School Girl* / N. Khvoshchinskaya// Tr. Karen Rosneck. - Evanston, IL: Northwestern University Press – 2000.
2. Kovalevskaya, S. *Nihilist Girl* / S.Kovalevskaya// Tr. Natasha Kolchevska with Mary Zirin. New York: Modern Language Association of America – 2001.
3. Lerner, G. *The Creation of Feminist Consciousness* / G. Lerner. – NY: Oxford, 1993.

V. Thorstenson

University of Pennsylvania

Brodsky's Axioms and Formulas: Metaphysics of the Textbook and the Real Meaning of Space Exploration

Much contemporary scholarship on Brodsky emphasizes his difference from the tradition of post-1945 Soviet poetry, claiming that, in Mandelstamian terms, Brodsky's «longing for world culture», and, later, his simultaneous existence in at least two cultures makes him a world's poet rather than a Soviet poet. Underlying these claims is the desire to «redeem» Brodsky from any association with Soviet aesthetics and ideology and to absolve him of accusations of possessing the mentality of a typical «Homo Sovieticus». Brodsky's successful refashioning (primarily the poet's own doing or inspired by him) into a representative of «world literature» may indeed establish Brodsky on a firmer footing within American Academia; but a reluctance to see Brodsky as a Soviet poet can also be detrimental to the study of some important aspects of his poetics.

I would argue that both metaphysical and formal aspects of Brodsky's poetry can be better fleshed out if one traces their genealogy to the peculiarities of the Soviet context of the 1960s. This paper will discuss an aspect of Brodsky's metaphysics, namely, his engagement with science as the source of Absolutes, of axioms and formulas, which, in the absence of a higher divinity, serve as ultimate guiding vectors of human existence in the search of higher truths. I will attempt to demonstrate the extent to which Brodsky's interest in science is not solely a result of his fascination with John Donne and English metaphysical poetry, but a product of Soviet ideology and Soviet Romantic Idealism of the 1960s. I will then proceed to the analysis of some

Brodsky's texts that exhibit his engagement with geometry and physics in order to show how Brodsky's metaphysics is born out of scientific axioms and laws.

The epithets «metaphysical» or «philosophical» are often used by scholars to characterize Brodsky's poetry. His affinity to the English metaphysics, and especially to John Donne, is thoroughly explored in David Bethea's study *Joseph Brodsky and the Creation of Exile*. As Bethea argues, «all the salient qualities of metaphysical verse [...] apply to the kind of poems Brodsky wrote after his initial discovery of Donne». ⁴ Apart from the tradition of English metaphysical poetry, the origins of philosophical qualities of Brodsky's poetry can be traced to the Russian poetic tradition, and first and foremost, to Baratynsky. As we know, among the Pushkinian «Pleiad» of Akhmatova's «orphans» in Leningrad, Brodsky played the role of the melancholic Baratynsky, «a better but unrecognized poet». ⁵

Yet Vadim Semenov is surely largely correct in arguing that Brodsky developed his orientation to a poetic tradition, more distant in time and space from Soviet reality only during his exile to Norenskaia. Before that, Brodsky saw his poetic biography as an integral part of the underground literary youth culture of the 1950s and 60s. ⁶ To some extent, as D.L. Lakerbai argues, Brodsky always remained «a product» of this particular cultural and historical epoch, and «a bearer of its intrinsic characteristic features». ⁷

In my discussion of the broader context of the 1960s youth culture, I would like to turn to yearly almanacs *A Day of Poetry* (*День поэзии*), as they present an excellent panorama of the main poetic themes, formal concerns, and ideological perspectives of the officially «approved» branch of Soviet poetry. Both the selection of participating poets and the predominant poetic themes and approaches in these almanacs are, surprisingly, not so far away from Brodsky's poetics of that time. The almanacs give an almost equal share of space to the contemporary Soviet poets (including Evtushenko, Rozhdensvenskii, Voznesenskii, Slutsky—one of Brodsky's favorite poets of the time, Bella Akhmadulina, Iuliia Drunina, Mikhail Svetlov, Arsenii Tarkovskii), as well as to the previously forgotten and now rediscovered Akhmatova, Mandelstam, and Tsvetaeva. ⁸

The use of mathematics and physics by the poets of *A Day of Poetry* is another mark of the 1960s. The famous debate between «physics and lyrics», centered around Leningrad Polytechnic Museum, was opened by B. Slutskii, whose poem «Physicists and Lyricists» was published on October 13, 1959 in the *Literaturnaya gazeta*: «Что-то физики в почете. / Что-то лирики в загоне. / Дело не в сухом расчёте, / дело в мировом законе...» ⁹ The interest in science, and in physics

⁴ Bethea, David M. *Joseph Brodsky and the Creation of Exile* Princeton: Princeton University Press, 1994, p. 90.

⁵ Quoted in Semenov, Vadim *Iosif Brodskii v severnoi ssylke: poetika avtobiografizma* (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis) Tartu: Tartu University Press, 2004, pp. 28-29.

⁶ *Ibid*, p. 26.

⁷ Lakerbai, D.L. *Rannii Brodskii: poetika i sud'ba* Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2000, p. 3.

⁸ In 1962 and 1963 editions of *A Day of Poetry*, the Soviet public could, among other things, read Akhmatova's *Poem Without a Hero*, and some of Mandelstam's Voronezh poems.

⁹ «Физики и лирики / Что-то физики в почете. / Что-то лирики в загоне. / Дело не в сухом расчёте, / дело в мировом законе. / Значит, что-то не раскрыли / мы, что следовало нам бы! / Значит, слабенькие крылья - / наши сладенькие ямбы, / и в пегасовом полете / не взлетают наши кони... / То-то физики в почете, / то-то лирики в загоне. / Это самоочевидно. / Спорить просто бесполезно. / Так что даже не обидно, / а скорее интересно / наблюдать, как, словно пена, / опадают наши рифмы / и величие степенно / отступает в логарифмы. / (1959). See *Sovetskaia*

as its highest branch, satisfied the need in Soviet society for a higher authority after the collapse of Stalinism. The achievements in physics (such as the atomic bomb and advances in space exploration) provided a much needed source of romantic enthusiasm for the Soviet people. As Vail and Genis note:

После произвольного советского прошлого страна остро нуждалась в безотносительном настоящем. Таблица умножения обладала качествами абсолютной истины. Точные знания казались эквивалентом нравственной правды. Между честностью и математикой ставился знак равенства. После того как выяснилось, что слова лгут, больше доверия вызывали формулы.¹⁰

Thus, in trying to keep pace with the age, the lyric poets learned to rhyme formulas, algorithms, and the names of modern scientific equipment in their effort to keep poetry alive and useful in the «atomic» and «cosmic» age. Scientists became the new heroes of lyric poetry. Poets-hacks like Roman Levin glorified astronauts and physicists in a novel fashion that elevated them to level of the traditional heroes of the Revolution and the Great Patriotic War («звездочеты в пилотках / под красной солдатской звездой») while, at the same time, attributing to them a true sensitivity to poetry: «Астрономы и физики, / Вы поэты сперва, / Сколько смысла и мызыки / В этих словах! / “Год спокойного солнца”». ¹¹ The enthusiasm was so great that it blinded the readers even to the striking naïveté of the lines of another *A Day of Poetry* contributor, Boris Kuniaev: «Поэзию любят / красивые люди, / Я это / по личному опыту знаю. / Вдыхает над Блоком / ученый-рекетчик./ И Пушкина шепчет / Веселый полярник». ¹²

Joseph Brodsky was also breathing the air of the epoch, and he, too, shared in the excitement over the achievements of the Soviet science and technology. The 1966's poem «Освоение космоса» («И этот Вавилон на батарейках / донес, что в космос взвился человек») shows the extent of Brodsky's belonging to the official culture as well as his desire to separate himself from it. Seeking to escape the traps of the official Soviet ideology and its clichés, Brodsky assumes the stand of a rationalistic philosopher. His rationalism is, according to D. L. Lakerbai, «an inescapable reduction of the image of the world, its simplification and fashioning», and the subsequent tragic «realization» of the «deficiency» of such a worldview. ¹³ This reduction manifests itself in an aphoristic form of expression and forces Brodsky to seek the truth by breaking all concepts down to their minimal structural units: person, thing, time, space, love, death,

poezii: Biblioteka vseмирnoi literatury, 2 vols. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1977. The topic was still “burning” four years after, when *A Day of Poetry* published a poem by Iakov Khelemskii, which restated Slutskii's ideas:

“Кибернетика вторгается в поэтику, / И филологи, охваченные паникой / Дискутируют с новациями этими—/ С электроникой и высшею механикой. / Понимание рождается в полемике, / Всюду споры разгораются поэтому. / Над стихами размышляют академики./ Алгоритмы постигаются поэтами. / В этих поисках невыясненной истины / Обостряются расчет и вдохновение./ Математика становится воинственной. / Но и лирика звучит проникновеннее. / Доказательства все глубже, все весомее./ Оппоненты перед фактами поставлены. / И лишь сердце, новизною потрясенное./ от волнения/ сжимается/ по-старому.” *Den' poezii*, 1963, p. 74.

¹⁰ Vail, Petr and Genis, Aleksandr *60-e: Mir sovetskogo cheloveka* Moscow: “Novoe literaturnoe obozrenie,” 2002, p. 100.

¹¹ *Den' poezii*, 1964, p. 70.

¹² *Den' poezii*, 1963, p. 67.

¹³ “...любая форма рационалистического философствования (именно таким является лирическое философствование Бродского [...]) есть неизбежная редукция образа мира, упрощение и моделирование его и—в отфиксированности своих границ—осознание *дефицита* вышеупомянутого мирового целого.” Lakerbai, D.L. *Rannii Brodskii: poetika i sud'ba* Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2000, p. 15.

etc. These minimal structural units, which, in Brodsky's pseudo-scientific universe act as variables in algebra, come not from John Donne but from the pages of school textbooks on physics, grades 6 to 8, and, to be fair to Brodsky, usually constitute the bulk of scientific knowledge for a typical young Soviet *intelligent*.

Among the exact sciences, Brodsky's poetry shows an engagement with especially two: geometry and physics. Science in Brodsky starts where it is supposed to, at the school desk. The 1964 poem, characteristically entitled «Для школьного возраста», is constructed as a common type of a «word problem» that involves calculating time or place of the meeting of two people who are approaching each other from points A and B. The poem features two of the three compulsory components of this type of problem: distance and time. Speed, the third component, without which the problem is impossible to solve, is not mentioned. Thus, the poem transgresses the framework of a math problem, turning into an existential meditation. This quality is emphasized as well by the substitution of the usual narrative exactness of a math problem («Отряд пионеров вышел навстречу группе октябрят») by the more abstract lyrical entities, I and you. In place of numbers, kilometers and seconds, the poem puts abstract nouns: grief (горе), confusion (смятение), hope (надежда), separation (разлука), and dawn (заря). This substitution does not only result in the transformation of a math problem into existential meditation, but also causes abstract nouns to become algebraic symbols, a phenomenon that can explain the peculiar nature of Brodsky's philosophical concepts. The abstract nouns (in this case, grief, confusion, hope, separation, and dawn) are reduced to the equivalents of variables and constants: a, b, c, x, or y. In later poems, this row of elemental units is further reduced to a number of Brodsky's beloved and widely-studied philosophical concepts: time, space, water, air, dust, marble, etc. This reductionist philosophy is never painless. In this poem, pain is felt through the semantic field of the negative to which most of the abstract nouns belong (darkness (темнота), grief, confusion, and separation). The more optimistic dawn and hope cannot reverse the sad outcome: «Два путника... / одновременно движутся во тьме, / ... / хотя бы и не встретившись в уме».

The drawing of diagrams and lines begun in «Для школьного возраста», gives way to Brodsky's geometrical poems, out of which the 1970 poem «Пенье без музыки» probably has been most studied. As in the previous poem, the central problem—the possibility and longing for a meeting between the lyrical hero and his beloved—is presented in the form of a school geometry problem. In addition to the two points in space that characterized the locations of the two lovers in «Для школьного возраста», in this poem, Brodsky introduces a third point placed high in the «stratosphere» where the lines of the materialized gazes of the two lovers would cross. This point, «грот заоблачный», «беседка в тучах», «гнездо», or «род угла» transforms the figure into a triangle. If the main structural principle of the poem, the development of a metaphysical conceit, as well as the part on the drawing a perpendicular, may have been based on John Donne's poetic techniques, the language with which the poem operates is grounded once again, in the language of a Soviet school textbook. Phrases like «рассмотрим фигуру», «представим пропорцию», «найти зависимость от», «восстановить перпендекуляр», «доказать обратную теорему», «найти угол», and «дано» are known to every Soviet student, as they can be found in any textbook. The main «hidden» secret of the poem is, again, at the school level,

and lies in an elementary theorem that states that the sum of angles of any triangle equals 180 degrees. Just as in the previous poem, Brodsky's poetic imagination brings the dry language of science (angle, line, point) to life with the help of his device of algebraization, substituting a, b, and x with the abstract categories of love, jealousy, gazes, star, all-seeing eye, and others. This transformation is made more natural by the fact that one of the central categories—the angle—works both as a geometrical and a metaphysical category (angle as угол, a home, a dwelling, a place and a guarantee of existence). Excited by a «fairy-tale like possibility» («в стиле рассказов Шахерезады») to influence the reality of one's own life situation (absence of love, separation) through the mere redrawing of the problem on paper with the help of a ruler, a protractor, and a pencil, the lyrical hero achieves a positive result in the beginning of the poem as the fairy-tale «тридевять земель» easily transform into «двадцать восемь возможностей» by a simple operation of multiplication. But no matter how hard the hero tries to redraw the basic triangle by changing the length of its sides to influence the value of the angle between them in order to speed and secure a meeting with his beloved; he comes to the harsh truth of a basic law of geometry: the sum of the angles has to equal 180 degrees no matter what. Thus, it is science, Brodsky's equivalent of the Absolute, rather than mundane political laws arbitrarily established by men, that draws the limits and boundaries of human existence.

At this point, the higher authority of geometrical truths is still not met by Brodsky with humility. When the failed attempt to redraw one's life gets accepted by the poet as the triumph of Euclid («триумф Эвклида»), Brodsky appeals to the alternative geometry of Lobachevskii. Since every schoolboy knows that Lobachevskii can make parallel lines cross in infinity, Brodsky tries to see if he can use an alternative geometry to solve his existential problems. To his disappointment, the poet discovers in «Конец прекрасной эпохи», that his attempts are again fruitless, as the application of the rules of Lobachevskii geometry unmasks the hideous reality of the Soviet existence and yet another limit: the end of the perspective: «И не то чтобы здесь Лобачевского твердо блюдут, / но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут / тут конец перспективы». Even the Gogolian-type distortion of space: «И пространство торчит преЙскурантом» cannot transform the world enough to open a way out: «Зоркость этих времен—это зоркость к вещам тупика. / Не по древу умом растекаться пристало пока / но плевром по стене», where the fairy-tales cannot overcome the wall.

As one of the ways to animate the rigid world of geometry, Brodsky uses the notion of a vector: a segment with a sense of motion and direction. As a scientific abstraction, a vector lacks flesh, and, therefore is compared in Brodsky's 1964 poem «Письмо в бутылке» to a soul (физики «вектор» изобрели. / Нечто бесплотное, как душа). A vector in Brodsky becomes a force that transforms fatal repetitive circular movement into a liberating spiral (С другой стороны, пусть поймет народ, / ищущий грань меж Добром и Злом: / в какой-то мере бредет вперед / тот, кто с виду кружит в былом). The notion of a vector even leads Brodsky to glorify one of the main myths of the 1960s: the symbiotic relationship between «physics and lyrics» based on the similarity of the momentum that characterizes both sails and wings: (хоть рвется дух / вверх, паруса не заменят крыл, / хоть сходство в стремлениях этих двух / еще до Ньютона Шекспир открыл).

Brodsky's anxiety about death, one of his major poetic themes, explains his fascination with the law of Archimedes. In Brodsky's poetic mythology, on the elemental level, space (пространство) is often identified with water. It is not surprising, therefore, to find a concealed formulation of the law in this poem: «Я тьму вытесняю посредством свеч, как море—трехмачтовик, давший течь». The key word is «displacement» (вытеснение), and on the symbolic level it means separation, exile, and death. Brodsky accepts the law of Archimedes as the Absolute, a cruel but basic principle on which human existence is based. This stoic acceptance of «the simple truth of Archimedes», appears in this 1964 poem: «Боль разлуки с тобой / вытесняет действительность равную / не печальной судьбой, / а простой Архимедовой правдой».

Brodsky's search for the truth leads him to the similar stoic acceptance of other concepts of Newtonian physics. Taken to extreme, these concepts almost necessarily lead to destruction. For example, the increase of density leads to unbearable pain in the 1970 poem «Aqua vita nuova»: «Плотность боли площадь мозжечка переросла [...] боль, заткнувши рот, на внутренние органы орет». The increase in the force of friction, which, in accordance with the laws of Newtonian physics, means the decrease in speed, and, therefore, in Brodsky's poem «1972», it symbolizes aging: «Поскользнувшись о вишневую косточку, / я не падаю: сила трения / возрастает с падением скорости». Brodsky feels trapped in the rigid framework of Newtonian physics. He rejects the world of dynamics in fear of becoming «like everybody else», and getting swallowed by the mentality of a «Homo Sovieticus»: «Я был как все. То есть жил похожею / жизнью. С цветами входил в прихожую. / Пил. Валял дурака под кожу. / Брал, что давали. Душа не зарилась / не на свое. Обладал опорой, / строил рычаг». At the same time, the statics equals, as Brodsky understands well, spiritual and physical death: «Всякий распад начинается с воли, / минимум коей—основа статики».

In order to escape the entrapment of Newtonian physics, Brodsky uses a technique similar to the one he used with geometry, an alternative scientific system. As an antidote to the cruelty of Newtonian physics, he appeals to the liberating power of Einstein. In 1978 poem «Строфы», Brodsky formulates the reason for hope that he finds in Einstein's physics: «И скорость света / есть в пустоте», meaning that the speed of light is a constant, and light (life, poetry) does not stop in the darkness (vacuum, death). The hope, though, is short-lived, and Brodsky comes to realize that the problem lies in the very core of the theory, in the main presumption of Einstein. His physics starts where Newton's ends, and, on Earth, his corrections to Newton's calculations are negligible. Brodsky realizes that the demands of Einstein's physics are beyond a human's limited term: «Масса, / увы, не кратное от деленья / энергии на скорость зрения / в квадрате, но ощущение тренья / о себе подобных». On Earth, friction dominates both the humans (resulting in aging), and slows down the speed of light, making it equal the speed of vision.

Brodsky's appeal to science makes him a «product» of the 1960s, when the country was searching for a new symbol of faith. In the context of both official and the underground youth culture, three possible directions in the quest for the Absolute were open: religion, new or remedied state-sponsored ideology, or existentialist free-

dom. Some of the Underground poets followed the first path,¹⁴ most of the «stadium» poets—the second, and Brodsky was «displaced» into freedom. Equipped with the set of multiple absolutes of science, he was destined to test the main concepts of his philosophy to their utmost limit. Brodsky's freedom made evident the degree of his real entrapment in the very language he always carried with him, as well the high price that he had to pay for taking this freedom to its extreme: the life in vacuum, being «displaced» from the constraints of the Soviet space in which this language made sense.

Thus, Einstein's prophesy is fulfilled, and the guarantee of the posthumous life of the poet lies in the ability of the light to travel in space faster than time, which is symbolized by the light of stars that we see in the sky. As Brodsky wrote, quite in the spirit of Soviet Romantic Idealism: «Что касается звезд, то они всегда. / То есть если одна, то за ней другая. / Только так оттуда и можно смотреть сюда; / вечером, после восьми, мигая. / Небо выглядит лучше без них. Хотя / освоение космоса лучше, если/ с ними».

References

1. Bethea, David M. *Joseph Brodsky and the Creation of Exile Princeton* / David M. Bethea. – Princeton University Press, 1994.
2. Quoted in Semenov, Vadim *Iosif Brodskii v severnoi ssylke: poetika avtobiografizma* (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis) Tartu: Tartu University Press, 2004.
3. *Ibid*, p. 26.
4. Lakerbai, D.L. *Rannii Brodskii: poetika i sud'ba Ivanovo* / D.L. Lakerbai. – Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2000.
5. Vail, P., Genis, A. *60-e: Mir sovetskogo cheloveka* / P. Vail // “Novoe literaturnoe obozrenie,” – Moscow, 2002.
6. *Den' poezii*, 1964.
7. *Den' poezii*, 1963.
8. Shvarts, E. *Paradise: Selected Poems* / E. Shvarts – Glasgow, Scotland: Bloodaxe Books, 1993, p. 46.

¹⁴ See, for example, this Elena Shvarts poem: «Поэт есть глаз, — узнаешь ты потом, / Мгновенье связанный с ревущим Божеством. / Глаз выдранный — на ниточке кровавой, / На миг вместивший мира боль и славу».¹⁴ Shvarts, Elena *Paradise: Selected Poems* Glasgow, Scotland: Bloodaxe Books, 1993, p. 46.

И.А. Бакеева

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

**Структурно-семантические и прагматические особенности
газетного заголовка с побудительной интонацией**

Газетный заголовок как довольно распространенный и доступный материал для исследования вызывает неизменный интерес у ученых, поскольку, как указывает Д. Г. Загороднов, изучаемые аспекты очевидно неоднозначны [1: 57]. Заголовки описываются из разных источников (российских и зарубежных; литературных и научных); рассматриваются с лингвистических и социокультурных позиций. Актуальность исследования объясняется тем, что заголовок – это значимый компонент текста, обладающий высокой степенью воздействия: он формирует первичное отношение читателя к восприятию статьи; выражает авторскую оценку сообщаемых в тексте фактов, опосредованно оказывает влияние на мнение читателя. В заголовке нередко проявляется позиция автора, которая привносит в высказывание субъективный элемент.

Цель сообщения – охарактеризовать газетные заголовки, содержащие побудительную интенцию, в структурно-семантическом и прагматическом аспектах. Источником фактического материала послужили газеты «Комсомольская правда», «Республика молодая», «Известия Мордовии».

При анализе фактического материала наблюдается тенденция к усилению степени информативности заголовочного элемента, в частности посредством актуализации идеи статьи. Нередко наиболее значимый компонент актуализируется метафорически, что предполагает по прочтении текста восстановление звеньев логической цепи, компрессированных в заголовке.

Например: «*Нас ждут **оранжевая весна и розовое лето***» [«Комсомольская правда». – 2001 г. – №29. – С. 6]. Статья посвящена моде весенне-летнего сезона. В данном заголовке посредством метафорического переноса подразумевается актуальность цветных очков от солнца и цитрусовых, медовых тонов в одежде.

Однако далеко не всегда актуализация бывает корректной, что объясняется погоней за эффектностью, неожиданностью, эпатажем в целях привлечения внимания читателя, в ущерб правильной репрезентации содержания текста. Так, статья, посвященная подготовке к новогодней трансляции на телеканале НТВ и характеристике новогодних передач, носит название «*НТВ на новый год будет раздавать жуков*» [«Комсомольская правда». – 2007 г. – №98. – С. 10]. Расшифровка названия содержится в тексте статьи: «*НТВ во всю будет раздавать подарки, самый большой из них «Фольксваген-Жук»*. И даже если учесть стремление журналиста к неожиданности образа, все же нельзя не отметить дезориентирующий характер заголовка хотя бы в том, что речь идет об автомобиле в единственном числе.

Наряду с информативными заголовками, значительная часть проанализированного материала представлена заголовками директивного типа, которые содержат побудительную интенцию и несут идею ты-адресованности к читателю, что заложено в самой семантике побуждения.

Имеют место заголовки, выражающие идею непосредственного контакта адресанта-автора с адресатом при помощи соответствующих языковых средств.

Например, «*Тореадоры, хватит быковать!*» [«Комсомольская правда». – 2008 г. – №93. – С. 12]. Используемое в заголовке обращение ориентирует статью на определенного адресата; жаргонизм *быковать* представляет собой элемент языковой игры, устанавливающий ассоциативную связь «тореадор – бык» посредством семантики глагольного корня, при этом возможно достраивание третьего звена логической цепи – «коррида», подразумевающего арену жестоких, бескомпромиссных схваток (что соответствует содержанию текста). В связи с этим актуально значение жаргонизма *быковать* – нападать, налетать, набрасываться.

Идея совместного действия посредством инклюзивной формы императива 1-го л. мн. ч. отражена в заголовке «*Вместе победим!*» [«Известия Мордовии». – 2011 г. – 28 сентября. – С. 1].

Однако наиболее часто установление непосредственного контакта с адресатом-читателем не выражено формальными языковыми средствами. В таком случае заголовки с директивной интенцией структурированы инфинитивными или безличными конструкциями, ориентированными на обобщенного адресата. Как правило, заголовки, содержащие инфинитив в качестве функционального аналога императива, выражают достаточно высокую степень категоричности, побуждая к энергичным действиям. Например, требования «*Изъять!*» [«Республика Молодая». – 2011 г. – 24 августа. – С. 2]; «*Идти только вперед!*» [«Известия Мордовии». – 2011 г. – 12 октября. – С. 1]; запреты «*Не подражать!*» [«Республика Молодая». – 2011 г. – 26 октября. – с. 16]; «*Отказать! Не выписывать!*» [«Республика Молодая». – 2011 г. – 26 октября. – С. 1].

Безличные конструкции выражают, как правило, нейтральную директивную интенцию, оформленную чаще как совет, например: «*Заначку в долларах лучше не хранить!*» [«Комсомольская правда». – 2006 г. – №13. – С. 8]. В данном случае компонент *лучше* своей семантикой подчеркивает прагматический интенциональный компонент «в пользу адресата», заложенный в совете, а просторечный компонент «*заначка*», способствует сближению дистанции и установлению неформальной коммуникативной ситуации. Однако нередко интенция заголовка может быть интерпретирована только исходя из общей целевой установки текста. Например, заголовки «*Пора просвещаться!*» [«Республика Молодая». – 2011 г. – 17 августа. – С. 6], «*Хватит реформировать, пора ремонтировать!*» [«Известия Мордовии». – 2011 г. – 12 октября. – С. 1] могут быть расценены вне контекста и как совет, и как требование.

Особое место и в структурно-семантическом, и в прагматическом отношении среди заголовков подобного типа занимает призыв. Он типичен для общественных, публичных выступлений при обращении к большой аудитории, поэтому довольно активно функционирует в качестве заголовка в газетах как средствах массовой информации. Его истинная цель – разбудить активность

людей в смысле добровольного осознанного порыва к действию и тем самым добиться воздействия на убеждения людей, опираясь на их знания и учитывая социальную позицию слушающих. Например, «*Вместе – за лучшую жизнь для каждого!*» [«*Известия Мордовии*». – 2011 г. – 29 сентября. – С. 1]. Эффект будет зависеть от адекватной реализации основных функций – коммуникативной и апеллятивной, которые определяют всю его структуру.

В призыве директивная интенция содержит оттенок объективной предопределенности, который в инфинитивных моделях конкретизируется посредством семы долженствования: «*Студенчество поддержать!*» [«*Известия Мордовии*». – 2011 г. – 28 сентября. – С. 6]; «*Воспитать победителя!*» [«*Известия Мордовии*». – 2011 г. – 5 октября. – С. 1]; или семы неизбежности, как правило, в модели с инфинитивом *быть*: «*Новому образованию в России быть!*» [«*Республика Молодая*». – 2011 г. – 2 февраля. – С. 18].

Наиболее регулярно в заголовках-призывах реализуется эллиптическая модель, представленная двумя видами: однокомпонентная и двухкомпонентная. Как отмечает Е. А. Назикова, однокомпонентная модель представляет собой неразрывную цепь слов и не имеет срединной паузы [2: 65]: «*На борьбу со стихией всем миром!*» [«*Известия Мордовии*». – 2011 г. – 18 октября. – С. 6]. Двухкомпонентная модель характеризуется отсутствием формальной связи между компонентами и наличием срединной паузы. В зависимости от форм конструирующих элементов выделяются призывы с формулой «что» – «кому»: «*Детские сады – детям!*» [«*Республика Молодая*». – 2011 г. – 12 октября. – С. 5]; «*Цветы России – мамам!*» [«*Республика Молодая*». – 2011 г. – 5 октября. – С. 6]; «*Орден славы – педагогам!*» [«*Известия Мордовии*». – 2011 г. – 6 октября. – С. 1]. При обратном порядке функционирования компонентов «кому» – «что» в моделях с винительным падежом прямого объекта отсутствующий глагол имеет общее значение «осуществить, реализовать», например: *дать, обеспечить, организовать* и подобное: «*Партиям – равный доступ к эфиру!*» [«*Известия Мордовии*». – 2011 г. – 22 июня. – С. 31].

Отметим, что структурная модель призыва может фигурировать в заголовках, где в первую очередь актуализируется сема предписания к активному действию, а не сема влияния на убеждения людей. Например, «*Все – на шашлыки!*» [«*Известия Мордовии*». – 2011 г. – 22 июня. – С. 37].

Таким образом, фактический материал показывает, что в заголовках, содержащих побудительную, в частности директивную интенцию категорического и нейтрального типов, ярко выражено стремление к наибольшей семантической емкости при использовании минимального количества языковых средств. В призывах незамещенная позиция эллиптированного глагола придает заголовку особую динамичность и экспрессивность.

Список литературы

1. Загороднов, Д.Г. Современное состояние изучения феномена заголовка медийного текста / Д.Г.Загороднов // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 41. – 2009. – № 7. Серия «Филология. Искусствоведение». – С. 56-60.

2. Назикова, Е.А. О синтаксической структуре лозунгов-призывов / Е. А. Назикова. // Русский язык в школе. – 1979. – № 2. – С. 64-66.

М.В. Савельева

Курганский государственный университет

Роль объектного инфинитива в конструкциях с императивными процессуальными единицами

В русском языке единицы типа *заставлять, приказывать, просить* называют каузативными глаголами и подчеркивают, что в синтаксических конструкциях в сочетании с зависимым от них объектным инфинитивом их специфика проявляется в наибольшей степени [8: 22]. Л.М. Васильев относит исследуемые нами единицы к глаголам речевого побуждения и полагает, что самой существенной их особенностью является обязательная сочетаемость с инфинитивом и «с объектной позицией, указывающей на лицо, которому адресуется побуждение» [2: 27]. При этом лингвисты признают, что и каузативная глагольная единица, и инфинитив являются самостоятельными семантическими и синтаксическими единицами, образуя в сочетании каузативную ситуацию [12; 11].

Однако синтаксическая самостоятельность исследуемых нами единиц признается не всеми лингвистами. А.В. Филиппов единицы типа *просить, советовать, велеть* и др. определяет как «каузативные форманты», «вспомогательные глаголы», которые участвуют в образовании аналитической каузативной формы [10: 91-92]. Другие исследователи определяют их как «полуслужебные единицы» [3: 149], единицы «полувспомогательно-модального характера» [5: 280], «функторный предикат, сообщающий инфинитивной пропозиции модус отражения реальных событий», «компонент составного сказуемого» [1: 71, 72], «присвязочную часть сложного сказуемого» [6: 80], «второстепенное сказуемое» [9: 260]. Но во многих работах отмечается, что роль данных единиц нельзя определить как чисто служебную, т.к. их лексическая (и фразеологическая) семантика остается полнозначной.

Сложность принятия однозначного решения о функциональной нагрузке компонентов конструкции и о степени их самостоятельности вызвана специфичной двойственной природой каждого из них. Такие единицы, как *приказывать, дать/отдавать приказ/приказание, просить, заставлять, позволять, приглашать* и еще около 170 глаголов и фразеологизмов мы называем процессуальными единицами с императивной семантикой (или императивными процессуальными единицами – ИПЕ). Под ИПЕ мы понимаем единицы, в семантической структуре которых наличествует категориальная сема процессуальность, субкатегориальная сема императивность, а также групповые и индивидуальные дифференциальные семы, позволяющие объединить их в шесть групп: приказ, принуждение, разрешение/запрет, просьба, приглашение, совет. ИПЕ и инфинитив являются синкретичными образованиями, совмещающими в себе семантические и синтаксические особенности разных частей языковой системы. Для ИПЕ характерно наличие двойственного полужнаменательного значения, инфинитив сочетает в себе функции дополнения и обстоятельства цели.

В русской грамматике указано, что объектный инфинитив, примыкая к глаголу, вступает с ним в отношения объектные или целевые, при этом последние возникают при сочетании инфинитива с глаголами движения или целенаправленного действия [7: 41]. В исследуемых нами конструкциях целевые отношения возникают между объектным инфинитивом и ИПЕ типа *направлять, посылать, укладывать, усаживать, ставить* и др.:

«Чекисты работали всю ночь, выполняя наказ Советского правительства: очистить от бандитских шаяк пограничные районы страны. *Направлял их громить* бандитов бывший начальник Особого отдела корпуса Котовского Иосиф Киборт» (Беляев «Старая крепость»). «Он преодолел всё это только для того, чтобы увидеть меня и передать: “Меня *послала* Елена Климентьевна *сказать*, что ты сделала огромные успехи, что ты очень выросла!”» (Архипова «Музыка жизни»). «В это время я едва мог читать и худо писал, но в назначенное время он меня *сажал читать*, сам сидел безотлучно, повторяя: читайте, батюшка» (Загряжский «Записки»).

Объектные отношения возникают в сочетаниях с ИПЕ, в семантической структуре которых не содержатся компоненты, указывающие на дополнительные целенаправленные действия (например, на целенаправленное перемещение в пространстве или целенаправленное изменение положения в пространстве: идти, садиться, ложиться, вставать). Для сравнения приведем примеры ситуаций, в которых адресат побуждается к выполнению действий, связанных с перемещением в пространстве:

«Кланялись вам Мойсей Ильич и *велели* вам зараз *приходить* к ним» (Чехов «Скрипка Ротшильда»). «Рано утром, когда я обучал полк на поле у Новоспасского монастыря, к нам явился полковник Крофорд, сообщил, что в городе великое смятение, и *дал приказ выступать* к Таганским воротам» (Гордон «Дневник»). «Ты когда-нибудь сам фотографировался вдвоем или втроем? — как больная спросила Ирена. — Ты знаешь, как там *заставляют сидеть* и *держат головы?*» (Воробьев «Вот пришел великан»).

О.Н. Журавлева в своем исследовании расширяет границы группы единиц, сочетающихся с целевым инфинитивом. В частности, автор включает такие единицы, как *давать, приглашать, звать, манить, призывать*, а также такие каузативы, как *потянуть, пустить, определить* и др. В семантической структуре приведенных единиц присутствуют семы дополнительного целенаправленного действия, например, у единицы *давать* наличествует сема передачи субъектом и получения адресатом какого-либо объекта, у единиц *приглашать, звать, манить* – сема приближения адресата к субъекту и т.п. [4: 44-45]. Мы полагаем, что при описании ситуации побуждения с помощью конструкций с ИПЕ в сочетании с объектным инфинитивом, в структуре значения ИПЕ могут подвергаться актуализации дополнительные периферийные семы, что напрямую зависит от семантики процессуальной единицы, номинирующей заданное субъектом побуждения действие:

«Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятие какое-нибудь о том, что такое благодетельство мыслей. Я *приглашаю вспомнить* долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я *приглашаю рассмотреть* ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно пред-

ставляется, и мы едва...» (Гоголь «Мертвые души»). «Очень милый, добродушный турок врач, помощник инспектора, *приглашает* меня *навестить* с ним чумного больного. Тотчас захожу за коллегой и вместе направляемся к больному. Сзади нас на почтительном расстоянии шагают два здоровых верзилы поллисмена» (Соколов «Поездка в город Джедду»).

ИПЕ *приглашать* лишена семы «приближение адресата побуждения к субъекту» и является эквивалентом ИПЕ *предлагать*. Ситуация, описанная во втором предложении, предполагает физическое передвижение в пространстве, но актуализируется данная сема в силу использования единицы *навестить*.

«Любой запрет *манит* меня *нарушить* его, обойти, поехать на красный свет» (Ефимов «Суд да дело»). «Когда вычитывает дьячок длинные молитвы, Горкин *манит* меня *присесть* на табуретку, и я подремлю немножко или думаю-воздыхаю о грехах» (Шмелев «Лето Господне»). «Время от времени тётка Людмила *звала* свекровь *переехать* к старшему сыну, бабушка благодарила, выказывала невестке уважение» (Варламов «Купавна»). «Комбайны, трактора, косилки да сажалки, подборщики и культиваторы, самоходные и прицепные машины и орудия, Ванею в колхозы отправляемые, откровенной недоделанностью *звали* механизаторов поскорее *угробить* их и *заказать* новые» (Азольский «Лопушок»). «Но тут выходила на крылечко Юрина мама и по-гречески *звала* его *ужинать*, а он всё не шёл, и так много раз ...» (Искандер «Мой кумир»).

В структуре значения единиц *звать* и *манить* в приведенных примерах основной, центральной семой является сема «что-то приятное адресату или желаемое им» с точки зрения субъекта побуждения, в силу чего они становятся синонимичны таким единицам, как *соблазнять*, *предлагать*, *приглашать*. Семы «приближения адресата к субъекту» и «использование субъектом жестов или голоса для привлечения адресата» отдаляются от центра на периферию семантической структуры и нивелируются. ИПЕ создают общую модальную рамку, указывая на отношения между участниками ситуации и на их отношение к заданному действию. Периферийные семы подвергаются актуализации в случае, если они свойственны структуре значения процессуальной единицы в форме объектного инфинитива, обозначающей заданное ответное действие.

ИПЕ характеризуются семантической неполнозначностью в силу наличия в структуре их значения неопределенной семы «содержание побуждения», которая в речи актуализируется посредством объектного инфинитива [1: 69-73]. Любое высказывание соотносится с внеязыковой действительностью и описываемой им ситуацией как со своим денотатом. Акт побуждения представляет собой ситуацию воздействия одного субъекта на другого с целью добиться от последнего выполнения определенного действия, т.е. возникают две расчлененные ситуации. Анализ пропозициональной структуры высказываний с ИПЕ в сочетании с объектным инфинитивом показал, что данные высказывания являются синтаксически целостным единством, репрезентирующим совокупность двух (и/или более) дискретных ситуаций. Следовательно, высказывания с ИПЕ являются полипропозитивными конструкциями, представляющими собой наложение одной ситуации на другую с общей точкой в позиции адресата, который в отношении предикативной пропозиции выступает как семантический адресат, а для непредикативной является семантическим субъектом. Актуализа-

ция в речи таких компонентов императивной ситуации, как «адресованность побуждения» и «содержание побуждения» выражается в синтаксически едином комплексе, который представляет собой свертку ситуации, участником которой является адресат побуждения, выполняющий или не выполняющий заданное субъектом побуждения действие. Таким образом, можно сделать вывод, что в исследуемом типе высказываний ИПЕ выполняет функцию сказуемого, а сочетание именной части в объектной позиции с объектным инфинитивом выступают как синтаксически неделимый комплекс – сложное дополнение:

«Георгий агитировал нас с Моргуновым делать гимнастику дыхания йогов, заниматься “самосозерцанием”» (Никулин «Мое любимое кино»). «Его можно понять, он был главной шишкой в семье, его отцовскому слову безоговорочно подчинялась вся родня, он самолично повелед всем трём сыновьям поочерёдно провести ночь у него на могиле» (Белянин «Отстрел невест»).

В.М. Брицын отмечает, что единицы, в семантической структуре которых не содержится сема «говорение», передают значение побуждения в общем виде. Такие единицы обладают способностью утрачивать значение конкретного побуждающего действия и, следовательно, «превращаются в функторные предикаты, сообщающие инфинитивной пропозиции модус отражения реальных событий» [1: 71]. По мнению В.М. Брицына, роль «функторной» единицы в высказывании остается неопределенной. Но принимая во внимание данное автором определение и характеристику конструкции, можно сделать вывод, что ИПЕ (не содержащие семы «говорение») в сочетании с объектным инфинитивом выполняют в высказывании функцию составного сказуемого, при этом синтаксический субъект «получает косвенную предикативную характеристику по его отношению к действию, процессу или свойству» [1: 71]. Следует отметить, что такое сказуемое по отношению к синтаксическому субъекту проявляет себя как характеризующий предикат, а не предикат действия или процесса:

«Ребенок, сам того не подозревая, вынуждал их подтягиваться до идеального образа» (Медведева, Шишова «Педагогика от лукавого»). «И снова некая сила подзуживает сказать нечто в привычном русском варианте: авось повезет на этот раз» (Яковлев «Омут памяти»). «Их дружба была долгой и прочной, тем более, что Гитович еще с военных лет хорошо знал и любил моего отца. Он постоянно подталкивал маму посылать письма в Главное политическое управление армии ...» (Катерли «Сквозь сумрак бытия»).

Следовательно, функциональная нагрузка как ИПЕ, так и зависимого от них объектного инфинитива взаимосвязана с компонентным составом семантической структуры исследуемых единиц, формирующих в высказывании синтаксическое ядро, и зависит от способов выражения субъекта побуждения в конструкции предложения.

Список литературы

1. Брицын, В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке / В.М. Брицын. – Киев, 1990.
2. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола (глаголы речи, звучания и поведения) / Л.М. Васильев. – Уфа, 1981.

3. Гордон, Е.Я. Каузативные глаголы в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Я. Гордон. – Душанбе, 1981.
4. Журавлева, О.Н. Семантика каузативных глаголов, сочетающихся с целевым инфинитивом / О.Н. Журавлева // Семантика. Функционирование: межвузовский сб. науч. тр. – Киров, 2001. – С. 44 – 47.
5. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М., 1973.
6. Руднев, А.Г. Синтаксис современного русского языка / А.Г. Руднев. – М., 1963.
7. Русская грамматика: в 2-х томах / гл.ред. Н.Ю. Шведова. – М., 1980.
8. Селиванова, М.Ю. Синтаксические конструкции с каузативными глаголами и их смысловое предназначение: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.Ю. Селиванова. – Киров, 2005.
9. Тимофеев, К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке / К.А. Тимофеев // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. В.В. Виноградова. – М., 1950. – С. 257 – 301.
10. Филиппов, А. В. К вопросу о каузативных и некаузативных глаголах / А. В. Филиппов // Русский язык в школе. – 1978. - №1. – С. 90-93.
11. Храковский, В.С., Володин, А.П. Семантика и типология императива. Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – Л., 1986.
12. Чудинов, А.П. О семантике и классификации каузативных глаголов / А.П. Чудинов // Семантические классы русских глаголов: межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1982. – С. 55 - 66.

Е.И. Верносова, С.В. Киселёва

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Полисемия глагола *light* в диахронии

Существует несколько подходов к определению полисемии. С точки зрения А.Я Шайкевича [3: 141], если между несколькими одинаково выраженными значениями можно установить семантическую связь, они считаются разными значениями одного и того же слова, такое слово называется многозначным, а само явление называется полисемией. М.В. Никитин отмечает, что полисемия является конститутивным свойством языков, естественные языки не могут не развивать многозначность своих единиц, а значения многозначного слова содержательно связаны [2: 176]. Таким образом, на основе вышесказанного, мы будем считать, что полисемия или многозначность слова — это наличие у языковой единицы более одного значения при условии семантической связи между ними или переноса общих либо смежных признаков или функций с одного денотата на другой [1]. Разнообразие семантической структуры многозначного слова отражается в наличии разных оттенков его значений.

Диахронический подход к явлению полисемии позволяет проследить накопление лексико-семантических вариантов «сквозь время», от исходного зна-

чения ко вторичным, производным, которые образуются на основе первичного значения слова. Сохранение исходного значения наиболее характерно для формирования всего комплекса значений многозначного слова [1].

Исходное значение слова может исчезнуть из живого употребления и быть выявлено только посредством анализа архаичных, застывших форм этого слова в высказываниях. Нередки также случаи утраты исходного значения в процессе развития языка.

С точки зрения истории языка можно отметить, что развитие и накапливание вторичных, производных значений шло двумя основными путями, получившими названия цепочечного и радиального способа. Об этом было много написано лингвистами, поэтому представляется целесообразным остановиться на кратком изложении видов полисемии. При цепочечном пути развития полисемии каждое следующее значение развивалось из предыдущего, иногда очень далеко отрываясь от исходного. В случае радиальной полисемии исходное значение можно представить в виде некоего центра, от которого отходят радиусы вторичных, производных значений, как например в случае слова *step*. Его исходное значение (0. movement of one's leg) выступает в качестве центра, от которого радиально отходят значения: 1) one action in a series of actions to gain a purpose; 2) putting the right (or wrong) foot at the same/different time with others; 3) way of walking (as seen or heard); 4) place for the foot when going from one level to another [1].

В настоящей работе рассматривается полисемия глагола *to light*, исследование которого проводится в диахронии и охватывает все периоды развития английского языка. Здесь предстоит решить следующие задачи:

- определить тип полисемии глагола *to light*;
- установить, исчезло ли исходное значение глагола *to light*;
- определить актуальные значения глагола *to light* во всех периодах развития английского языка.

Словарных статей, посвященных глаголу *to light*, много, поэтому пришлось обратиться к одним из наиболее авторитетных словарей, а именно: словарям Oxford, Collins и Webster. В этих словарях наиболее полно рассматриваются варианты происхождения слова *to light*, а также приводятся аналоги этого слова в других древних языках германской группы, а именно: старосаксонском, среднедатском, верхнедревнегерманском, готском, старотевтонском. Сравнительный анализ (см. таблицу 1) позволяет установить происхождение слова *to light* от древнеанглийского *lihtan* и считать, что глагол *to light* относится к словам, имеющим индоевропейское происхождение. Данные, на которых основаны выводы, приведены в следующей таблице.

Таблица 1 - Происхождение глагола *to light* и его аналоги в других языках индо-европейской группы.

Origin	Oxford	Collins	Webster
O.E.	líhtan	lēoht	lihtan <leóht (light, not heavy)
O.S.	liuhtian		
M Du	lichten, luchten		
Du	lichten	licht	
OHG	liuhten		
Goth	liuhtjan	leihts	
O. Teut	liuhtjan		

Анализ данных словаря Оксфорда позволяет составить список основных и производных значений слова *to light* в современном английском языке:

- 1 to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten
- 2 of day: to grow light
- 3 to set burning (a candle), to kindle (a fire) to apply a light to, to ignite
- 4 transf and fig
- 5 to light up - to light one's pipe, cigar (colloq)
- 6 to take fire, be lighted, transf to 'kindle', become suffused with light
- 7 to give light to (a room), to make light or luminous, to illuminate, esp. to furnish with the ordinary means of illumination (rarely with up);
- 8 to light up - to furnish or fill with abundance of light, to illuminate in a special manner, to bring into prominence by means of light;
- 9 to cause (the eyes) as it were to gleam with animation or lively expression, also to brighten up;
- 10 to give light to (a person) so as to enable him to see what he is doing, hence to show the way to, lit, fig;
- 11 to enlighten or illumine spiritually or intellectually [6].

Анализ данных словаря Оксфорда позволяет составить список значений, встречавшихся в определенные периоды истории английского языка. Значения этого слова в каждый период пронумерованы в соответствии с исходным списком значения *to light* по словарю Оксфорда, приведенному выше.

Древнеанглийский период:

(1) to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten; (2) of day: to grow light.

Среднеанглийский период:

(1) to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten; (2) of day: to grow light; (3) to set burning (a candle), to kindle (a fire) to apply a light to, to ignite; (4) transf and fig; (7) to give light to (a room), to make light or luminous, to illuminate, esp. to furnish with the ordinary means of illumination (rarely with up); (10) to give light to (a person) so as to enable him to see what he is doing, hence to show the way to, lit, fig; (11) to enlighten or illumine spiritually or intellectually.

Ранненовоанглийский период

(1) to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten; (2) of day: to grow light; (3) to set burning (a candle), to kindle (a fire) to apply a light to, to ig-

nite; (4) transf and fig; (7) to give light to (a room), to make light or luminous, to illuminate, esp. to furnish with the ordinary means of illumination (rarely with up); (10) to give light to (a person) so as to enable him to see what he is doing, hence to show the way to, lit, fig; (11) to enlighten or illumine spiritually or intellectually;

Новоанглийский период.

(1) to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten; (3) to set burning (a candle), to kindle (a fire) to apply a light to, to ignite; (4) transf and fig; (5) to light up - to light one's pipe, cigar (colloq); (6) to take fire, be lighted, transf to 'kindle', become suffused with light; (7) to give light to (a room), to make light or luminous, to illuminate, esp. to furnish with the ordinary means of illumination (rarely with up); (8) to light up - to furnish or fill with abundance of light, to illuminate in a special manner, to bring into prominence by means of light; (9) to cause (the eyes) as it were to gleam with animation or lively expression, also to brighten up; (10) to give light to (a person) so as to enable him to see what he is doing, hence to show the way to, lit, fig; (11) to enlighten or illumine spiritually or intellectually [6].

Анализ собранных данных показывает, что:

1. Основное значение глагола to light как to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten является исконным значением и встречается во всех периодах истории английского языка.

2. Во всех периодах истории английского языка появлялись новые значения глагола to light.

3. Второе исходное значение глагола to light (of day: to grow light.) по данным словаря Оксфорда не встречается в новоанглийском периоде.

4. Налицо смешанный тип полисемии: встречается цепочечная и радиальная полисемия. Радиальная полисемия связана с расширением исходного значения to give or shed light, to shine, to be alight or burning, also to lighten. К этому значению в среднеанглийский период добавляются значения (11) to enlighten or illumine spiritually or intellectually, (10) to give light to (a person) so as to enable him to see what he is doing, hence to show the way to, lit, fig, (7) to give light to (a room), to make light or luminous, to illuminate, esp. to furnish with the ordinary means of illumination (rarely with up). Эти же значения сохраняются в ранненовоанглийском и новоанглийском периодах.

К указанным значениям в среднеанглийский период добавляются значения (6) to take fire, be lighted, transf to 'kindle', become suffused with light, (3) to set burning (a candle), to kindle (a fire) to apply a light to, to ignite, а в новоанглийский период и значение to light up - to light one's pipe, cigar (colloq) [6].

Таким образом, в ходе диахронического исследования глагола to light с применением дефиниционного и дистрибутивного анализов по выявлению типа полисемии глагола и развития его системы значений было определено, что основное значение глагола to light является исконным значением и встречается во всех периодах истории английского языка; во всех периодах истории английского языка появлялись новые значения глагола to light, второе исходное значение глагола to light по данным словаря Оксфорда не встречается в новоанглийский период, а многозначность не только не оказалась утраченной, но и получила своё дальнейшее развитие.

Список литературы

1. Елисеева, В.В. Лексикология английского языка [Электронный ресурс] / В.В. Елисеева.- СПбГУ, 2003.
2. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб, 2007.
3. Шайкевич, А.Я. Введение в лингвистику / А.Я. Шайкевич. – М., 2005.
4. Collins English Dictionary Complete & unabridged / Harper Collins Publishers, 2005.
5. New Webster's Dictionary of the English Language / College Edition, 1989.
6. New English Dictionary on Historical Principles. Oxford: At the Clarendon Press [Электронный ресурс], 1909.

С.В. Киселёва

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики – Санкт-Петербург

Прототипизация в глагольных лексемах

Понятие категоризации является одним из основополагающих представлений когнитивной науки. Категоризация является основным способом придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других [14: 85]. Для любого лингвистического исследования важно изучение процесса категоризации, поскольку этот процесс лежит в основе использования языка в целом. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «... любое знание, получаемое человеком, есть результат концептуализации и категоризации окружающего мира. Соответственно, языковое знание, которое является неотъемлемой частью общей концептуальной системы человека, формируется по тем же законам» [7: 39].

Исходя из этого положения, было написано много работ по когнитивной семантике, в которых изучался и анализировался процесс категоризации на примере феномена полисемии. Если полисемию рассматривать с позиций традиционного подхода к категоризации, в рамках которого концепты излагаются исключительно только в соответствии с их необходимыми и достаточными чертами, то полисемия представляет значительную трудность. Невозможность описания когнитивных механизмов многозначности слова в рамках традиционной теории категоризации вызвала необходимость использования других когнитивных теорий и положений.

Мы полагаем, прототипическая теория категоризации позволяет лучше понять сущность языкового феномена полисемии и дает возможность обнаружить и охарактеризовать его свойства.

Говоря об отношении процесса категоризации и полисемии, многие зарубежные лингвисты описывали отношения между производными значениями многозначного слова в виде набора структурированных когнитивных связей [24; 25]. В этих работах структура многозначного слова характеризуется в качестве некой категории, которая включает одно или несколько главных, цен-

тральных значений и периферийные значения, связанные между собой когнитивными связями. Большинство авторов полагают, что существует определенная связь между концептуальной категорией прототипического типа и структурой многозначного слова. Однако они не едины во мнении о вопросе характера и способа взаимоотношений между ними.

Очевиден тот факт, что концептуальная категория и многозначное слово представляют собой сложные когнитивные образования, возникающие в результате классифицирующей деятельности сознания [15: 57]. Обе структуры могут иметь прототипический характер, обладая во многом сходным строением. Исследования, сделанные в рамках когнитивной семантики, позволили ученым сделать предположение, касающееся концептуальных структур, находящихся в основе многозначности, что слова и их смыслы представляют собой концептуальные категории, имеющие общие свойства с экстралингвистическими концептуальными категориями [24: 328].

Как известно, концептуальная категория состоит из информации о главных членах, самым лучшим образом репрезентирующих всю категорию, – о прототипах. Категория формируется по принципу наличия определенного набора основных характеристик. Чем меньшим сходством с прототипом тот или иной член категории обладает, тем большее периферийное положение он занимает. В лингвистике под прототипом понимают прототипическое значение слова [26].

На протяжении нескольких веков в научной лингвистической отечественной литературе проблема значения языковых единиц оставалась дискуссионной. Обращение к вопросам соотношения понятия и значения, значения и категорий мышления при исследовании лексической семантики определило облик современной семасиологии и явилось стимулом к появлению новых научных теорий, в частности когнитивной концепции значения, важная роль в которой отводится теории прототипов.

В последнее время понятие прототипа в отечественном языкознании активно используется при описании языковых категорий и языковых значений. Н.Н. Болдырев определяет прототипический подход как один из современных методологических открытий когнитивной лингвистики [6]. Теория прототипов применяется при изучении различных языковых категорий и языковых объектов, в частности, семантических структур многозначных слов. Описание значения слова в рамках прототипического подхода заключается в том, что со словом соотносится его прототип, описание которого представляет собой пучок абстрактных семантических признаков. Прототипический подход к изучению лексического значения дополняет системно-семасиологический, поскольку теория прототипов позволяет обнаружить, как в лексических значениях слов отображаются результаты концептуализации и категоризации мира человеком.

Так, обоснование существования содержательного ядра многозначного слова определило анализ лингвистических исследований в области когнитивных прототипов, изучения лексем слова на уровне лексикона, системы образов при осмыслении переносных значений и, прежде всего, метафоры, являющейся источником лексической многозначности и универсальным инструментом когнитивной деятельности. Метафора играет важную роль в построении языковой картины мира и в членении действительности.

Изучение метафоры, начало которому было положено Аристотелем, имеет многовековую традицию. Попытки создания общей теории метафоры делались логиками, философами, психологами и лингвистами разных направлений. В современной лингвистике интерес к метафоре вспыхнул в связи с обсуждением проблем семантической правильности предложения и выделением разных типов отклонений от норм. Метафора рассматривается с точки зрения «интерпретируемой аномалии», т.е. того вида семантической неправильности, который возникает в результате намеренного нарушения закономерностей смыслового соединения слов. При этом некоторые авторы подчёркивают, что истолкования метафоры требует привлечения экстралингвистических знаний. Другие исследователи, напротив, отвергают или сводят до минимума роль экстралингвистического фактора в образовании метафоры и строят теорию метафоры только в терминах семантической структуры слова.

Освещение проблемы взаимодействия значения слова и жизненного опыта народа существенно и для понимания природы метафоры, и для понимания семантических процессов в целом. С точки зрения Н.Д. Арутюновой, метафора – это прежде всего способ уловить индивидуальность конкретного предмета или явления, передать его неповторимость. Между тем находящиеся в распоряжении говорящего предикаты позволяют дать предмету только более или менее широкие категориальные (таксономические) характеристики, включив его в класс того или иного объёма. Индивидуализирующих возможностей больше у конкретной лексики, чем у предикатов. Метафора индивидуализирует предмет, относя его к классу, которому он принадлежит. Она работает на категориальной ошибке.

Метафора связана прочными узами с позицией предиката. Классическая метафора – это вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону понятия, воображения в зону интеллекта, единичного в царство общего, индивидуальности в «страну» классов. Метафора стремится внести хаос в упорядоченные системы предикатов. Связь метафоры с позицией предиката свидетельствует о том, что в недрах образа уже зародилось понятие. Метафора – это колыбель семантики всех полнозначных и служебных слов. Когнитивная метафора, как и собственно номинативная метафора, не является стойкой. Осуществив свою функцию, она меркнет. Метафора возникает тогда, когда между сопоставляемыми объектами имеется больше различного, чем общего. Метафора – это постоянный рассадник алогичного в языке, она позволяет сравнивать несопоставимое, элементы разной природы: конкретное и абстрактное, время и пространство [1; 2: 346].

Проблема о когнитивно-семантических механизмах образования и осмысления метафорических выражений получила интересное развитие в последние десятилетия, связанное прежде всего с именами Дж.Лакоффа и М.Джонсона (теория концептуальной метафоры) (Lakoff and Johnson, 1980, русский перевод в сб. Теория метафоры, 1990; Лакофф, 1995) и чуть позднее – М.Теньера и Ж.Фоконье (теория концептуальной интеграции Turner and Fauconnier, 1998). Однако серьёзные импульсы к продвижению в этой области были заданы в ряде других зарубежных работ (см., например, Mac Cormac `985; Metaphor and Thought, 1988).

Одновременно в нашей стране теория метафоры подвергалась разносторонней оригинальной разработке – более всего с когнитивных позиций (см. среди многих других: Арутюнова, 1979; Жоль, 1984; Метафора в языке и в тексте, 1988; Беляевская, 1987, 2000; Петров, 1990; Теория метафоры, 1990; Складневская, 1993; Гудков, 1994; Лапшина, 1998).

Проблема механизмов семантической вариативности слова интересовала автора этих заметок с начала 70-х годов. При этом внимание преимущественно отдавалось именно когнитивной стороне дела, тому, что эти процессы имеют под собой когнитивную основу, на этом строятся концептуальные связи, механизмы и модели ассоциативного взаимодействия концептов (см.: Никитин, 1974; 1979; 1983; 1988; 1996; 2000; 2001; 2001а; 2001б; 2001в; 2002).

По мнению М.В. Никитина, метафорический перенос имён предполагает аналогическое сходство денотатов, то есть сходство не по линии гиперсемы (родовой части) исходного значения, а по признакам из области его импликационала и гипосемы. Иными словами, метафора изначально предполагает внеположенность сравниваемых денотатов, их принадлежность к разным предметным областям [17: 257].

В общем виде механизм метафорического словообразования состоит в том, что при аналогическом сходстве двух денотатов какой-то признак или связка признаков из области импликационала (а также гипосемы) исходного значения составляют гипосему (дифференциальный признак) производного метафорического значения, а гиперсема последнего берётся из той новой предметной области, в которую смещается метафорический концепт [16].

Бытует мнение, в соответствии с которым словарная статья слова должна включать все элементы плана содержания языковой единицы. Наряду с этим взглядом проводятся исследования в сфере «семантической компактности», являющиеся результатом возникновения гипотез в области выявления содержательного ядра, как на уровне одного значения, так и на уровне многозначного слова.

С точки зрения первого направления, в дефиниции слова содержится не только референциальные сведения о лексической единице, но и коннотативные, коммуникативные и прагматические семы. Действительно, план содержания слов включает больше значений, чем это представлено в словарных дефинициях. Например, достаточно полное описание денотативных значений некоторых слов для их дифференциации даётся в труде А. Вежбицкой [27: 33-37]. В то время как И.К. Архипов считает, что подобные гигантские дефиниции составлялись в ходе выявления реальных единиц хранения информации о словах в памяти, но эти дефиниции явно не подходят на роль содержательного ядра. При всей очевидной избыточности таких определений словарных статей убедительным противопоставлением может послужить «любое указание на какой-нибудь упущенный признак» [3: 15-19].

Для настоящей статьи важным представляется область сужения семантических элементов значения глаголов отношения, в частности со значением «части и целого», до минимально необходимых для выявления партитивных сем. Объектом исследования послужил глагол *to compose*. Поскольку язык постоянно стремится к экономии, то это может навести на мысль о том, что единицы на

уровне языка хранятся в ментальном пространстве словарного состава человека не в виде развёрнутых словарных дефиниций, а в более компактном виде. Содержательное ядро на уровне отдельного значения глагола партитивной семантики должно предполагать сужение семантических компонентов до минимально необходимых (устойчивых, центральных). При этом значение «части и целого» должно быть максимально узнаваемым.

Среди известных лингвистов, ведущих исследования в данном направлении, необходимо отметить ряд ученых (С.Д. Кацнельсон, В.А. Серебренников), развивающих концепцию А.А. Потебни о ближайшем и дальнейшем значениях. А.А. Потебня считает, что значение слова включает «две различные вещи», одну из которых он называет «ближайшим значением», принадлежащим области языкознания, другую – «дальнейшим значением», составляющим предмет других наук. Но только одно ближайшее значение имеет реальное содержание мысли во время её произнесения [19: 19-20]. При произнесении слова сознание человека не сфокусировано на совокупности всех признаков слова, т.к. для этого требуется время и совершение определённой мыслительной операции. По мнению автора, вне контекста слово выражает не всё содержание, а только один существенно необходимый признак. Его он называет ближайшим значением, которое вместе с игрой воображения делает доступным для говорящего и слушающего понимание друг друга. Ближайшее (или объективное) значение А.А. Потебня называет «народным», т.к. считает, что люди одного языкового сообщества имеют подобные мысли. Дальнейшее значение является субъективным. «Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе как при посредстве народного понимания, т.е. языка и средств, создание которых обусловлено существованием языка» [20: 120-124; 13].

Таким образом, ближайшее значение представляет собой форму, в которой нашему обыденному сознанию представляется его содержание. При этом под внутренней формой слова подразумевается отношение содержания мысли к сознанию. Она даёт возможность увидеть, как «собственная мысль представляется человеку». По мнению А.А. Потебни, этим можно объяснить, почему в языке могут быть много слов для обозначения одного и того же предмета и, наоборот, одно слово может обозначать разнородные предметы. Кроме того, он считает, что иногда невозможно выделить в каком-то понятии единственный, наиболее существенный признак. Поэтому, вероятно, в основе значения лежит не один, а минимально возможное количество признаков. Автор считает, что семантика слова, фиксируемая в словаре как ближайшее значение слова, является вторичной и производной по отношению к знанию о мире, являющемуся дальнейшим значением [20: 124].

Положение о «народности» значения сохраняется и в наши дни. Так, С.Д. Апресян проводит разграничения формальных и содержательных понятий. К формальным он относит минимум наиболее общих и в то же самое время наиболее характерных отличительных признаков, необходимых для обозначения и распознавания предмета [1]. С точки зрения С.Д. Кацнельсона, «в формальном понятии подытоживается главное из того, что нужно знать о предмете, но именно поэтому всякий новый шаг в познании предмета выводит за пределы такого понятия...» [12: 20]. Что касается содержательного понятия, то оно от-

личается от формального не только по содержанию, но и по форме. Оно охватывает новые стороны предмета, его свойства и связи с другими предметами. Подобные понятия у людей могут оказаться разными, вследствие индивидуального опыта, уровня образования, одарённости и т.д. [12]. Иными словами, содержательное понятие автора совпадает с дальнейшим значением А.А. Потебни.

По мнению Ю.Н. Караулова, сначала происходит изменение дальнейшего значения слова, затем компоненты этого обогащённого значения проникают на уровень семантики и частично отражаются в изменении ближайшего значения. «Зарегистрированная языковой семантикой информация отражает незначительную часть знаний о мире, а в ряде случаев может отражать их искаженно» [11: 168-170].

Всё еще нерешённым остаётся вопрос об ограничении числа семантических компонентов в составе значений. Одни лингвисты пытаются сузить количество компонентов путём сокращения значений. Другие исследователи считают, что это количество не может быть лимитировано, а это предполагает, что значение не может быть описано исчерпывающим набором семантических компонентов, в то время как сам семантический компонент является ядерным, допускающим дальнейшее членение элементов значения [19]. Так, многие лингвисты указывают на чрезвычайную сложность подобных операций внутри лексико-семантических вариантов (ЛСВ) [21; 22;23].

Ядро значения слова как семантему, семантическую категорию, семантический компонент или признак (сему) (как отражение различительной черты) выделяет В.Г. Гак. В плане выражения семантеме соответствует лексема. В семантической структуре значения слова он различает архисемы, дифференциальные семы и виртуэмы (потенциальные семы). Например, архисема «транспортное средство» называет признаки, свойственные целому классу объектов: автобус, поезд, самолёт и т.д. Архисема может стать дифференциальной семой по отношению к семам более высокого уровня (например, «ехать» и «говорить» обладают архисемой «действовать»). Ядру значения слова соответствуют дифференциальные семы, существенно отличающие семантему одного (данного) слова от другого. Потенциальные семы отражают второстепенные, зачастую нерелевантные признаки предмета, различного рода ассоциации, с которыми данный предмет реально ассоциируется в сознании коммуникантов. В обычном употреблении слова они уходят на задний план, их функционирование связано с появлением переносных значений у слова [10: 13-14].

М.В. Никитин выделяет понятие интенционала, приближённого к минимально необходимому содержательному ядру. Под интенционалом понимается содержательное ядро лексического значения, «структурированная совокупность семантических признаков, конституирующих данный класс денотатов. Их наличие считается обязательным для сущностей данного класса, точнее – с учётом вероятностной природы мира и его сущностей - их прежде всех других признаков связывают с данным классом. Интенционал – то же, что содержание понятия о классе в логике. Именно интенционал лежит в основе мыслительных и речевых операций по классификации и именованию денотатов» [16; 18: 109].

С точки зрения М.В. Никитина, семантические признаки в интенционале распадаются на две части, связанные родо-видовым (гипер-гипонимическим)

отношением. Признаки не существуют порознь, между ними существуют многообразные связи и зависимости. В силу этого «одни признаки заставляют помыслить о других с большей или меньшей необходимостью» [18: 110]. Равным образом интенциональные признаки могут с необходимостью или вероятностью имплицировать наличие или отсутствие других признаков у денотатов данного класса. Автор считает, что по отношению к интенционалу, т.е. ядру значения, совокупность таких имплицуемых признаков образует импликационал лексического значения (ЛЗ), т.е. периферию его информационного материала. Информация о денотате, которую слово несёт в тексте, складывается из двух частей: неизменных интенциональных признаков и некоторой части импликациональных признаков, актуализируемых контекстом.

Таким образом, М.В. Никитин представляет лексические значения как сложные образования, непосредственно вплетённые в когнитивные системы сознания. Структура лексического значения образуется прежде всего предметно-логическими связями, расширенными его интенциональным ядром и захватывающими в периферию его содержания импликациональные признаки. Структура интенционала образуется логическими зависимостями составляющих его семантических признаков и, прежде всего, родо-видовыми (гипергипонимическими) связями. Признаки импликационала также структурно упорядочены своими вероятностными характеристиками и предметно-логическими зависимостями [18: 115]. Под интенционалом М.В. Никитин подразумевает в приближённом виде (или равнозначно) содержательное ядро значения.

По мнению А. Вежбицкой, чтобы составить словарные дефиниции, нужно использовать метод «редуктивного анализа», который предполагает тот факт, что все концепты должны быть определены через набор далее неопределённых семантических признаков [8; 9]. Автор приводит слова Г. Лейбница, в своё время постулирующего, что множество понятий может быть скомбинировано из нескольких элементов, «поскольку природа стремится достичь максимального эффекта с помощью минимального количества элементов, т.е. действовать простейшим способом» [9: 296].

С точки зрения А. Вежбицкой, основной момент заключается в постулировании ограниченного набора семантических примитивов, внешние очертания которых задаются толкованиями всех лексических и грамматических значений естественного языка. «Если имеется некоторое число понятийных примитивов, понимаемых непосредственно (не через другие понятия), то эти примитивы могут служить твёрдым основанием для всех других понятий; бесконечное число новых понятий может быть получено из небольшого числа семантических примитивов» [9: 296-297].

Представляется важным, что использование А. Вежбицкой семантических примитивов несомненно приближает исследователей к минимальным содержательным смыслам, объясняющим сущность функционирования лексических единиц. Опыт А. Вежбицкой в толкованиях первых (номинативно-непроизводных) значений многозначного слова заслуживает особого внимания в данном исследовании. Разъяснение первых значений слова в словарях не всегда доступны сознанию простого человека, поэтому она предложила учёт предлагаемых дефиниций без использования особого метаязыка.

В работах Ю.Д. Апресяна некоторые понятия (метаязык и семантические примитивы) определяются таким образом, что словарь метаязыка сокращается в несколько раз до двух типов слов: 1) семантические примитивы (неопределяемые слова, не допускающие дальнейшей семантической редукции) и 2) семантически более сложные слова, которые сводятся к примитивам в один или несколько шагов [1: 486-481].

Таким образом, существуют несколько определений содержательного ядра значения слова: «интенционал» (М.В. Никитин), «дифференциальная сема» (В.Г. Гак), «семантический примитив» (А. Вежбицкая, Ю.Д. Апресян) и др. Всех этих авторов объединяет подход к значению слова как к единству, сложный характер которого выражает специфику мыслительного отражения действительности. Такова общая картина, отражающая базовые мнения лингвистов по поводу смысловой общности внутри значения, т.е. его содержательного ядра.

С нашей точки зрения, представленный обзор позволяет сделать вывод, что содержательное ядро значения слова обладает следующими признаками: сужение семантических элементов до минимально необходимых, устойчивых компонентов, где значение должно быть максимально узнаваемым; когнитивная лингвистика допускает субъективность суждения.

Таким образом, возникшая необходимость поиска ответов на основные для когнитивной науки вопросы о формах представления знаний и разных типах структур знания послужила поводом к исследованию того, в чём заключается знание значений многозначного слова и как оно представлено в сознании человека.

Поскольку речемыслительная деятельность служит той же цели, что и любая иная система человеческого организма, а именно, обеспечению вполне соответствующего приспособления к окружающей среде, то сознание и язык вынужденно функционируют в рамках некоторых жёстких ограничений. Так, согласно И. К. Архипову, в функции познания свойств реальных предметов, от которых зависит выживание биологического вида, сознание получает из внешнего мира не готовую информацию, а лишь сигналы, раскрытие смысла которых зависит от «качества» индивидуального сознания.

Благодаря памяти сознание способно выстраивать вымышленные, фантазийные представления относительно любого (настоящего, прошедшего и будущего) времени, а также выдуманные понятия о нереальных предметах (баба-яга, кашей бессмертный). А это, в свою очередь, даёт огромные возможности для познания. Собеседники в большинстве случаев прекрасно осознают границы отображения действительного, реального мира, и это позволяет им догадываться о смысле высказываний.

Вследствие ограниченности объёма памяти, а также необычайно маленького времени актуализации слова (либо значения) образ формы ассоциируется только с одним значением на уровне системы языка. Поэтому на уровне речи воспринимающий информацию (слушающий) связывает с образом формы тот смысл, который с его точки зрения соответствует системному (конвенциональному) значению, с одной стороны, и речевому и языковому контексту, с другой. Каждое значение соотносится с определённым состоянием нейронной системы, и поэтому переносный смысл выводится слушающим благодаря одновремен-

ному удержанию двух состояний, которые соотносятся с системным и актуальным условиями. На основе соответствия/несоответствия картине мира и прагматической установке слушающего выводятся переносные значения [5: 56-57].

Принятие в данной статье языковой системы как особого глубинного уровня показало, что многозначное слово представлено на уровне системы языка семантическим инвариантом или содержательным ядром, получившим название лексический прототип, согласно И.К. Архипову. Оно является постоянной частью значения лексем, минимальным пучком коммуникативно-значимых абстрактных узуальных смыслов, содержательным инвариантом всех лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначного слова. Помимо абстрактной части содержательное ядро включает первичное (номинативно-непроизводное, буквальное) значение, поскольку именно оно приходит первым в голову носителя языка при осмыслении семантики любого из ЛСВ многозначного слова. Содержательное ядро отвечает принципу экономии и способствует актуализации ЛСВ с наименьшими когнитивными усилиями. Косвенным доказательством реалистичности такого подхода является то, что содержательное ядро участвует в каждом акте действительного кодирования и декодирования языкового содержания в качестве «наилучшего представителя» слова в системе языка [4: 39-57].

Содержательное ядро функционирует на уровне языка, а уровень речи представлен переносными (метафорическими) значениями, то есть результатами соотношения содержательного ядра с определёнными контекстами. Таким образом, взаимоотношение языка и речи не параллельны. Так как небуквальные (переносные) значения, отражённые в словарях, показывают не языковой уровень, а уровень речи, то многозначность, в отличие от традиционного подхода, является явлением текста.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно определить основные когнитивные механизмы, лежащие в основе образования значений слова, в частности глагола «compose», и определить инвариант как содержательное ядро, связывающее лексико-семантические варианты данного глагола. В задачу также входит доказать функционирование представителя всей лексемы глагола, выражающего отношение «части и целого» на уровне языковой системы и актуализации переносных значений на уровне речи. Поскольку на основе номинативно-непроизводного значения осуществляется осознание всех переносных значений, оно формируется первым. Первичное значение выводится из дефиниций словарей с использованием компонентного анализа на основе принципа частотности. Так, номинативно-непроизводное значение «compose» на основе выведенных данных 28 толковых словарей (которые не могут быть приведены в рамках статьи) имеет следующий вид: «compose» (1) «to form things or people together as a whole». Данное определение, по нашему мнению, включает необходимые и достаточные компоненты для того, чтобы это слово можно было сразу распознать на уровне обыденного сознания.

С этой точки зрения, первичное представление глагола compose ассоциировалось с образом дощечек/брёвен, складываемых/сколачиваемых вместе для создания какого-то строения, похожего на плот, стену, дом и т.д. Но со временем, когда жизнь людей осложнилась и вышла в мир артефактов, появились бо-

лее сложные предметы и понятия, отношения между ними, которые тоже образуют, формируют, создают более сложные вещи и отношения.

В качестве ЛСВ исследуемого глагола, мотивированного номинативно-непроизводным значением, целесообразно привести любое не первое значение данного глагола. Его анализ осуществляется на основе сравнения, как традиционного приёма толкования. Представляется актуальным выявить, какие единицы выступают в качестве исходной базы при формировании и декодировании метафорических высказываний. При этом анализ основывается на принципах когнитивного подхода, исходящего из опоры когниции и номинации на соответствующие образы восприятия. Предстоит доказать, сохраняются ли когнитивные образы (отношение становления или образования целого из частей), лежащие в основе номинативно-непроизводного значения при осмыслении метафорического высказывания. Когнитивный подход предполагает опору на образ, а также на третий смысл, то есть смысл речевого высказывания, выводимый говорящим в определённой коммуникативной ситуации или в пределах соответствующего контекста на основе номинативно-непроизводных значений, входящих в выражение слова.

Так, в основе метафоры *She composed satirical poems for the New Statesman; It can't be too difficult to compose a nice negative reply (if you compose a short piece of writing such as a poem or a speech, you write it; used especially when this requires skill or effort)* [27: 285] лежит ассоциативное сходство по формированию частей в целое. В этом метафорическом значении отражается сравнение с партитивным отношением между конкретными предметами. Подобно дощечкам, являющимися частями какой-то постройки/какого-то строения, данный ЛСВ на основе первичного значения можно интерпретировать как сочинение сатирического рассказа либо негативного ответа, подразумевающих также складывание частей в целое. Эта лексема основана на семантических элементах «to write», «to create», «piece of writing», «ability», «to form words». Следовательно, семантика «compose» предполагает наличие и этих сем. Очевидно, что номинативно-непроизводное присутствует в этом значении в качестве семы to form words, где компонент words репрезентирует сему «часть», остальные семы элиминированы. Поэтому можно сказать, что в данном конкретном значении часть партитивности глагола to compose потеряна, поскольку глагол приобрёл черты креативности: *She composed satirical poems for the New Statesman; It can't be too difficult to compose a nice negative reply as if/so as compose (1) (to form things or people together as a whole) or to acquire integrity.*

Следующая метафора *Look at the way Hoyland composes his picture* [27: 285] предположительно мотивирована сравнением, связанным с определённым стилем написания картин, с созданием шедевров, с формированием некоего целого из частей, с образованием целостности. Этот образ ассоциируется с отклонением от общепринятого употребления глагола to compose. Когда этот глагол используется в ситуациях, не предполагающих конкретное семантическое окружение, детерминированное отношением к чему-либо, а касается общей оценки ситуации, то наложение такого контекста на буквальное значение даёт третий смысл – «нарушение общепринятых норм». В данной метафоре значение «to compose» переосмыслено не полностью, его семантика включает не только до-

полнительные, но и ядерные компоненты номинативно-непроизводного значения: *if you compose a painting, a garden, or a piece of architecture, you arrange its different parts in a deliberate and usually attractive or artistic way*, не приведённые в дефиниции первичного значения.

Необходимо заметить, что лексема *compose* сохраняет значение становления партитивных отношений между «целым» и его «частями»: «целое» и «части» представлены эксплицитно (это даже указывается в дефиниции данной лексеммы в лексикографии). В данной метафоре происходит уподобление значения глагола *to compose*, вытекающему из прямого значения, но сохраняющему общую идею «соединить части в целое». В дефиниции остаются какие-то части, какие-то элиминируются. На этом абстрактном уровне происходит концептуальная интеграция.

В следующем примере содержание данной метафоры носит также абстрактный характер: *In the second case, I will give you some tea to compose your spirits, and do all a woman can to hold my tongue* [28: 60]. Как уже было сказано, исходя из номинативно-непроизводного значения слово *compose* репрезентирует образ соединение кусков дерева в целое (постройку), и исследуемый глагол только это и обозначает. Когда подобный образ (фрейм) накладывается на другой образ именно в этом контексте с определённым лексическим наполнением (на какой-то абстрактный предмет – дух, характер), то он не сохраняет своё системное значение. Человек понимает, что *to compose one's spirits* – это нечто иное, как собраться духом, привести чувства в порядок, успокоиться. В этом случае включается механизм подыскивания наиболее подходящего смысла. Компоненты, лежащие в основе данного значения (*to make an effort not being angry, to be calm, to pull yourself together, to be concentrated*), покрывают все абстрактные понятия образования целого из частей. Существование значения общего характера свидетельствует о том, что семиозис происходит в направлении актуализации абстрактных понятий и в последующих представлениях данной лексеммы. Здесь компоненты номинативно-непроизводного значения элиминируются и глагол *to compose* претерпевает перекаатегоризацию из класса партитивных в иной со значением «собраться духом».

Следует отметить, что данное значение явно возникло вследствие того, что в памяти человека естественно остаются воспоминания о случаях реализации актуальных переносных смыслов в смысловых структурах высказываний. Надо полагать, что эти данные подтверждают сделанное выше предположение о существующем представлении у реальных носителей языка, о наличии широкой возможности понимания любых отношений как между конкретными предметами/людьми, так и между абстрактными сущностями, как основы метафорического осмысления с использованием лексеммы «как» (*like*) или конструкции «как если бы» (*as if*). Поэтому представляется необходимым включить данную структуру, подсказанную словарями, в формулировку содержательного ядра, который принимает следующий вид: номинативно-непроизводное значение *compose* 1 (*to form things or people together as a whole*) or *as if/like compose* 1 (*to acquire integrity*).

Итак, результаты анализа позволяют сформулировать следующее содержательное ядро лексеммы *compose* как *to acquire integrity*. Данный инвариант как -

содержательное ядро является единицей лексической системы языка, и все значения актуализируются на его основе в зависимости от коммуникативной установки участников общения.

Таким образом, можно отметить, что абстрактное значение *to acquire integrity* выступает сильным аргументом в пользу реального существования содержательного ядра, связывающего все глаголы одного класса, но не демонстрирующего различительные особенности отдельно взятого глагола. Для каждого глагола есть своё содержательное ядро, в котором присутствуют какие-то особые специфические компоненты. Содержательное ядро есть осмысление того общего, что характеризует все ЛСВ многозначного слова. Природа подобных значений настолько широка, что выходит за рамки отношений между реальными предметами.

Список литературы

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М., 1995. – Т.1. – 436 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова – М., 1999. – I-XV, 896 с., 1 ил.
3. Архипов, И.К. Проблема языка и речи в свете прототипической семантики / И.К. Архипов // *Studia Linguistica* N 6. Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – СПб., 1998 – С. 5-22.
4. Архипов, И.К. Человеческий фактор в языке: учебно-методическое пособие (Материалы к спецкурсу) / И.К. Архипов – СПб, 2001. – 108 с.
5. Архипов, И.К. Полисемия и семантический перенос / И.К. Архипов // Иностранные языки: Материалы конференции (10-11 мая 2005 г.) – СПб., 2005. – 186 с. [Герценовские чтения].
6. Болдырев, Н.Н. Прототипический подход: проблемы метода / Н.Н. Болдырев // *Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов 26-28 сентября 2006 г.* / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2006. – С. 34-39.
7. Болдырев, Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них абстрактной семантики / Н.Н. Болдырев // *Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство.* – М., 2009. – С. 38-50.
8. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1996. – 411 с.
9. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1997. – 215 с.
10. Гак, В.Г. О семантическом инварианте и синонимии предложения / В.Г. Гак // *Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза.* – М., 1977. – Вып. 112. – С.42-50.
11. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 261 с.
12. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Л., 1986. – 315 с.
13. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М., 1975. – 680 с.
14. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М., 1997. – 326 с.
15. Лещева, Л.М. Когнитивные аспекты лексической полисемии / Л.М. Лещева.

- Минск, 1996.
16. Никитин, М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании / М.В. Никитин. – Владимир, 1974. – 222 с.
 17. Никитин, М.В. Знак – значение – язык: учебное пособие / М.В. Никитин. – СПб., 2002. – Т. 1-2. - 226 с.
 18. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие / М.В. Никитин. - 2-е изд., доп. и испр. - СПб., 2007. - 819 с.
 19. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – М., 1959. – Т. 1-2. 276 с.
 20. Потебня, А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А.А. Потебня; подготовка текста Ю.С. Рассказова и О.А. Сычева; комментарии Ю.С. Рассказова. – М., 1999. – 268 с.
 21. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин – Воронеж, 1985. – 170 с.
 22. Фрумкина, Р.М. «Куда ж нам плыть?» / Р.М. Фрумкина // Московский лингвистический альманах. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996. – Вып. 1. - С. 67-82.
 23. Шатуновский, И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова / И.Б. Шатуновский. – М., 1996. – 293 с.
 24. Evans, V., Green, M. Cognitive Linguistics / V. Evans, M. Green. – Edinburgh, 2006. - 830 p.
 25. Norvig, P., Lakoff, G. Talking: a study in lexical network theory / P. Norvig, G. Lakoff // Proceedings of the thirteenth annual meeting of Berkeley linguistic society. – Berkeley, 1987. – P. 185-2006.
 26. Taylor, J.R. Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory / J.R. Taylor. – Oxford – N.Y., 1991.
 27. CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary. Collins London and Glasgow, 1990. – 703 с.
 28. Collins, W. The Woman in White / W. Collins. – England: Penguin Books, 1985. – 648 p.

С.В. Омельченко

Курганский государственный университет

Семантическое многообразие предложений с союзом wenn в немецком языке

В немецком и русском языках существует большое количество союзов, которые служат основным, конституирующим признаком сложного предложения, хотя грамматическая целостность, грамматическое единство сложного предложения создаётся, конечно, совокупностью таких структурных средств, как - наряду с союзом - соотносительные слова, порядок следования частей, характер интонации, организующей эти части, видо - временное и модальное соотношение глаголов-сказуемых, входящих в предикативные части и т.п.

Уже античные грамматисты указывали на то, что союзы в очень незначительной степени проявляют своё собственное значение. Современная лингвис-

тика текста, которая особенно занимается вопросами системной, целесообразной связи между предложениями, пришла к тому же выводу.

А.А. Шахматов писал: «Союз имеет значение не сам по себе, а как выразитель того или иного сочетания, как словесное обнаружение такого сочетания» [1, 98]. В. Дресслер подчёркивает, что «союзы вносят гораздо меньший вклад в соединение предложений, чем семантические отношения между предложениями» [2, 117].

Число смысловых отношений, встречающихся между частями сложного предложения, очень велико и намного превосходит число всех имеющихся в языке союзов. С развитием языка и мышления количество смысловых отношений только увеличивается, что закономерно приводит к тому, что многие союзы совмещают в себе несколько функций и помогают оформлять части сложного предложения, выражающие различные смысловые отношения.

Сложноподчинённые предложения с союзом *wenn* в немецком языке представляют чрезвычайно богатую вариативность в семантическом отношении. Наиболее часто встречаются определения таких предложений как предложений с «временным *wenn*» и «условным *wenn*». Сама формулировка представляется не совсем корректной, так как союз *wenn* не имеет в каждой из названных категорий какого-то особого значения. Кроме того, этот союз не является единственным носителем значения, свойственного каждой категории. При установлении конкретного значения учитывается целый ряд факторов, в том числе лексический состав, использованный в предложении, синтаксические, контекстуальные и ситуативные отношения.

Рассмотрим основные семантические варианты сложноподчинённых предложений с союзом *wenn* в немецком языке.

Временные предложения с союзом *wenn* выражают какое-либо понятие, существование которого однозначно установлено в прошлом, настоящем или будущем, нет никаких сомнений в самом факте существования данного понятия.

Предложения могут выражать предшествование (при относительном употреблении) в прошлом, настоящем или будущем, причём когда выражается какое-то единичное, однократное действие, то оно всегда связано только с будущим, а компонент «многократность, повторяемость» действия проявляется во всех временных соотношениях – в прошлом, настоящем и будущем.

При абсолютном временном употреблении (когда налицо одновременность действия главного и придаточного предложений) наблюдается та же самая картина: компонент «однократность» всегда связан с будущим. Через компонент «прошедшее время» сразу же даётся компонент «повторяемость» (для выражения однократного действия в прошлом в немецком языке существует союз *als*), компонент «повторяемость» действия присутствует во всех трёх временных формах: прошедшем, настоящем и будущем.

Ich fuhr gern allein mit dem Rad durch die Stadt, im Herbst, wenn Nebel über den blauen Kohlfeldern lag (Kant, 356).

Nur, ich bin nicht mehr bis zum Parkett gekommen, nie mehr, und manchmal, wenn ich an das Verwaltungshaus in der Straße neben dem Gefängnis denke, komme ich in ein Zimmer, in dem ist der Fußboden beinahe genau geteilt (Kant, 568).

Условные предложения с союзом *wenn* могут иметь несколько функциональных вариантов. Предложения, в которых используется сослагательное наклонение (Konjunktiv), вследствие употребления в них Konjunktiv II маркированы как предложения условные. Эти предложения могут иметь потенциально-возможное или ирреальное содержание. Но в любом случае части сложного предложения находятся в соотношении условие-следствие.

Wenn er jetzt hinunter auf die Straße ginge, würde kein Mensch sich nach ihm umdrehen (Süskind, 185).

Wenn man sie in diesem Augenblick gefragt hätte, was ihre Devise für das Leben sei, hätte sie geantwortet: «Ich will für alles offen sein und zugleich unschuldig bleiben» (Händler, 151).

В случае же, если ситуация, выраженная в главной части сложного предложения, имеет фактическое содержание, если она реальна в своём отношении к действительности, то может формироваться не условно-следственный, а причинно-следственный смысл, т.е. в этом случае союз *wenn* синонимичен союзу *da* (так как, потому что). Союз *wenn*, таким образом, может служить для соединения частей сложного предложения, между которыми возникает **причинно-следственная** зависимость.

Wenn ihr kein Kind habt, dann wisst ihr auch nicht, wie es ist, seinem Kind ein Paar kleine Turnschuhe zu kaufen, ein Paar Turnschuhe von Nike zum Beispiel (Hennig, 225).

Предложение с союзом *wenn* может иметь **целевую** окрашенность. В этом случае в главном предложении обычно имеется, но может и отсутствовать модальный глагол *müssen*, выражающий необходимость, а в придаточной части обязательно наличие модальных глаголов *sollen* или *wollen*. Такое предложение легко трансформируется в придаточное предложение с союзом *damit*.

Das müsste er aber, wenn er das zukünftige Verhalten des Beobachteten vollständig vorhersagen will (Händler, 194) (, damit er ... vorhersagt).

Wenn ein Produkt ein Klassiker werden soll, dann muss es ein Design haben, das nicht irgendwelchen passierenden Moden gehorcht, sondern es muss das fitteste sein, um die Funktion auszuführen, die das Produkt bieten soll (Händler, 267) (Damit ein Produkt ein Klassiker wird, muss es ...).

Предложения с целевой окрашенностью значения могут трансформироваться и в инфинитивную конструкцию с *um ... zu*.

..., wenn man sich umbringen will, springt man nicht in einen Pool, sondern schwimmt ins Meer hinaus (Händler, 335) (um sich umzubringen, springt man ...).

Er musste, wenn er nicht ersticken wollte, diesen Nebel einatmen (Süskind, 170) (er musste, um nicht zu ersticken, diesen Nebel einatmen; damit er nicht ersticke, musste er...).

Определённый интерес представляет группа фактических условных предложений, в которых событие придаточного предложения является не условием, а на самом деле **реальным следствием** события главного предложения.

Wenn er, Baldini, ihm dennoch eines Tages zum Gesellenbrief verhelfen wolle, so nur in Anbetracht von Grenouilles nicht alltäglicher Begabung, eines tadellosen künftigen Verhaltens und wegen seiner, Baldinis, unendlichen Gutherzigkeit... (Süs-

kind, 138) (Гренуй необычайно одарён, Бальдини это принимает во внимание, и поэтому хочет ему помочь).

Ist er wenigstens ein guter Autor, wenn du schon was mit ihm hast... (Kirchhof, 118) (Он хороший автор, поэтому Лу и имеет с ним дело).

Особую группу представляют так называемые **вводные** придаточные предложения, которые по своей форме близки к придаточным условия, но не содержат условия, которое вызывало бы определённое следствие. По своему лексическому составу они очень часто представляют собой изолированные типы предложений и употребляются в ограниченных обязательных выражениях. Они образуют так называемые синтаксические клише.

3. Мечкова-Атанасова называет их в своей классификации условных придаточных предложений формальными условными предложениями [3, 95]. Подобные формальные условные предложения могут заключать в себе авторские замечания, сомнение в достоверности сообщаемого факта, оттенок вежливости, уточнение выбора выражения или отдельного слова: *wenn ich bitten darf, wenn ich mich recht erinnere, wenn ich so sagen darf, wenn Sie gestatten* и т.д.

Und was die Konkurrenz angeht, die gab es natürlich bald, und wenn ich es recht bedenke, hat es alles gegeben, was es gibt, wo Spielbetrieb und Konkurrenz das Feld beherrschen (Kant, 120).

Wenn ich Sie bislang recht verstanden habe, ist es Ihnen gar nicht so sehr darum zu tun, hier für besonders zu gelten (Kant, 217).

„*Wie war der Toast, wenn ich fragen darf?*“ (Kirchhof, 75)

Значительную роль для семантики предложения имеет также окружение союза *wenn*, т.е. семантическое значение сложноподчинённых предложений с союзом *wenn* варьируется в зависимости от сочетания союза *wenn* с частицами *doch, nicht* или союзами-наречиями *auch, selbst*.

В сочетании с частицами *doch* и *nicht*, которые расположены в главном предложении, придаточное предложение с союзом *wenn* приобретает значение условия с противительным оттенком.

Und dann gab es noch einen anderen Plan, mit dem Baldini schwanger ging, einen Lieblingsplan, eine Art Gegenprojekt zu der Manufaktur im Faubourg Saint-Antoine, die, wenn nicht Massenware, so doch für jedermann käufliche produzierte:... (Suskind, 132).

Уступительный оттенок придаточному предложению придают частицы *auch, selbst* (в сочетании с сочинительным союзом *und*).

...und wenn sie auch noch unsere Kleider gegen saubere getauscht hätten, wäre der Vorgang zu einigem Sinn gekommen (Kant, 149).

Er musste – und wenn auch die Erkenntnis furchtbar war – ohne Zweifel wissen, ob er einen Geruch besaß oder nicht (Süskind, 175).

В сочетании с частицей *schon* предложения с союзом *wenn* приобретают **условно-ограничительный** оттенок.

Wenn es schon versoffen werden muss, das Fell, dann aber bitte mit Stil und in den passenden Farbtönen... (Auffermann, 184).

На выражении **уступительных** отношений специализировались также союзы *auch, selbst*. В СПП выражено логическое несоответствие, т.к. между действиями главного и придаточного предложений наблюдаются отношения

обратной обусловленности. Союзы *auch*, *selbst* образуют с союзом нечленимое единство. Предложения, вводимые союзами *auch wenn*, *selbst wenn*, принято традиционно называть условно-уступительными. Союз *wenn*, условный по своему значению, в сочетании с *selbst* или *auch* приобретает способность передавать уже не условие, а условно-уступительные отношения.

Selbst wenn morgen die Grundstückssituation geklärt wäre, es würde nichts mehr nützen (Händler, 462).

Auch wenn jedem klar war, daß sich gerade eine Bluttat abgespielt hatte – warum nur um Gottes willen hier, das war die Frage-, änderte das doch nichts an dem schönen Abend... (Kirchhof, 276).

Aber er wollte nicht schlafen, denn es gehörte sich nicht, dass man während der Arbeit schlief, auch wenn die Arbeit nur aus Warten bestand (Suskind, 276).

Подобные предложения содержит условие, которое как бы противоречит высказыванию главного предложения. Последнее совершается либо не совершается вопреки условию придаточного предложения.

Достаточно распространены в немецком языке конструкции с союзом *wenn*, который теряет своё условное или временное значение и служит для связи частей сложного предложения, главная часть содержит при этом, как правило, выражения, отражающие определённые эмоции, внутренний настрой, оценку и т.п.

Ich hab's aber nicht gerne, wenn du trampst (Hennig, 189).

Ich verstehe noch, wenn die Leute als Hochglanzprospekte reinfallen, auf das, was ihnen die Bankfritzen oder die Drücker erzählen, Traumrendite, Sonderabschreibung und so (Händler, 306).

Aber sie sagt auch, dass so etwas selten vorkomme, eigentlich mag sie es nicht, wenn ihr Freund bei ihrer Arbeit dabei ist (Händler, 298).

В сочетании с союзом *als*, занимающим позицию непосредственно перед союзом *wenn*, сложноподчинённые предложения выражают **сравнение**.

... ob das ein kleineres Übel ist, als wenn mir zwei Arme in der Maschine bleiben (Händler, 154).

Таким образом, приведённые примеры иллюстрируют семантическое многообразие предложений с союзом *wenn* в немецком языке. Следует отметить, однако, что в рамках данной статьи мы не смогли описать все сочетания союза *wenn* с другими союзами или же частицами и соответственно весь спектр возможных в данных предложениях значений.

Список литературы

1. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. - М., 1972. – 614 с.
2. Dressler, W.U., R. de Beaugrande. Einführung in die Textlinguistik / W.U. Dressler, R. de Beaugrande. – Tübingen, Niemeyer, 1981. - 290 s.
3. Metschkowa-Atanassowa, S. Temporale und konditionale “Wenn”-Sätze: Untersuchungen zu ihrer Abgrenzung u. Typologie / S. Metschkowa-Atanassowa // Sprache der Gegenwart, Bd.58. – Düsseldorf: Schwann, 1983. – 212 s.

Источники

1. Auffermann, V. Beste Deutsche Erzähler 2002 / V. Auffermann. – Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart München, 2002. - 288 s.
2. Händler, E.W. Wenn wir sterben / E.W. Händler. – Frankfurter Verlagsanstalt GmbH, Frankfurt am Main, 2002. – 508 s.
3. Hennig von Lange, A. Ich habe einfach Glück / A. Hennig von Lange. – Rogner & Bernhard bei Zweitausendeins GmbH & Co. Verlag KG, Hamburg, 2001. - 259 s.
4. Kant, H. Der Aufenthalt / H. Kant. – Rütten & Loening, Berlin, 1977. - 605 s.
5. Kirchhoff, B. Schundroman / B. Kirchhoff. – Frankfurter Verlagsanstalt GmbH, Frankfurt am Main 2002. – 312 s.
6. Süskind, P. Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders / P. Süskind. – Diogenes Verlag AG Zürich 1985.–286 s.

Ю.В. Сапронов

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

Гипо-гиперонимические отношения в вопросе категоризации

Гипо-гиперонимические отношения (ГГО) - это основополагающее семантическое отношение.

То, что из себя представляет ГГО, ясно всем на интуитивном уровне. «I presume it may be taken as uncontroversial that hyponymy involves some sort of ‘inclusion’ [9: 4], однако в своих исследованиях ГГО ученые сталкиваются с рядом проблем, в частности, когда дело доходит до определения ГГО и разграничения его от других семантических отношений. В своей статье D.A. Cruse приводит несколько способов определения гипонимии в соответствии с различными подходами к данной проблеме: интенциональный, экстенциональный, по сочетаемости слов, на базе компонентов слова, на базе теории прототипов.

Помимо прочего D.A. Cruse указывает на неоднородность самих ГГО (он выделяет 3 вида понятий: природные, номинальные, и функциональные, в которых ГГО по разному обнаруживает себя). При этом он указывает на очевидную схожесть природных и функциональных видов на том основании, что они функционируют как имена собственные, и, следовательно, отделяет эти два вида от номинального.

Мы можем провести некую параллель между этими идеями и рассуждениями М.В. Никитина о понятиях о классах, которые он разделяет на явные и скрытые стохастизмы. «В значениях явных стохастизмов, образующихся как индуктивные обобщения – их примером служат имена биологических видов, нет жесткой границы между интенциональными и импликационными признаками, в интенционале четко определяются лишь родовые признаки (гиперсема) в то время как видовые, дифференциальные признаки (гипосема) нельзя установить с определенностью, и на этом участке интенционал незаметно переходит в сильный импликационал... Напротив, лексические значения скрытых стохастизмов, формирующих класс по признаку, достаточно четко различают

интенциональную и импликационную части, а в структуре интенционала – родовую и видовую части» [3: 108].

Bolette Pedersen и Nicolai Hartvig Sorensen размышляя над идеями D.A. Cruse, задают такие вопросы: «Is a birch a tree? (природный вид), Is a jeep a car? (функциональный вид), Is a getaway car a car? (номинальный вид)» [10: 2]. Они указывают на то, что последний вопрос отличается от двух предыдущих. Отличие ГГО в данных видах они усматривают в том факте, что гипоним jeep привязывает множество машин к определенному типу, в то время как гипоним getaway car этого не делает, т.е. и гипероним car и гипоним getaway car могут обозначать любой тип машин. И в соответствие с этим они дают такие лингвистические тесты для данных двух типов ГГО: «X is a kind of Y, X is any kind of Y which» [10: 5].

Здесь хотелось бы отметить, что в ГГО, типа car - getaway car, и гипоним, и гипероним могут обозначать любой тип машин, и это указывает на разрыв связи с денотатом; но с другой стороны, в данном типе ГГО появляются синтагматические отношения в отличие от ГГО типа car – jeep, в котором существует только парадигматические отношения.

Поскольку эти два типа ГГО соответствуют двум типам категоризации (формальной и нечеткой), то мы рассмотрим их именно с точки зрения категоризации.

Свои рассуждения мы будем вести исходя из некой модели. Модель состоит из форм. Мы воспользуемся идеей Канта о том, что вся поступающая извне информация организуется в соответствии с формами, присущими субъекту. То, что мы видим, мы обозначим как «вещь», то, что мы мыслим – как «имя». Имя состоит из элементов – элементы имени. Например, видим «черный», мыслим «белый, синий», это будет означать: вещь «черный», имя «белый, синий», т.е. имя состоит из двух элементов.

Если видеть неизменно черный цвет, то это значит, ничего не видеть (форма №0). На данном этапе - нет вещи и нет имени. Теперь мы увидели белый цвет, потому что мыслим «черный», который был перед нашими глазами до «белого». Естественно, в соответствии с данной формой у вещи все время будут разные имена, а вернее сказать, у вещи вообще не будет имени, поскольку имя может быть дано чему-то постоянному, чему-то одному и тому же, а, следовательно, и вещь все время будет разной. Действительно, по данной форме вещь «белый» всегда будет иметь разные имена в зависимости от того, какой цвет мы видели до этого: «черный», «зеленый» и т.д.. Если долго смотреть на красный лист, а потом взглянуть на белый или долго смотреть на желтый, а потом взглянуть на тот же белый лист, то этот белый будет разным. Однако данная форма дает нечто постоянное, а именно саму разность. Значит, согласно данной форме мы действительно можем номинировать вещь, т.е. дать ей одно и тоже имя, и, следовательно, будем видеть одну и ту же вещь. Эту постоянную разность мы можем обозначить как угодно, например, как «не», а можем «цвет», или «лошадь», поскольку это не принципиально. И теперь вещь (белый) (то что мы видим) будет постоянной и будет иметь имя, т.е. то, что мы мыслим – цвет, черный, желтый, зеленый... Здесь может показаться, что мы сможем получить

имя вещи и без элемента «цвет», т.е. у вещи (белый) будет имя – мыслим «-----, черный, желтый...» по методу остатков. Однако это не так.

Исходя из вышесказанного, вещь «белый» имеет разные имена в зависимости от того цвета, который мы мыслим, т.е. различные имена. То же самое справедливо и о других цветах, соответственно в такой ситуации не может быть никаких границ между элементами имени, и нет самих имен, а значит и вещи, на которую они указывают. Если перед нами 7 идентичных объектов, например, ручек, то во-первых, имена их будут такие: у ручки1 - «объект2, 3..7», у ручки 2 – «объект1, 3...7» и т.д., а это значит, что мы «не увидим» ни одной ручки, а семь разных объектов; во-вторых, мы даже не увидим и неких объектов вообще, т.е. не только идентичных, а вообще никаких, потому что неидентичные объекты – это все равно объекты, т.е. здесь подразумевается то, что у них есть что-то общее, а именно то, что они есть объекты, однако при полном различии мы ничего общего не увидим, все они совершенно разные. Однако ситуация кардинально меняется, когда пробел в имени заполняется элементом «цвет», вследствие чего имя каждой вещи состоит из одинакового числа элементов, что ведет к тому, что элементы в имени приобретают четкие границы, как бы встают в одну ипостась, и уже теперь по методу остатков определяется имя каждого цвета. Представим, что у нас всего три цвета: красный, зеленый, белый. Тогда имя вещи «красный» будет «цвет, зеленый, белый», имя вещи «зеленый» - «цвет, белый, красный», имя вещи «белый» - «цвет, зеленый, красный».

Итак, во-первых, имя каждой из этих вещей имеет одинаковое число элементов (3), в результате этого и получается то постоянство, которое необходимо для существования имени и вещи соответственно.

Во-вторых, поскольку конкретное имя вещи (например, у вещи «красный» есть конкретное имя – это элемент «красный», находящийся в начале имени), определяется по методу остатков, то мы можем заменить в имени элемент «цвет» на конкретное имя вещи, например, имя вещи «красный» будет - «красный, зеленый, белый». Таким образом, каждое из конкретных имен в составе имени может быть замещено на «цвет», обратное не возможно (на таком замещении строится одно из определений гипонимии «This is a dog unilaterally entails. This is an animal» [8: 89]).

В-третьих, конкретное имя в составе имени (первый элемент в имени) кардинально отличается от остальных элементов имени, потому что оно образует упорядоченную пару: вижу «красное» - мыслю «красное», именно этот элемент указывает на вещь, остальные элементы пребывают в сфере сплошной разности и на вещь не указывают, именно поэтому нам абсолютно не важно, в какой последовательности они записаны в составе имени.

В-четвертых, данная форма определяет только разность – на первом этапе она сплошная, на втором - с четкими границами между элементами. Поэтому, как нам представляется, можно обозначить эти этапы тоже как различные формы: форма №1 и форма №2. В форме №2 гипероним ставит элементы в одну ипостась, но лишь для того, чтобы их разделить на элементы с четкими границами. Поэтому в форме №2 может быть, например, «или черный, или белый», «или черный, или цвет», но не может быть «черный и белый», «черный и цвет».

Данная форма соответствует идеям Ф. де Соссюра о значении и значимости, после анализа которых он писал: «В языке нет ничего кроме различий» [6: 119].

В-пятых, данной форме присуща иерархичность. Гипероним необходим, чтобы поставить элементы в одну ипостась, для образования имени, он ставит их на один уровень, и, соответственно, может и должен замещать каждого из них по отдельности, но он сам к этому уровню не относится, а находится на более высоком уровне мышления.

В-шестых, согласно данной форме, мы одновременно можем дать имя только одному элементу (видим «белый», мыслим «белый, черный...» и, соответственно, «видеть» только одну «вещь»). Эта форма, по сути, – правильное множество, она позволяет дать имя каждому элементу, но не множеству вещей. Ввиду всего вышесказанного, мы можем обозначить данную форму как *слово*. Причем при взаимодействии гиперонима и гипонима мы получаем словарную дефиницию слова, а при взаимодействии гипонима и вещи мы получаем пропозициональную функцию, где вещь выступает в качестве несвязанной переменной. В обоих случаях мы получаем жесткие границы между элементами – и это есть язык, строго структурированная система четко разграниченных элементов. Это и есть формальная категоризация.

Теперь рассмотрим следующую форму, которая не была бы возможна без предыдущей формы, четко определившей элементы системы. Следовательно, для образования каждой последующей формы нужна предыдущая форма. Иными словами, происходит некое развитие от нижнего уровня к верхнему: если форма №2 – это *слово*, и отражает ситуацию, когда человек уже может указать на вещь и назвать ее (язык), то эта форма не поможет человеку сформировать речь. Речь предполагает связанность, а это необходимо для формирования словосочетания или предложения.

Благодаря форме №2 мы имеем дело с неизменностью элемента, и значит 1 для нас есть всегда 1, а 2 – всегда 2, что необходимо для математики, однако мы еще не способны произвести ни одной математической операции, а если провести аналогию с лингвистикой, то можно сказать – нет речи, нет предложения.

Следующую форму (форма №3) условно назовем – *предложение без слов*.

Теперь поясним, что же мы имеем в виду под этим термином. Если в соответствии с формой №2 мы даем имя то одной вещи, то другой у нас возникает идея об одновременном, совместном существовании этих имен.

Если воспользоваться термином А.А. Потебни, возникает идея о соединении восприятий. Другими словами, если вернуться к предыдущему примеру с ручками, если мы мыслим (это у нас имя) все семь ручек одновременно, т.е. имя каждой ручки будет одним и тем же – ручка1, ручка2...ручка 7, то тогда нет упорядоченных пар, именно тех, которые в одно и то же время позволяли нам и воспринимать вещь, как нечто четко ограниченное и давать ей имя. А это значит, что, располагая такой организацией имени, мы не увидим перед собой ни одной вещи; иными словами, мы не способны воспринять вещь как нечто конкретное. Таким образом, данная формула не указывает на вещь.

Однако здесь нельзя сказать, что мы здесь ничего не видим как в форме №0, но уже располагаем идеей всеобщности, идеей одновременного сосуществования элементов. Однако само имя «ручка1,...ручка7» в таком виде как, оно

есть, отражает только идею сосуществования элементов, но не отражает того отсутствия границ вследствие соединения, на которое оно указывает в «реальности», потому что, например, вещи¹ нет, так как нет границ, а элемент «ручка¹» в имени «ручка¹. ручка²...ручка⁷» четко ограничен. Поэтому, чтобы отразить то лишенное всяких различий состояние соединения, слияния вещей в «реальности», элементы имени тоже должны потерять границы и слиться. Для этого нам необходимо обозначить именем саму идею соединения. Это имя может быть каким угодно, так же как и имя идеи разности в форме №2. Оно может быть – «соединение», а может быть «белый», а может быть – «разность», главное – это его существование и то, как оно организует элементы, это имя – чистый знак; оно указывает само на себя, это имя и есть идея, его нет в других элементах (ни в красном, ни в белом и т.д.), оно и есть сама идея (а идей у нас две – разделения и соединения), поскольку оно не указывает ни на что, а только реализует идею, организуя элементы в определенном порядке в соответствии с этой идеей: в идее разности оно создавало, воплощало разность, в идее соединения оно создает соединение. В связи со всем вышесказанным в имя для достижения слияния, т.е. отсутствия границ между элементами, мы добавляем еще какой-нибудь элемент, пусть это будет «белый», тогда имя приобретает вид – «белый, белый, черный...», и тогда каждый элемент имени теряет значимость, и тогда нет границ, и нет у имени значения (указания на вещь), а имя – это некий ряд, некая протяженность, пространство, значение которого и есть его длинна, т.е. ряд указывает на самого себя – именно это мы и называем предложением без слов.

Когда человек произносит: «Говорю»(1), - это перформатив.

Когда человек произносит: - «Говорю: идет снег» (2) - это тоже перформатив. Здесь не говорится о том факте, что идет снег. И если снег не идет, мы не можем сказать, что человек говорит неправду, поскольку произнесение «говорю: идет снег» обладает соединением и слиянием, о котором мы говорим выше. Такое произнесение не указывает на вещь, это не является фактом. И именно произнесение в начале любой фразы «Говорю» лишает всех произносимым после этого фактов значения, т.е. указания на положение вещей в реальности. «Говорю» - это и есть имя идеи соединения. Такие направления в лингвистике, как теория фреймов, прототипов, речевых актов, базируются на том соединении, которое мы обозначили как *предложение без слов*. Чем отличаются фразы 1 и 2? Только длиной сигнала, длина сигнала – это и есть речь.

Помимо ученых, развивающих вышеупомянутые направления, рассуждения о том, что мы обозначили как *предложение без слов*, мы находим у Канта в его известном примере о том, как происходит операция 7+5 [1: 51], у Рассела: - «Отношение «суждения» или «веры» увязывает в единый комплекс субъект и объект» [5: 102].

Следующую форму (№4) мы обозначим как *слово в предложении*, или субъект и предикат. Как видно из обозначения, это взаимодействие двух предыдущих форм, которые выступают как две стороны медали – субъект и предикат. Субъект – это *предложение без слов*. Предикат – *слово*. Субъект соединяет все элементы, и он постоянен и неизменчив, поскольку у него нет отрицания,

причем элементы в субъекте размыты, между ними нет границ. Субъект указывает сам на себя.

Человек произносит: - «Говорю: белый, черный...» - это *предложение без слов*. Здесь есть слияние всех элементов, поэтому это все равно, что произнести просто: - «Говорю», потому что и в том, и в другом случае мы встречаемся с отсутствием отрицания, противоположности, и следовательно обе фразы указывают на самих себя. «Говорю» - в данном случае – это имя идеи соединения. Однако, с другой стороны, элементы имени (все кроме «говорю») указывают соответственно на слова «белый», «черный» и т.д. Здесь заметим, что они указывают не на вещи, а на имена, поскольку если *предложение без слов* указывает напрямую на вещь «реальность», то вещь предстает такой же всеобщей и размытой, как и само *предложение без слов*, мы об этом уже рассуждали, поэтому элементы имени в *предложении без слов* указывают на имена вещей (форма №2), поскольку имена четко определены границами. Поэтому *слово* и *предложение без слов* – это «две стороны одной медали», здесь нет иерархичности и нет выхода на вещь. Однако в такой форме отражен сам человек, отражена модель «органы чувств – мозг». Органы чувств способны воспринимать раздражение, но не отсутствие раздражения (у уха нет памяти), для них нет никакого отрицания, мозг же располагает памятью, т.е. там есть и присутствие и отсутствие, поэтому субъект отражает сигнал для уха, а предикат – обработка сигнала мозгом. Когнитивная лингвистика в отличие от формальной логики имеет дело с концептами, а не с вещью, и изучает человека, его концепты и ощущения. Поэтому появился такой лингвистический термин, как *embodiment*: «*embodiment, a central idea in cognitive linguistics*» [7: 44].

На лексическом уровне форму №4 можно отобразить следующим образом: цвет (мяч) потому что белый, черный..., который белый или который не белый (а черный).

Как видим, каждый элемент имени (кроме имени идеи соединения) предстает в двух ипостасях: в субъекте - в неявном виде (форма №3), и в предикате - в четко определенном (форма №2).

Субъект неизменен и неделим (в отличие от формальной логики, где субъект – это аргумент (в данной форме наоборот изменяется предикат)), отсюда проистекают парадоксы. Например, человек без пальца – человек, без руки – человек и т.д., в результате получим человек без ничего – человек.

В итоге в данной форме каждый элемент предложения неотделим от других элементов, т.е. вбирает в себя все другие элементы (субъект) и четко ограничен от других (кроме имени идеи соединения). «Каждый член мысленного ряда представлений вместе с собой вносит в сознание результат всех предшествующих» [4: 120].

Эта форма – неправильное множество. Имя дается и множеству, и слову. Математика была бы невозможна без субъекта «число». Изначально каждое число в операции – это число, и результат любой операции - тоже число, иначе бы никакие операции были бы не возможны.

Форма №5. В предыдущей форме в субъекте элементы размыты из-за присутствия в нем имени идеи соединения. Именно поэтому субъект включает в себя все элементы. Мы можем обозначить такой субъект – «субъект – род».

Однако элементы в имени могут приобрести четкие границы, если один и тот же элемент имени будет и субъектом, и предикатом. Такой элемент будет обозначать и сам себя, и имя вещи, т.е. он сам станет нести функцию имени идеи соединения. Такой субъект мы можем обозначить как субъект-вид. По сути это прототип. Поясним вышесказанное.

Субъект-вид: мяч, потому что белый, черный..., который белый, который черный...

Субъект-род: мяч, потому что белый, который белый, черный....

Во втором предложении свойство синий как субъект не отрицается, а как предикат отрицается, он – переменная.

Благодаря этой форме возможно понять существование самого изменения в мире вещей.

Возьмем белое яблоко, в черной комнате без света оно будет чернеть (в смысле - что это там чернеет в дали), при красном освещении в комнате оно будет краснеть, значит, при нормальном солнечном цвете оно белеет. Так же и незрелое яблоко будет краснеть, когда поспекает, иначе изменение было бы невозможно.

Птица, потому что летает – это прототип, это лучшая птица, но при этом птица и та, которая не летает.

Воспользуемся примером, приводимым М.В. Никитиным при объяснении понятия «интенционал»: «За примером вернемся к слову *зима*. Его интенционал – *время года с декабря по февраль* (в северном полушарии).» [2: 62] то, как субъект-вид это не может отрицаться, но как предикат может, иначе бы не возможны бы были предложения типа «в этом году зима пришла уже в ноябре».

Форма №5 соответствует нечеткой категоризации.

В соответствии со всем вышесказанным, форма выявляет определенные типы гипо-гиперонимических отношений, при этом каждый последующий из них логически вытекает из предыдущего. Формы №0 и №1 – ГГО нет. Форма №2 – гипероним – имя идеи разности. Гипероним может замещать каждый из гипонимов в отдельности. ГГО имеют строго иерархическую структуру. Форма №3 – гипероним – имя идеи соединения. Гипероним не отличим от гипонима, они создают протяженный сигнал, который обозначает сам себя. Форма №4 – гипероним – это субъект-род, гипоним – предикат. ГГО составляют «две стороны одной медали». Иерархичности нет. Форма №5 – гипероним – это субъект-вид, гипоним – предикат.

Таким образом, между типами ГГО, рассмотренными нами и типами, предложенными D.A. Cruse, имеется параллель: форму №2 можно уподобить ГГО в номинальном типе, форму №4 – в природном, и форму №5 – в функциональном, но наша трактовка шире, и мы не привязываем ГГО к лексике, как это делает D.A.Cruse. Мы говорим, что все выявленные нами типы ГГО необходимо присутствуют и в сфере биологических видов, и артефактов, и имен. «Вряд ли следует ожидать четкого распределения понятий по двум указанным типам структур (явные и скрытые стохастизмы). Скорее это полярные случаи с промежуточными градациями» [3: 101].

Список литературы

1. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М., 2009.
2. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб., 2007.
3. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М., 2009.
4. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М., 1989.
5. Рассел, Б. Избранные труды / Б. Рассел. – Новосибирск, 2007.
6. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М., 2009.
7. Evans, V. Cognitive Linguistics An Introduction / V. Evans, M. Green. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
8. Cruse, D.A. Lexical semantics / D.A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
9. Cruse, D.A. Hyponymy and its varieties/The semantics of relationships. An interdisciplinary perspective / D.A. Cruse. – The Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 2002.
10. Pedersen, B. Towards sounder taxonomies in wordnets [Электронный ресурс] / B. Pedersen, N.H. Sorensen // FOCUS Online – Режим доступа: <http://wordnet.dk/dannet/ontolexfinal.doc>

Т.М. Смакотина

Курганский государственный университет

Экспрессивный синтаксис в англоязычном математическом дискурсе

Развитие антропоцентрически ориентированной лингвистики связано со стремлением учитывать человеческий фактор в речевой деятельности, при этом особое значение приобретает языковая личность как субъект речевой деятельности. Карл Бюлер, австрийский языковед и психолог, определяет основные функции человеческого языка как экспрессия, апелляция и репрезентация [2:34]. В своей книге «Проблемы экспрессивного синтаксиса» О.В. Александрова отмечает, что в основе всякого произведения речи лежит желание его автора не только довести информацию до читателя, но и определённым образом воздействовать на него [1:3]. Рассматривая язык как когнитивно-креативную деятельность человека, Н.А. Кобриня приводит свидетельства того, что «язык – это продукт ментальной деятельности человека, что в нём отражаются различные стороны антропологического начала. Язык также отражает все моменты, связанные с процессом коммуникации, т.е. отражает апеллятивность, экспрессивность, референтность» [3:28]. Такие свойства как эвиденциальность, персуазивность, экспрессивность относятся к дискурсным аспектам коммуникации, отражая деятельностную сторону дискурса во взаимоотношении адресанта и адресата и стратегию автора, его стремление влиять на восприятие читателя. В настоящее время все большее внимание привлекает дискурс в разных профессиональных сферах деятельности и коммуникации. Статья посвящена экспрессивности в англоязычном математическом дискурсе.

Экспрессивная функция языка определяется О.В. Александровой как способность выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам действительности [1:4]. Экспрессивность затрагивает все сферы языка. Процесс научного исследования связан с формированием эмоционального отношения к изучаемому предмету, что находит отражение как в эмотивной лексике, так и в предпочтительном использовании тех или иных синтаксических конструкций в устной и письменной речи. Научный текст вместе с функцией сохранения информации, передачи знаний имеет и коммуникативную функцию – воздействие текста на адресата, читателя. В основе научного текста как произведения письменной речи лежит также стремление его автора передать свои эмоции, оценки, отношение к предмету сообщения. В этой связи приобретает особый интерес изучение различных экспрессивных средств, используемых при создании письменных текстов в научной коммуникации. Цель статьи – анализ использования в научном тексте синтаксических единиц, включаемых в область экспрессивного синтаксиса. Иллюстративным материалом служат фрагменты из научных работ по математике на английском языке.

Элементы экспрессивности и образности в английских научных текстах достаточно частотны. Они подчинены прагматической цели, а именно, аргументированности, доказательности научного текста, помогают придать изложению убедительность, усиливают его воздействующую функцию. Рассмотрим экспрессивные синтаксические средства и их функционирование с учётом традиционно различаемых синтаксических уровней – словосочетания, предложения, текста.

1. На уровне словосочетания, как компонента основной синтаксической единицы – предложения, уже могут возникать экспрессивно-эмоциональные оттенки значения. В следующих предложениях атрибутивные словосочетания «*in majestic isolation* – в величественной изоляции», «*many bizarre properties* – много причудливых свойств» имеют эмоционально-оценочный характер и выполняют воздействующую, экспрессивную функцию:

...it is very odd indeed that the theory of gravitation originated by Newton and developed by Einstein should stand in majestic isolation (D1, c.239).

A pattern of integers arranged in a unique, elegant manner has many bizarre properties (D11, c.86).

Следует отметить и определённый экспрессивный заряд, который имеет превосходная степень прилагательных в атрибутивных словосочетаниях:

the most far-reaching development of modern maths (D1, c.144),

the most remarkable math achievement of the period (D1, c.143),

the most influential work so far written in the field of geometry (D1, c.146),

the most unbelievable theorems (D1, c.150), the greatest revolutions in maths (D1, c.442).

Сама длина атрибутивных словосочетаний, наличие нескольких препозитивных и постпозитивных определений усиливает их экспрессивную функцию:

Euclid's magnificent and epoch-making application of the axiomatic method (D11, c.30). – [Великолепное и эпохальное применение аксиоматического метода Эвклидом],

Futile logical hair-splitting not capable of fructifying any theory (Д11,с.29). – Тщетное логическое «расщепление волос», не способное оплодотворить какую-либо теорию.

Экспрессивное звучание придают научному тексту пары определений с союзами and, or, содержащие антонимичные по значению слова:

This ideality of 10 also required that every object in the Universe should be described in terms of 10 pairs of categories such as odd and even, bounded and unbounded, right and left, one and many, male and female, good and evil (Д11,с.69).

...a general algorithm that would apply indifferently to all functions, rational or irrational, algebraic or transcendental (Д11,с.101).

Яркую экспрессивную окраску имеют словосочетания Adv.+Adj., в которых наречие образовано от прилагательного оценочного значения с помощью суффикса –ly: unquestionably false, absolutely stunning, unreasonably difficult, embarrassingly large, essentially equivalent, unbelievably broad, particularly important.

Усилительную функцию могут выполнять предикативные словосочетания модусного характера в разных позициях в предложении, выражающие мнение, оценку, предположение, уверенность и т.д. Эмоциональное состояние автора научного текста, его субъективное отношение к излагаемому материалу, отражённое в определённых предикативных конструкциях, способствует экспрессивности текста: I wish, It would be wrong to infer, We seek to conquer, It is well known, We are still convinced, I think, It seems plausible to assign:

I do not believe this nor wish it (Д1,с.107).

It is universally admitted that the Greeks were the first mathematicians (Д11,с.94).

Грамматические конструкции с модальными глаголами, обозначающие совет, рекомендацию, предостережение, служат косвенным побуждением присоединиться к обсуждению темы, обращённому к адресату, т.е. являются языковым средством реализации стратегии автора, усиливая экспрессивность текста: It must be confessed, We should keep in mind, It should be emphasized, One ought not to underestimate, I should still more demand.

However, a very important fact should not be overlooked (Д1,с.121).

Emphasis should be placed on understanding the basic coupling mechanism, rather than on particular applications that may involve the coupling (Д11,с.159).

Предикативные словосочетания могут содержать призыв к умственной и эмоциональной солидарности: One should know, One can doubt, One may wonder, We must recall, We may picture, Don`t be afraid to ask, You`ll be surprised.

Идиоматические словосочетания в разных синтаксических позициях в научном тексте создают образность и выражают разную степень экспрессивности. Яркую эмоционально-экспрессивную окраску придают анализируемым математическим текстам образные сравнения, метафоры и другие стилистические средства:

...the time was ripe for the idea of non-Euclidean geometry (Д1,с.178). – время созрело для идеи неевклидовой геометрии.

...his pupil, Isaac Newton, in whose mind he planted the seed from which Newton`s calculus grew (Д11,с.121). –... его ученик, Исаак Ньютон, в сознании которого он посеял семена, из которых произросло исчисление Ньютона.

It regards the universe and the microparticles as two elements of a single system possessing a number of common properties but differing in level: in exactly the same way as, say, a giant matryoshka doll differs from the tiniest one fitted into it (Д1,с.242). – Вселенная и микрочастицы рассматриваются как два элемента единой системы, обладающие рядом общих свойств, но различающиеся по уровню точно так, как, скажем, гигантская кукла матрёшка отличается от самой крошечной, встроенной в неё.

Экспрессивные возможности словосочетаний широко используются в английском математическом тексте, придавая ему выразительность, образность, эмоциональность, тем самым усиливая воздействие информации на адресата.

2. На уровне предложения существенную экспрессивную функцию выполняет порядок слов. Эмфатическое выделение достигается, когда тот или иной член предложения помещается в нетипичную для него синтаксическую позицию. Поскольку для английского предложения характерен фиксированный порядок слов, то конечная позиция подлежащего в предложении, вместо его типичного положения в начале предложения, является экспрессивной, усиливающей его значение:

Of particular interest is Fermat`s last theorem (Д11, с.51).

В следующем предложении группа подлежащего очень распространённая, с однородными членами и определительными словами, и она находится в центре внимания благодаря конечной позиции в предложении:

Deeply woven into it all was knowledge of numeration and number, astronomy and (as we would call it now) astrology, and an abundance of geometric patterns and designs (Д11, с.54).

Твёрдый порядок слов в английском предложении, обусловленный отсутствием падежных окончаний, накладывает ограничения на экспрессивное выдвижение членов предложения путём изменения порядка слов. Тем не менее, наблюдения показывают, что в математических текстах положение подлежащего после сказуемого довольно частое явление. Мы находим это в некоторых математических определениях:

By a polyhedron is meant a solid, whose face consists of a number of polygonal faces (Д1,с.175).

By the inclination of a line in the plane of a rectangular coordinate system is meant the smallest angle, positive or zero, measured from the positive X-axis to the line (Д1,с.206).

Возможно, такой порядок слов вызван необходимостью поместить словосочетание, выражающее определяемое понятие (by a polyhedron, by the inclination of a line in the plane of a rectangular coordinate system), в начальную позицию, наиболее сильную в английском предложении и типичную для подлежащего.

Средством экспрессивного усиления на уровне предложения являются специальные синтаксические конструкции. Для выдвижения в информативный фокус и эмфатического выделения подлежащего служит конструкция с вводным десемантизированным there + глагол be + придаточное определительное после подлежащего:

There are so many questions which cannot possibly be answered with either «yes» or «no» (Д1,с.168).

There is also considerable evidence that the first book was written to lead to the climax of this theorem and its converse (Д1,с.170).

Часто употребляются эмфатические конструкции с расщеплением (cleft-sentences) в форме сложного предложения, в котором роль главного предложения только усилительная, их значение может быть выражено простым предложением. Именно так они и переводятся на русский язык. Усилительно-выделительное значение этой синтаксической конструкции при переводе компенсируется лексическими единицами: «именно, только, как раз» и др.

It is this kind of abstraction that characterizes modern maths (Д11,с.9). – Именно этот тип абстрагирования характеризует современную математику.

However, it was always the stability that was of interest (Д11,с.160). – Тем не менее, как раз стабильность всегда представляла интерес.

Данная конструкция образует рамку, обрамляет выделяемую часть предложения, акцентирует её значимость. Выделительная функция основана на контрасте, который создаётся расщеплением предложения на две части, при этом главное предложение выполняет именно усилительную, экспрессивную функцию. Так называемый клефт имеет структурные варианты и может выдвигать в экспрессивную позицию любую часть предложения за исключением сказуемого.

Интересно отметить, что наряду с весьма распространёнными в математических текстах предложениями с расщеплением типа «It is ... that...» (It-type) мы обнаруживаем предложения с десемантизированным условным союзом if (If-type), имеющие ряд общих черт с расщеплёнными предложениями. Основания для их объединения в коммуникативно-экспрессивную парадигму предложения рассматривались нами на материале разговорного английского языка [5:102-104]. В анализируемых математических текстах мы также встречаем предложения с союзом if, выполняющие экспрессивную функцию, хотя они гораздо менее частотны, чем предложения структуры It-type.

... if we must have a single or first inventor for the calculus in this sense, the choice must be Newton (Д11,с101). – Если мы всё же должны назвать единственного или первого изобретателя исчисления, то нашим выбором должен быть Ньютон.

Для эмфатического усиления действия, выраженного сказуемым, в утвердительном предложении используется глагол do в настоящем или прошедшем времени, который стоит непосредственно перед смысловым глаголом в форме инфинитива без частицы to. Для передачи усиления при переводе могут использоваться компенсирующие лексические единицы – действительно, всё же, всё - таки и др.

However he did use the phrase «fourth dimension» (Д1, с.217). – Тем не менее, он действительно использовал фразу «четвёртое измерение».

Некоторые наречия и союзные слова в начале предложения могут вызывать инверсию главных членов предложения, при которой смысловая насыщенность, усиление значения переносится либо на сами эти наречия и союзные

слова, либо на слова, стоящие непосредственно за ними. Такие конструкции многочисленны в английских математических текстах:

Never again should anyone heed the pessimists who declare that all worthwhile problems have been solved and maths has come to the end of its road (Д11,с.342) – Никто и никогда не должен принимать во внимание пессимистов, которые заявляют, что все достойные проблемы уже решены и математика пришла к концу своего пути.

...not only wouldn't the paradoxes arise, but we would also be completely convinced that they could not arise (Д11,с.24). - ...Парадоксы не только не возникли бы, но мы были бы совершенно убеждены в том, что они и не могут возникнуть.

Not until the closing years of the nineteenth century was anyone greatly perturbed about the natural numbers (Д11,62). – До самых последних лет девятнадцатого века никто не был особенно обеспокоен натуральными числами.

В математических текстах существует широкий круг парантетических внесений, одной из функций которых может быть создание особого эмоционального фона, обеспечение выразительности текста. Парантезы с модальным значением способствуют передаче разнообразных оттенков значения: уверенности, сожаления, удивления, восхищения, иронии. Они разнообразят синтаксический рисунок текста уже тем, что всегда выделены пунктуационными знаками, а это значимая характеристика на фоне того, что в английском языке нет строго фиксированных правил пунктуации. Парантезы могут выделяться запятыми, тире и скобками, наиболее слабым способом выделения экспрессивного парантетического внесения, по мнению О.А.Александровой, являются запятые [1:94].

...but, unhappily, when Lagrange tried this «reduction» on a quintic equation, the degree of the resulting equation was increased rather than decreased (Д1,с.291).

Располагая парантезы, как очень распространённые, так и короткие, внутри предложения и тем самым разрывая линейные синтаксические связи, автор создаёт определённое напряжение, которое разряжается в конце предложения. Примером может служить ироничная по смыслу парантеза о том, что есть печальная правда в определении специалиста как человека, знающего всё больше о всё меньшем и меньшем:

In spite of the dangers of compartmentalization – there is sad truth to the definition of an economic specialist as someone who knows more and more about less and less – there is no other way to find out about the world we live in (Д11,с.291).

Парантезы в скобках, даже не содержащие эмотивной лексики, разрывая повествование, вносят в текст характер беседы, непосредственного обращения к адресату с пояснениями, уточнениями, комментариями: (Cardian is the English form of his name), (then teaching in Venice), (so he relates) (Д1,287). Функция разъяснения, напоминания, апелляция к знаниям адресата свидетельствуют о внимании автора к читателю и его заинтересованности в создании благоприятной для восприятия информации эмоциональной атмосферы:

The algebra that entered Europe (via Fibonacci's «Liber abaci» and translations) had retrogressed both in style and in content (Д1,с.283).

Выделению важных в смысловом и экспрессивном отношении фрагментов предложения способствуют параллельные синтаксические конструкции, кото-

рые рассматриваются как приём синтаксической симметрии [1:99]. Структурная однотипность сложного предложения облегчает его восприятие, синтаксическая симметрия способствует выразительности научного текста. В следующем предложении три придаточных изъяснительных предложения занимают одинаковую синтаксическую позицию, имеют однотипное строение, при этом синтаксический параллелизм сопровождается лексическим повтором слов в позиции подлежащего и сказуемого – things, happen. Перечисление того, что древние греки стремились изучить (what, how, why), эмоционально усиливается, приближаясь к стилистической фигуре «нарастание»:

Ancient scientists sought to learn what happens and how things happen and for many centuries wanted to explain why things happen (Д1,с.227).

Параллельные конструкции в рамках одного сложного предложения могут достигать значительной длины. Четыре придаточных определительных предложения одинаковой синтаксической структуры при поддержке лексических повторов в тождественных позициях безусловно создают информационный фокус и передают эмоциональную интенцию автора воздействовать на читателя:

The endless number of molecules in a volume of gas is replaced by one ideal or representative molecule whose size is the most probable size of all those in the gas, whose velocity is the most probable velocity, whose separation from the other molecules is the most probable one, and whose other properties are always the most probable ones (Д11,с.186).

Распространённым средством эмпазы является повтор. Ряд однородных членов предложения, полисиндетон служат для интенсификации какой-либо мысли и чувства, которые хочет выразить автор текста. Многочисленные повторы термина создают информационный фокус текста. Ряды однородных членов, повторы различных типов способствуют усилению эмоциональной выразительности текста. Рассмотрим некоторые типы повторов в математических текстах:

а) повторы идентичной лексики

According to Kepler they were no longer moving uniformly, no longer in circles, no longer in harmonic proportions (Д1,с.235).

б) повтор одного и того же глагола в разных временных формах

It is, worth remembering that any conceivable operation has had in the past, currently has and will have in the future, problems connected with its successful completion (Д11,с.278).

в) повтор синонимичных глаголов в идентичной позиции и морфологической форме

A line segment, for example, is to be regarded as made up of points, a plane surface area is thought of as consisting of an indefinite number of parallel line segments, and a solid figure is looked upon as a totality of parallel plane elements (Д11,с.95).

3. На текстовом уровне обращает на себя внимание синтаксическая упорядоченность английского математического текста, этому способствует большое количество синтаксического параллелизма и лексических повторов в смежных и дистантно расположенных предложениях. Например, в тексте «The Scientific Method» при перечислении методов приобретения знаний и решения научных

проблем 6 раз повторяется структура sometimes +subject+predicate, при этом в трёх случаях это начало новых предложений в рамках одного абзаца:

...sometimes we start by guessing freely, sometimes we build a model for math investigation, and then make experimental tests. Sometimes we just gather experimental information with an eye open for the unexpected; sometimes we plan and perform one great experiment and obtain an important result directly... . Sometimes a progressive series of experiments carries us from stage to stage of knowledge... Sometimes we carry out a grand analysis thinking from stage to stage with a gorgeous mixture of information ... (Д1,с.228).

Лексический повтор и синтаксический параллелизм создают определённое напряжение, оно разрешается выводом автора, к которому автор подготавливает читателя предшествующим контекстом:

Yet, experiment is the ultimate touch-stone throughout good science (Д1,с.228).- Тем не менее, именно эксперимент является конечным пробным камнем в хорошей науке.

В контексте распространённых предложений и длинных абзацев, типичных для научного текста, идентичное синтаксическое начало ряда предложений создаёт симметрию, облегчает восприятие и выражает личностное отношение автора к предмету и адресату, стремление создать наиболее благоприятные условия для приёма информации. Часто предложения начинаются с клишированных структур модального или оценочного характера: «One+модальный глагол+ инфинитив»; «It+ be+Adj.» с включением эмотивной лексики : One should know..., One can doubt..., One may wonder ...; It is easy to realize ..., It is desirable ..., It is interesting..., It will be unreasonable..., It is tempting

Аналогичная структура «One+модальный глагол с инфинитивом или глагол в настоящем времени» встречается 22 раза на трёх страницах текста статьи «Higher Dimensions»: one says (5), one can identify (3), one knows (2), one can visualize (2), one wants to express, one can show, one can hardly go, one associates, one can write, one introduces, one insists, one can vice versa plot, one means, one can define (Д1,с.201-203). Неопределённое местоимение one в позиции подлежащего создаёт образ некоего обобщённого субъекта, который хочет выразить, настаивает, знает, может представить себе, написать, показать, идентифицировать и т.д., тем самым создавая определённый эмоциональный доверительный настрой и как бы приглашая адресата/читателя присоединиться, подразумевая и его участие в процессе обсуждения.

В статье «Mathematics and Modern Civilization» идентичная синтаксическая структура с глаголом сказуемым в форме Present Perfect Continuous начинает четыре абзаца текста:

Maths has been supplying a language for ...

Maths has been supplying sciences with ...

Maths has been enabling the sciences to make ...

Maths has been furnishing sciences with ... (Д1,с.277-278).

Лексические и синтаксические повторы усиливают экспрессивность текста в данном случае при перечислении вкладов математики в другие науки.

Научный текст относится, безусловно, к письменной коммуникации, т.е. является более последовательно организованным, в большей степени нормиро-

ванным, упорядоченным и стандартизованным [4:162]. Но мы находим в нём и черты, присущие разговорной речи. В анализируемых математических текстах мы встречаем вопросно-ответные единства, свойственные диалогической речи. Автор текста задаёт вопросы и сам даёт лаконичные ответы: «Конечно, нет. Да. Нет. Может быть. Сомнительно»:

Can theorem provers solve problems as well as professional mathematicians can? Certainly not. Can computer programs be written to solve the pattern-recognition problems found in intelligence tests? Yes. Can we today write programs that match human comprehension of natural language? No. Will we ever? May be. ... Is there a general theory of thought? No. Is one on the horizon? Doubtedly (Д1,с.361).

Фрагмент текста звучит, именно звучит, экспрессивно и эмоционально. В нём содержится не только информация, в нём слышна интонация и ритм, поскольку английские общие вопросы произносятся со специфической восходящей интонацией, а перемежающие их краткие ответы с нисходящей интонацией. Этот интонационный рисунок и ритм воспринимаются адресатом вместе с информационным сообщением, усиливая эмоциональное воздействие текста. Вопросно-ответные единства, имитирующие диалог, придают тексту эмоциональную выразительность.

В математических текстах встречаются также типичные для разговорной речи выражения и короткие предложения: come to think of it (Д1,с.451), to make matters worse (Д1,с.352); That was a vain hope (Д1,с.458). There the question rests (Д11,с.48). It is a safe bet (Д1,с.352). It`s that simple (Д1,с.308). But again nothing (Д1,с.244). All things are possible (Д1,с.290). Имитируя непосредственное общение с адресатом, они способствуют созданию благоприятной эмоциональной атмосферы и успешной коммуникации.

Вопросы, которые близки по стилю к устной речи, побуждают адресата к активному участию в коммуникации:

Well then, what is the question? (Д1,с.453)

But what does he deserve? (Д11,с.296)

What to do? (Д11,с.277)

Вопрос может быть включён в канву повествовательного предложения даже в форме парантезы. Это типичный разговорный приём, когда говорящий перебивает своё высказывание вопросом, который выражает его сомнение в точности сказанного им, как правило, несущественного компонента сообщения:

In the Mandelbrot set, nature (or is it maths?) provides us with a powerful counterpart of the musical idea of «time and variation»; the same shapes are repeated everywhere, yet each repetition is someone different (Д11, с.319).

Характерный для разговорной речи тип вопроса «tail-question» также присутствует в математических текстах вместе с подобающим ситуации устного общения кратким ответом:

Economic policy structure is quite involved, isn`t it? It is (Д11, с.323).

Элементы разговорной речи не чужды английскому научному тексту. Это своеобразный способ создать благоприятную атмосферу общения с адресатом, показатель личной заинтересованности автора в том, как текст воспринимается читателем, свидетельство внимания автора к адресату, его стремление быть

адекватно понятым. В стратегию адресанта входит приобщение адресата к познавательной и эмоциональной солидарности.

Предлагаемый нами краткий обзор синтаксических средств экспрессивности в английских текстах нехудожественной коммуникации позволяет сделать некоторые выводы. Английские математические тексты выявляют экспрессивность на уровне словосочетания, предложения, текста, что свидетельствует об эмоциональном отношении адресанта к излагаемому материалу и к адресату. В атрибутивных словосочетаниях широко используется эмотивная лексика, в том числе синонимичные и антонимичные пары определений, имеющие прямое отношение к экспрессивности сообщения. Предикативные словосочетания модусного и оценочного характера могут отражать стратегию призыва, приобщения адресата к соучастию в обсуждении проблемы. На уровне предложения характерным средством выражения экспрессивности являются эмфатические конструкции, а также инверсия, позволяющая поставить определённую часть предложения в сильную позицию, что подчёркивает её коммуникативную значимость и придаёт особую эмоциональность. Параллельные синтаксические конструкции, часто сопровождаемые лексическими повторами разных типов, служат эффективным средством эмфатического усиления как на уровне предложения, так и на уровне текста. Клишированные модусные и оценочные структуры также выражают авторскую эмоциональную интенцию. Использование вопросно-ответных единств и элементов разговорной речи способствует тому, чтобы сделать текст более выразительным. Поскольку познавательная, когнитивная сфера деятельности человека неразрывно связана с эмоциональной сферой, исследование экспрессивных потенциалов синтаксиса в текстах научной коммуникации тесно связано с изучением эмоциональной интенции и стратегии адресанта, направленных на улучшение коммуникативных условий приёма информации адресатом.

Список литературы

1. Александрова, О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса / О.В. Александрова. – М., 1984.
2. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М., 2000.
3. Кобрина, Н.А. Язык как когнитивно-креативная деятельность человека // *Studia Linguistica* – 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка / Н.А. Кобрина. – СПб., 2000.
4. Кустова, О.Ю. К вопросу об изучении письменного текста // *Studia Linguistica* - 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка / О.Ю. Кустова. – СПб., 2000.
5. Смакотина, Т.М. Предложения с расщеплением (Cleft-sentences) в английских текстах / Т.М. Смакотина // *Актуальные проблемы лингвистики: сб. науч. тр.* – Курган, 2008.

Источники

1. Д1 – Дорожкина В.П. Английский язык для студентов-математиков. – М.: Астрель, АСТ, 2001. – 490с.

2. Д11 – Дорожкина В.П. Английский язык для студентов-математиков и экономистов. – М.: Астрель, АСТ, 2004. – Ч.2. - 347с.

И.Н. Фёдорова

Курганский государственный университет

Прагматика немецкого анекдота как особого вида прецедентных текстов

Каждая культура стремится выработать свою систему признаков, позволяющих отличить «своих» от «чужих». Одним из таких признаков является знание или незнание определенных текстов, получивших название прецедентных. Термин «прецедентный текст» был впервые введен в научную практику Ю.Н. Карауловым в докладе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» в 1986 году. Ю.Н. Караулов называет прецедентными тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях, имеющих сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1: 263].

К прецедентным текстам относятся цитаты из художественных произведений, мифы, предания, притчи, легенды, сказки, крылатые слова, анекдоты и т.п. У представителей каждой культуры есть свой набор прецедентных текстов, известных внутри данной культурной группы и незнакомых для представителей других культурных групп. Об этом необходимо помнить при межкультурном общении и во избежание недопонимания с осторожностью подходить к употреблению цитат из прецедентных текстов своей культуры.

Данная статья посвящена рассмотрению немецкого анекдота как прецедентного текста. Анекдот уже давно и прочно закрепился в массовой культуре. Его можно встретить практически в любой газете, любом журнале, на любом интернет-сайте, на радио и телевидении. Анекдоты берут в качестве эпиграфов, используют для иллюстрации злободневности общественных проблем. Их, наконец, просто рассказывают друг другу, желая развлечь собеседника, разрядить обстановку, установить контакт с человеком.

Первоначально под словом «анекдот» (от греческого *anekdotos* — изданный) понимали «короткий рассказ о незначительном, но характерном происшествии из жизни исторического лица» [6]. Со временем понятие анекдота расширилось и с середины XIX в. стало обозначать «небольшой устный шуточный рассказ самого обычного содержания с неожиданной и остроумной концовкой» [6].

Принимая анекдот за прецедентный текст, имеем в виду, что он (анекдот) обладает целостностью формы и содержания. Все анекдоты имеют четкую сюжетную линию: это и рассказ об обычаях, и рецепт счастливой семейной жизни, и предупреждение о коварностях судьбы.

В анекдоте в кратком виде представлены основные морально-этические ценности народа, его «душа». Анекдот — источник мудрости, универсальное,

популярное средство представлений об окружающем мире и самом человеке, проявление народного остроумия. Характер анекдотов определяется бытом, традициями этноса, особым взглядом на мир.

Немцы относятся к юмору чрезвычайно серьезно. Их стиль — резкая, иногда и грубая сатира. Они не могут пройти мимо ни одного неразумного постановления или абсурдной ситуации без сатирического комментария. Однако немецкий юмор достаточно специфичен. У немцев есть строгая иерархия, с кем, когда и по какому поводу можно пошутить, а с кем всегда следует быть серьезным. В Германии не допускается юмор по отношению к вышестоящим начальникам. Более того, в этой стране никогда не поймут продавца, пытающегося при помощи шуток сбыть товар, или профессора, произносящего остроту во время лекции.

Интересной особенностью немецкого юмора считается то, что немцы любят шутить не над иностранцами, а над жителями разных регионов Германии, которым приписываются определенные черты характера. Так, например, пруссаки считаются чопорными, баварцы — наглыми и беспечными, берлинцы — шустрými и пронырливыми, саксонцы — хитрыми и коварными. Саксонцы подшучивают над жителями Пруссии, швабы — над саксонцами, и все вместе — над баварцами и берлинцами.

Чаще всего анекдот представляет собой разговор двух людей в какой-то определенной ситуации (исторической, политической, социокультурной и др.): между задающим вопрос и отвечающим, между умным и наивным, между двумя наивными.

Существуют анекдоты, основанные на игре слов. Такие анекдоты возникают в результате того, что в первичной ситуации один участник разговора неправильно использует или неправильно понимает слова, так что у слушателей возникает комичное, абсурдное представление, характеризующее участника коммуникации. Такие анекдоты привязаны к материалу определенного языка и поэтому в большинстве случаев непереводаемы.

Игра слов в анекдоте реализуется многими способами. Рассмотрим некоторые из них:

— ОМОНИМЫ:

Was ist das Gemeinsame zwischen unserer Regierung und Blue Jeans? - Beide haben viele **Nieten**. (die Niete – 1. Заклепка, 2. Никчемный человек, бездарность);

— СЛОВОТВОРЧЕСТВО, СЛОВОМОНТАЖ:

Schüler zum Lehrer: „Wir wollen klassenlose Gesellschaft in der Schule herstellen.“
Lehrer: „Das ist doch eine Fata **Morgana**“;

— НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ:

- Was ist ihr Sohn eigentlich von Beruf?

- **Politologe**.

- Ach darum glänzen Ihre Möbel so;

— ЭКСПЛИЦИТНАЯ ИЛИ ИМПЛИЦИТНАЯ ДВУЗНАЧНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ:

Josefa sieht im Fernsehen einen Tierfilm von Heinz Sielmann an. Danach erzählt sie ihrem Mann:

-Stell dir vor, **Nagetiere** sind die dümmsten und gefräßigsten Tiere.

Darauf der Mann:

-Aber das weiß ich doch längst, mein **Mäuschen**.

А.М. Поликарпов классифицирует немецкие анекдоты:

1. По этническому происхождению героев анекдота: берлинские, саксонские, баварские и т.п.

2. По политическо-идеологическому происхождению: красный анекдот, коричневый анекдот, черный анекдот.

3. По лицам-героям анекдотов: про Вилли Брандта, Гельмута Коля, Фиделя Кастро и т.д.

4. По жизненным и профессиональным сферам, затрагиваемым в анекдотах: про учителя, про врача, семейные отношения, отношения учитель-ученик и т.д.

5. Анекдоты о представителях разных национальностей (мононациональные и полинациональные), позволяющие выявить этнические стереотипы, циркулирующие в обществе. Анекдоты о национальностях – самая безобидная форма проявления этноцентризма.

6. Персонифицированные анекдоты (например, анимализмы с намеком на человеческие отношения) [4, 8-10].

По способу представления информации можно выделить следующие типы анекдотов: анекдот-повествование, анекдот-диалог, анекдот-полилог, анекдот-загадка, анекдот-афоризм.

По языковой форме анекдоты бывают: 1) с использованием только литературного языка (редко); 2) с использованием литературного языка и разговорной речи (довольно часто); 3) с использованием разговорной речи (чаще всего), диалектные; 4) жаргонные (слэнговые).

Е.Курганов отмечает: «Анекдот – своего рода жанр-бродяга, который готов приткнуться фактически где угодно, лишь бы была крыша над головой».

Анекдот, прежде всего, существует, входя в тексты, функционирующие по иным жанровым законам, сам по себе анекдот не нужен и не интересен. Анекдот нельзя рассматривать как традиционный текст в тексте (это скорее жанр в жанре) [2: 7]. Анекдоты рассказывают «к месту», в контексте текущего дискурса. Например, анекдот довольно часто вклинивается в политический дискурс. Современные российские политики используют шутки и анекдоты в своих выступлениях.

Анекдот – одно из ярчайших явлений массовой культуры и он же является одним из существенных средств межличностной коммуникации людей. Уметь рассказывать анекдоты – значит, уметь налаживать контакт с собеседником, проявлять свою эрудицию, показывать начитанность и осведомленность. Анекдот может быть удачным или неудачным, что во многом определяется вкусом и искусством интерпретатора. В то же время он индифферентен к действительности, так как относится к ней довольно специфично. Он не посягает на реальное течение событий, хотя и манипулирует их отдельными фрагментами. Тем более у него нет рецептов преобразования этих событий, несмотря на то, что они могут подвергаться достаточно язвительной иронии. Анекдот подпитывается конфузными сторонами жизни, возникающими при нарушении её естественного течения. Он выставляет аномальный эпизод на всеобщее обозрение, предлагая видеть в нем нечто обыкновенное.

То есть анекдот есть отражение нас самих, наших отношений, склонностей и недостатков, всей нашей пестрой и разнообразной жизни.

Список литературы

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. - М., 1987.
2. Курганов, Е. Похвальное слово анекдоту / Е. Курганов. - СПб., 2001.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М., 2003.
4. Поликарпов, А.М. Прагматика немецкого анекдота / А.М. Поликарпов // *Deutsch Kreativ: методический журнал для учителей немецкого языка.* – М., 2007.
5. Шмырина, Т.В. Актуализация комического в немецких анекдотах семейно-бытовой тематики [Электронный ресурс] / Т.В. Шмырина // *FOCUS Online.* – Режим доступа: <http://rspu.edu.ru> <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Анекдот>

Л.Н. Юркевич

Курганский государственный университет

Анализ иноязычных медиатекстов с позиции филологической герменевтики

Тексты массовой информации и коммуникации, или медиатексты, представляют собой связную последовательность устных и письменных высказываний, порождаемых / понимаемых в процессе речевой деятельности, осуществляемой в медийной сфере. Под иноязычным медиатекстом мы понимаем продукт речевого высказывания на иностранном языке, содержащий определенным образом структурированную информацию, изложенный в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, фильм и др.).

Процесс анализа связан с пониманием и такими видами речевой деятельности, как чтение и аудирование, поэтому одним из критериев отбора медиатекстов для образовательных целей является канал передачи информации. Еще одним критерием отбора является функционально-жанровый тип медиатекста (новости, комментарий, реклама и др.). В качестве объекта анализа, по нашему мнению, интерес представляют иноязычные медиатексты интерпретационно-аналитического характера. Данные тексты привлекательны с дидактической точки зрения, так как одной из главных целей обучения будущих журналистов является умение критически анализировать информацию, объективно воспринимать те или иные авторские интерпретации. Информационно-аналитические тексты состоят из двух частей: новостной, содержащей факты, и интерпретирующей, содержащей оценку. Грань между этими частями условна, и чем она незаметнее, тем вероятнее манипулятивное искажение отображаемой реальности в сообщении. Помимо развития навыков критического мышления данные тексты служат источником изучения экспрессивных языковых средств, по-

сколькx оценка тому или иному событию дается зачастую в метафорично-образной форме.

С целью анализа иноязычных медиатекстов мы отбираем публицистические медиатексты (например, информационно-аналитические статьи колумнистов Тима Уолла и Марка Титера (*Tim Wall, Mark H. Teeter*) из газеты *The Moscow News*), телевизионные образовательно-обучающие программы и видеосюжеты на английском языке, размещенные на следующих сайтах:

<http://abc-english-grammar.com>

<http://www.esl-lab.com>

<http://www.englishtexts.ru/category/video>

<http://www.galau.com/tvmenuru.html>

<http://www.your-english.ru/ye/video/>

Для «правильного прочтения» медиатекста применяются самые разнообразные методы его анализа: лингвистический, филологический, дискурсивный, стилистический, герменевтический, метод контент-анализа и др. Использование того или иного метода определяется практическими задачами. При выборе метода анализа текста мы ориентируемся на европейские требования к уровню владения иностранным языком, в частности, на требования Порогового продвинутого уровня (Threshold B1) в области чтения, а именно: «понимания точки зрения авторов» статей и сообщений [4:103-104]. Для достижения понимания «точки зрения авторов» мы предлагаем использовать методы и приемы герменевтики.

Герменевтика (от др.-гр. *hermeneutikos* «разъясняющий», «истолковывающий») – философское направление, основной проблемой которого является проблема понимания. Становление основных принципов герменевтики произошло на протяжении многих веков и связано с именами ряда ученых: Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Г. Шпета, М.М. Бахтина, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, П. Рикёра и др.

Возникшая в Древней Греции как искусство толкования библейских текстов и являясь частью филологии, в XIX в. герменевтика оформилась как самостоятельная научная дисциплина, у которой имеется своя методологическая база и свой инструментарий для понимания. В настоящее время герменевтика используется как общенаучная теория и технология истолкования текстов в различных предметных областях.

«Герменевтика - общее название для многих деятельностей: существуют герменевтика филологическая, педагогическая, естественнонаучная, экономическая, политическая, историографическая и пр. Исторически (филогенетически - для истории рода и онтогенетически - для истории каждого индивида) филологическая герменевтика занимает первое место среди этих деятельностей: если бы человек не обладал языком, речью и не мог бы в силу этого понимать речевых произведений, он не мог бы понимать и всего остального» [1:63].

Задача филологической герменевтики - реконструировать смысл, замысел сообщения и организовать понимание посредством вовлечения адресата в «герменевтический круг», под которым понимается техника постижения смысла текста через особую диалектику целого и части: для понимания целого необходимо понять его части, а для понимания отдельных частей надо иметь пред-

ставление о смысле целого. «Задача состоит в том, чтобы строя концентрические круги, расширять единство смысла, который мы понимаем. Взаимосогласие отдельного и целого – всякий раз критерий правильности понимания. Если такого взаимосогласия не возникает, значит, понимание не состоялось» [2:72]. По Гадамеру, «истолкователь всегда содержит в себе существенную связь с вопросом, заданным интерпретатору. Понять текст – значит понять этот вопрос» [3:435]. Техника герменевтического круга предполагает многократное вдумчивое прочтение, воссоздание проблемного (интеллектуального, нравственного) вопроса автора, на который данное содержание медиатекста было бы адекватным ответом.

На первом этапе движения по герменевтическому кругу конкретный медиатекст рассматривается как целое, а его структурные элементы как части. Чтобы понять некоторый текст, нужно понять отдельные слова, но для понимания значения слов, нужно понимание предложения и т.д. Слово есть часть относительно предложения, предложение – часть относительно текста. На втором этапе движения по герменевтическому кругу текст рассматривается как часть, а статьи / тексты данного автора, его творчество как целое. Для адекватного понимания замысла автора медиатекста необходимо поставить себя на его место, воссоздав его творческую лабораторию. На третьем этапе текст рассматривается как часть историко-политического контекста, который представляется как целое. На следующем этапе социокультурный контекст выступает как целое, а конкретный текст как часть.

На начальном этапе работы с текстом необходимо, используя грамматическую и логическую интерпретации, добиться понимания иноязычного текста на всех уровнях и осуществить адекватный его перевод. Знания лексических, грамматических, стилистических норм иностранного языка позволяют решить эту задачу. Учитывая факт трудности восприятия речи на слух, мы рекомендуем предварять герменевтический анализ видеосюжетов таким приемом, как написание скрипта, и начинать работу с печатным сообщением, привлекая затем звуковой / визуальный план.

Для постижения явного, эксплицитного смысла текста, лингвистического анализа порой оказывается достаточно. Если же после проведенной работы смысл текста остается скрытым, стоит обратиться к историческому и социокультурному контексту.

Умению герменевтического анализа медиатекстов, безусловно, нужно обучать. А.В. Федоров [5] предлагает ряд вопросов, направленных на развитие у аудитории умения герменевтического анализа: Кто создает медиатексты? Содержит ли создание медиатекстов скрытую функцию, функции конкуренции? Что является главной целью данного медиатекста? Как медиа используют различные формы языка, чтобы передать идеи или значения? Какова роль света, цвета, звука, музыки в медиатексте? Для кого предназначен медиатекст? и т.д. Поиск ответов на подобные вопросы способствует развитию критического мышления и самостоятельности в герменевтическом анализе текстов СМИ.

Таким образом, герменевтический анализ медиатекстов предполагает взаимодействие лингвистического подхода и техники «герменевтического круга»,

помогает вступить в своеобразный диалог с авторами медиатекстов и преодолеть субъективизм понимания текста адресатом.

Список литературы

1. Богин, Г. И. Филологическая герменевтика как деятельность / Г. И. Богин // Язык, культура и социум в гуманитарной парадигме. Москва. - Тверь, 1999.
2. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного: пер. с нем. / Г.-Г. Гадамер. - М., 1991.
3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы филос.герменевтики: пер. с нем./ Х.-Г. Гадамер; общ.ред. и вступ.ст. Б.Н. Бессонова. - М., 1988.
4. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб.пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин.яз. высш.пед.учеб.заведений / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез.- 4-е изд., стер.- М., 2007.
5. Федоров, А.В. Герменевтический анализ культурного контекста процессов функционирования медиа в социуме и медиатекстов на занятиях в студенческой аудитории / А.В. Федоров // Инновации в образовании. - 2008. - № 8. - С.99-126.

Н.Н. Бочегова

Курганский государственный университет

**Способы объективации феномена бикультурализма в произведении
Ф. Маккорта «'Tis: A Memoir»**

Как известно, культура каждого народа состоит из ряда составляющих, которые в современной лингвокультурологии называют культурными кодами. Так, В.В. Красных [1: 231] выделяет следующие коды культуры:

- а) соматический (телесный),
- б) пространственный,
- в) временной,
- г) предметный,
- д) биоморфный,
- е) духовный.

Опираясь на наши исследования, мы выделили еще ряд кодов культуры, которые с необходимостью объективируются в языке, в первую очередь, в лексике. Это алиментарный (или пищевой) код (см. также исследование Л.Ю. Резниченко [2]), вестиментарный (код одежды) и религиозно-этический код. Как известно, А. Вежбицкая [5] в своих работах выделяет также код выражения эмоций, который, наряду с универсалиями, также имеет ряд этнокультурных вариаций.

Культура складывается из различий. Те из нас, кто разделяет взгляды А. Вежбицкой [6] на семантические универсалии, согласятся, что помимо самых общих понятий, выраженных семантическими примитивами, все остальное в культурах – это различия, зашифрованные в языке. Данные примитивы представляют собой ограниченный набор субстантивов, детерминативов, квантитивов, атрибутов, глаголов речи, действий, существования и обладания; языковых единиц, выражающих понятия Жизни и Смерти, Времени, Пространства и психологических предикатов, таких как знать, думать, хотеть, сказать, чувствовать, видеть, слышать.

Как показали исследования, этнокультурная специфика проявляет себя на всех уровнях языка: лексическом, синтаксическом, морфологическом (уровень грамматических конструкций), фонетическом.

Так, например, обилие безличных конструкций и страдательного залога в русском языке указывает на его феноменологический характер.

Рассмотрим ряд примеров из автобиографического произведения Ф. Маккорта «'Tis», который описывает процесс интеграции молодого ирландца в американскую культуру. Среди множества культурных кодов и сценариев, которые затрудняют коммуникацию, обращают на себя внимание отличия в языковом коде между британским (в данном случае ирландским) английским и его американским вариантом на лексическом уровне:

If I had the money I could buy a torch and read till dawn. In America a torch is called a flashlight. A biscuit is called a cookie, a bun is a roll. Confectionery is pastry and minced meat is ground. Men wear pants instead of trousers and they'll even say this pant leg is shorter than the other which is silly. When I hear them saying pant leg I feel like breathing faster. The lift is an elevator and if you want a WC or a lavatory you have to say bathroom even if there isn't a sign of a bath there. And no one dies in America, they pass away or they're deceased and when they die the body, which is called the remains, is taken to a funeral home where people just stand around and look at it and no one sings or tells a story or takes a drink and then it's taken away in a casket to be interred. They don't like saying coffin and they don't like saying buried. They never say graveyard. Cemetery sounds nicer. (F.M. - 53)

Различия на фонетическом уровне всегда обуславливали различия в социальном статусе говорящих, что напрямую связано с экономическим положением говорящего субъекта.

The whole class would stare at me and wonder who's the one with the accent. I could try an American accent but that never works. When I try it people always smile and say, Do I detect an Irish brogue? (F.M. - 193)

Говоря об американской культуре и, в частности, американском этосе как ее квинтэссенции следует, в первую очередь, отметить, что важную часть в нем занимает такой феномен, как дефисная культура. Идентичность многих американцев первого и второго поколения определяется как состоящая из двух частей: «American» и названия страны эмиграции.

Такова уникальность американской идентичности, и это отражается в языке, в дискурсе, касающемся вопросов этно-культурной принадлежности и культурных стереотипов.

Why is it the minute I open my mouth the whole world is telling me they're Irish and we should all have a drink? It's not enough to be American. You always have to be something else, Irish-American, German-American, and you'd wonder how they'd get along if someone hadn't invented the hyphen. (F.M. - 113)

В американской культуре желание индивида вписаться, интегрироваться и преуспеть в американском обществе, занять определенную социальную ступень, как правило, совмещается с обостренным ощущением исконной культурной идентичности.

When Davis leaves the captain says, the Irish, Mc Court. We gotta stick together. Right? (F.M. - 112)

The old Irish had told me, and my mother had warned me, Stick with your own. Marry your own. The devil you know is better than the devil you don't know. (F.M. - 474)

Множество примеров из художественного и публицистического дискурса дают нам понимание того, каким образом две идентичности сочетаются в сознании индивида, находящегося в «доминирующей культуре». Ведущее место в концептосфере личности в таком случае занимают концепты трудовой этноэтики:

I could drink Irish, eat Irish, dance Irish, read Irish. My mother often warned us, Marry your own, and now old-timers tell me, Stick with your own. If I listened to

them I wouldn't be rejected by a Rhode Island Episcopalian who once said, What would you do with yourself if you weren't Irish? And when she said that I would have walked out except that we were halfway through the dinner she'd cooked, stuffed chicken with a bowl of Bordeaux that gave me such shivers of pleasure I could have tolerated any number of barbs at myself and the Irish in general. I'd like to be Irish when it's time for a song or a poem. I'd like to be American when I teach. I'd like to be Irish-American or American-Irish though I know I can't be two things even if Scott Fitzgerald said the sign of intelligence is the ability to carry opposed thoughts at the same time. (F.M. - 360)

Концепты трудовой этики, также как и большинство ключевых концептов любого этноса, уходят корнями в религиозную этику. Религиозная жизнь была и остается частью культурной жизни англо-американского этноса, и воскресная проповедь является частью когнитивной базы англо-американской языковой личности, т.к. данный сегмент заполняется информацией, как правило, в раннем детстве. Составной частью конфликта культур является конфликт положений религиозной этики:

Other students are easy about raising their hands and they always say, Well, I think. Then the professor tells us ideas don't drop fully formed from the sky, that the Pilgrims were, in the long run, children of the Reformation with an accompanying world-view and their attitudes to children were so informed. Here I am in library in Queens discovering Irish literature, wondering why the schoolmaster never told us about these writers till I discover they were all Protestant, even Sean O'Casey whose father came from Limerick. No one in Limerick would want to give Protestants credit for being great Irish writers. (F.M. - 194)

I did and Maggie did. The marriage crumbled. Slum-reared Irish Catholic have nothing in common with nice girls from New England who had little curtains at their bedroom windows, who wore white gloves right up to their elbows and went to proms with nice boys, who studied etiquette with French nuns and were told, girls, your virtue is like a dropped vase. You may repair the break but the crack will always be there. Slum-reared Irish Catholics might have recalled what their fathers said, after a full belly all is poetry. (F.M. - 474)

Как мы показали ранее в нашей работе, пищевой (или алиментарный) код с его спецификой, предпочтениями и ограничениями является важной составной частью любой культуры и (особенно в части ограничений) частью принадлежности к той или иной религиозной доктрине. Как и другие коды культуры, пищевой код представлен в языке соответствующей лексикой и культурными сценариями:

Zoe, the grandmother, says hi but doesn't offer hand or cheek. It's dinner time and there's corned beef and cabbage and boiled potatoes because that's what the Irish like to eat, according to Zoe. (F.M. - 282)

All along the avenue there are shops with gourmet foods and if I ever enter such a place I'll have to bring someone who grew up respectable and knows the difference between pate de foie grass and mashed potatoes. All these shops are obsessed with French and I don't know what they're thinking or is it that you pay more for something printed in French? (F.M. - 363)

Alberta calls us into dinner, tuna casserole with green salad. (F.M. - 382)

В следующем примере мы видим употребление в одном микроконтексте лексику, объективирующую концепты пищи и концепты, относящиеся к «высокой культуре» - названия художественных произведений. В данном случае лексема пищи «knockwurst» и «liverwurst» становятся символами на концептуальном уровне и знаменуют переход героя из одной стадии жизни в другую.

I'm weary of knockwurst and liverwurst and the feel of frozen meat on my shoulders every day.

I push the knockwurst away and leave a half stein of beer and walk out the door, across Hudson Street, along Bleecker Street, not knowing where I'm going, and here I am in Washington Square and there's New York University and I know that's where I have to go with my GI Bill, high school or no high school...

But I read books. I've read Dostoyevsky and I've read Pierre, or The Ambiguities. It's not as good as Moby Dick but I read it in a hospital in Munich. (F.M. – p.192)

Изучение культуры повседневности находится в данный момент в фокусе внимания историков, антропологов и социологов, поскольку именно повседневность дает возможность увидеть ценностный код в действии. С позиции когнитивной лингвистики концепты повседневности наиболее ярко проявляются в виде скриптов (или культурных сценариев), которые составляют часть когнитивной базы любого социума.

Исследователи-когнитологи Р. Шэнк и Р. Абельсон [4] начинают с определения скриптов как основных «кирпичиков» осознания повседневности. Скрипты (или сценарии), заложенные в повседневности, - это стандартизированные цепочки событий, которые составляют наше понимание часто повторяющихся событий. Так, часто приводимый в пример в когнитивных исследованиях скрипт «ресторан» проводит субъекта через цепочку сменяющихся друг друга действий, необходимых для получения пищи, таких, как размещение за столиком, заказ еды, оплата, отказ от некачественной пищи, определение размера чаевых. Все это относится к культуре повседневности, которая, безусловно, является частью культуры в целом.

Культурные сценарии часто не осознаются носителями одной и той же культуры, но обращают на себя внимание воспринимающего сознания иной культуры.

Mike Small came from another world, she and her football player. They might be from different parts of America but they were teenagers and it was the same all over. They went on dates on Saturday nights and of course she would never be at the door waiting for him because that would show she was too eager and word would get around and she'd be alone every Saturday night the rest of her life. The boy would have to wait in the living room with a silent dad who always looked disapproving behind his newspaper knowing what he did on dates in the old days himself and wondering what was going to be done to this little daughter. The mother would fuss and want to know what movie they were going to and what time they'd be home because her daughter was a nice girl who needed a good night's sleep to keep that glow in her complexion for church tomorrow morning.(F.M. - 229)

After the movie they'd have hamburgers and milkshakes at the soda fountain with all the other high school kids, the boys in crewcuts and the girl in skirts and bobbysox. That is what I saw in the movie or what I heard in the army from GIs who came from all over the country. (F.M. - 230)

В сознании иммигранта всегда присутствует определенная амбивалентность по отношению к стране, которую он покинул. С одной стороны, это ностальгия по привычным культурным концептам, которая выражается в описании новых культурных концептов и сценариев как странных; с другой – это обостренное ощущение всех негативных сторон оставленной в прошлом культуры, которые могут замедлить успешную адаптацию и аккультурацию в новом социуме.

From time to time the old man leaned around Paddy to tell me, Stick to your own, stick to your own. I'm in New York, land of the free and home of the brave but I'm supposed to behave as if I were still in Limerick, Irish at all times. I'm expected to go out only with Irish girls who frighten me with the way they're always in a state of grace saying no to everything and everyone unless it's a Paddy Muck who wants to settle on a farm of land in Roscommon and bring up seven children, three cows, five sheep and a pig. I don't know why I returned to America if I have to listen to the sad stories of Ireland's suffering and dance with country girls, Mullingar heifers, beef to the heels. (F.M. - 274)

Концепт "Old Country" объективируется в иммигрантском дискурсе зачастую с отрицательными либо ироническими коннотациями.

The man at the Beneficial Finance Company says, Do I detect a brogue? He tells me where his mother and father came from in Ireland and how he plans to visit himself though that'd be hard with six kids, ha ha. His mother comes from a family of nineteen. Can you believe that? He says. Nineteen kids. Of course seven died but what the hell. That's how it was in the old days in the Old Country. They had kids like rabbits. (F.M. - 369)

Вопрос языковой личности является центральным в культуре; потеря национального языка ведет к рассеиванию культурной идентичности этноса. С другой стороны, отказ от изучения другого языка ассоциируется с изоляционизмом, ограниченностью, узостью мышления.

There was an old man smoking a pipe on the stool beside Paddy and he said, That's right, son, that's right. Tell your friend there that you have to stick with your own. All me life I stuck with me own, dug holes for the phone company, al Irish, never a bit of trouble because, by Jesus, I stuck with me own and I seen young fellas comin' over marryin' all kinds an' losin' their faith an' the next thing they're goin' to baseball games an' that's the end of them.

The old man said he knew a man from his own town who worked twenty-five years in a pub in Czechoslovakia and came home to settle down without a word of Czechoslovakian in his head and all because he stuck to his own kind, the few Irishmen he could find there, all sticking together, thank God an' His Blessed Mother. The old man said he'd like to buy us a drink to honor the men and women of Ireland who stick with their own so that when a child is born they know who the father is and that, by Christ, God forgive the language, is the most important thing of all, knowing who the father is. (F.M. - 273)

Как уже отмечалось выше, один из кодов культуры представлен прецедентными текстами, которые порождены культурными традициями данного этноса. Говоря о когнитивной базе отдельной языковой личности интересно отметить переплетение культурных кодов и текстов, формирующих эту базу. В англоязычном дискурсе с определенной частотностью проявляются концепты русской литературы, которые оказали наибольшее влияние на концептосферу носителей английского языка. И произведение Ф. Маккорта подтверждает это положение:

Another orderly pushed a book cart into the ward and I have a feast of reading. Now I can finish the book I started coming from Ireland on the ship. Dostoyevsky's Crime and Punishment. I'd rather read F. Scott Fitzgerald or P. G. Wodehouse but Dostoyevsky is hanging over me with his story of Raskolnikov and the old woman. It makes me feel guilty all over again after the way I stole money from Mrs Finucane in Limerick when she was dead in the chair and I wonder if I should ask for an army chaplain and confess my awful crime. (F.M. - 125)

I'm nearly twenty-three but I have to prove I'm eighteen before they'll give me a beer and a knockwurst sandwich.

People sitting at tables by the window look like poets and artist and they're probably wondering why I'm sitting at the bar with trousers caked with beer blood. I wish I could sit there by the window with a long-haired girl and tell her how I've read Dostoyevsky and how Herman Melville got me thrown out of the hospital in Munich. (F.M. - 191)

But I read books. I've read Dostoevsky and I've read Pierre, or The Ambiguities. It's not as good as Moby Dick but I read it in a hospital in Munich. (F.M. - 192)

В заключение нашего исследования приведём мнение М. Дональда о роли писателей в развитии когнитивной психологии: «великие писатели продвинули субъективные исследования сознания намного дальше, чем это смогла бы сделать клиническая или экспериментальная психология... Писатели-романисты, в частности, часто исследуют наши глубинные представления о сознании. Их описания этих представлений образуют огромный несистематизированный пласт явлений, наблюдаемых изнутри и это, вероятно, наиболее значимое свидетельство из всего того, чем мы располагаем» (*перевод мой – Н.Б.*) [3:78].

А. Вежбицкая подхватывает эту мысль и развивает её, отмечая, «то, что характерно для лучших писателей-романистов, справедливо и по отношению к лучшим авторам автобиографий, и если мы хотим проникнуть в процесс мышления и эмоциональный мир людей, являющихся билингвами - людей, которые преодолевают границы языков и культур, было бы неразумно игнорировать то, что Дональд называет «наиболее значимым свидетельством» [6:258]. Нельзя не согласиться с автором и в том, что из этих «авторитетных» свидетельств людей, имеющих реальный базис для сопоставления двух видов внутреннего опыта, можно узнать очень многое в целом о природе связей между внутренним опытом человека и языком - подтверждением чего, на наш взгляд, и является проведенное исследование.

Список литературы

1. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. – М., 2002. – 284 с.
2. Резниченко, Л.Ю. Фразеологическая концептуализация понятия «малость/димиинутивность» в английском, немецком и русском языке / Л.Ю. Резниченко // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Серия Филология. Т. 2. № 5. - СПб, 2009. - С. 70-89.
3. Donald, M. A Mind So Rare: The Evolution of Human Consciousness / M. Donald. – New York: W.W. Norton and Co., 2001.
4. Schank, R. C., Scripts, Plans, Goals, and Understanding / R. C. Schank, R. Abelson. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977.
5. Wierzbicka, A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals / A. Wierzbicka. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
6. Wierzbicka, A. Empirical Universals of Language as a Basis for the Study of Other Human Universals and as a Tool for Exploring Cross-Cultural Differences / A. Wierzbicka // Ethos, Vol. 33, №2, 2005. - P. 256 – 291

Сокращения и источники

F.M. - McCourt, F. 'Tis: A Memoir / F. McCourt. – Scribner, NY, 1999.

О.С. Драгунова

Курганский государственный университет

Межжанровые связи в свадьбе Приисетья

Заслугой А.Н.Зырянова является то, что он первым в зауральской фольклористике выделил основные фрагменты свадебного действия, которые позднее будут обнаружены и подтверждены другими исследователями, обращавшимися к региональному варианту этого центрального обряда жизненного цикла. Обращение к рукописи А.Н. Зырянова позволяет манифестировать его как фольклориста-новатора, избравшего комплексный подход к фиксации свадьбы. В частности свадебный приисетский фольклор трактуется им как полижанровая система, где наряду с традиционными для данного обрядового действия жанрами – песнями, приговорами, присутствуют заговоры. Исследование материалов, приведенных Зыряновым, дает основание говорить о межжанровых связях в свадьбе Приисетья.

В данной статье мы остановимся на месте и функции заговора в свадьбе на территории Приисетья. В традиционном понимании заговор – это заклинательная словесная формула, которой приписывается магическая сила. «Заговор - заклинание, магические слова, обладающие, по поверью, волшебной или целебной силой. Заговоры основаны на вере в действие произносимых слов» [7]. Заговор – «есть традиционная ритмически организованная словесная формула, которую человек считал магическим средством достижения практических целей» [3, 94].

По утверждению В.П. Федоровой, «Зауралье отличается стабильностью старинных крестьянских традиций, что способствовало «живучести» заговоров» [9,10]. Вывод исследователя подтверждается современной фольклорной ситуацией в регионе: заговоры – один из немногих жанров, не вышедший из живого бытования в крае до сих пор.

Очевидно, включение магических заговорных формул в приисетский свадебный сценарий продиктовано популярностью в крае поверий о частой порче свадьбы. Предопределила введение заговоров в свадебный контекст в какой-то мере и история заселения края. Необходимо отметить, что для нее характерна географическая пестрота: переезжали из центральных районов, некоторых районов Поволжья, Предуралья, а также из уже освоенных ранее районов Западной Сибири. Это обстоятельство позволило становиться доминирующей традиции северных районов. Так, в Вологодской свадьбе, по свидетельству Д.М. Балашова, «на свадьбы приглашались специальные «сторожа», охранявшие молодых и совершавшие все магические операции, или, по местному наименованию, «запуки». Предпринимались разные меры для отпугивания злых сил в свадьбе (стручок гороха с девятью горошинами, льняное семя, собачья и кошачья шерсть, опояски, свадебные колокольчики). Одним из них является заговор. Д.М. Балашову удалось записать ряд заговоров, относящихся к различным моментам обряда. При этом отмечается прошлое как время включения заговорных формул в свадебный обряд: «Подобные рассказы относятся к старине глубокой, без знахаря ни одна свадьба не проходила» [4, 291].

В варианте свадьбы, зафиксированной А.Н. Зыряновым, роль так называемого старейшины свадебного поезда принадлежит дружке. Он, по словам А.Н. Зырянова, «избирается заблаговременно, из известных своими подвигами, в предосторожность от злых людей, могущих будто бы испортить свадьбу» [1]. А.Н. Зырянов не случайно описывает отношение к дружке «почтеннейших здешних жителей», подчеркивая тем самым его важную охранительную функцию: «Дружка для обороны свадьбы, плюнуть ли, дунуть ли слово ласковое, чтобы никто не мог ни попортить, никто: ни колдун, ни колдунья» [1].

Нужно отметить, что заговор шепчется дружкой после церковного венчания, благословления супругов иконой, хлебом-солью, когда вся свадебная процессия войдет в избу. Языческие моменты становятся особенно заметными, когда речь идет о продолжении рода. В системе свадебной обрядности магическая функция была направлена на здоровое потомство и благополучие семейной жизни. Именно поэтому заговор читается перед тем, когда новобрачных отведут на подклет, т.е. место, где приготовлено для молодых брачное ложе. Основной мифологический мотив свадебного обряда, по словам Л.В. Деминой, это «умирание» девушки и юноши в прежней жизни и их переход в новое состояние, а для невесты это также переход из своего рода/ локуса в чужой» [5,16]. Включение заговорного текста объясняется статусом невесты как лиминального существа. Важно отметить, что «в процессе инициации субъект приобщается не к знанию, а к тайне» [2,89-90].

Невеста находится в пограничной ситуации. Сложность положения невесты в том, что по архаическим верованиям она проходит три фазы переходных обрядов. А. Ван Геннеп определяет их как отчуждение, лиминальный период

(транзит), восстановление. «Первая фаза означает открепление субъекта перехода от места, занимаемого им в социальной или космической системе. Во второй акцентируются состояние контактов с «иным» миром и собственно переход. Третья фаза символизирует обретение нового стабильного состояния и осуществляет закрытие границ в «иной» мир» [5, 16]. Видимо, введение в свадебный сценарий Приисетья заговора «на любовь» призвано в конечном итоге обеспечить благополучный финал перехода невесты сквозь границы мифологического пространства. В ознаменование благополучного перехода невесты в свадьбе А.Н. Зырянова дружка «перетрясает все постели, крестообразит их плетью, имеющуюся постоянно в руках или при поясе и потом указывает всем место садиться. Первая чаша вина подается родителям, вторая чете, которую дружка берет к себе и шепчет приговор» [1].

Приведем текст заговора в исполнении дружки на приисетской свадьбе (в записи А.Н. Зырянова):

Во имя отца и сына и святого духа ныне и присно во веки веков. Аминь (крестится).

Стану я, раб божий благословляясь и перекрестясь.

Пойду я из ворот в ворота в восточну сторону.

Есть в восточной стороне две пути – дороги, две широкие росстани.

По тем дорогам идут два братца, названных

Михайло Архангел, христов Кузьма Демьян.

- Ой же ты, батюшко Михайло Архангел, христов Кузьма Демьян.

Вы куда пошли и чего в руках несете?

- Мы идем и несем семьдесят семь сум.

- Что у вас в суммах?

- У нас в суммах по разному огню.

Гой еси ты, батюшко Михайло Архангел

И христов Кузьма Демьян!

Я подойду к вам поближе, поклонюсь пониже,

Покорюсь и помолюсь.

Гой еси ты, батюшко Михайло Архангел

И христов Кузьма Демьян!

- Лес не рубите, чащу не жгите,

Трущобу, мелки урочища,

Камыши и ветоши.

Зажгите, запалите у девицы, у рабицы (имя невесты)

Уста сахарные, зубы белые, красные десны,

Десницы ресницы черные, брови, буйную главу, ретивое сердце,

Лёгкое, печень, кровь горючую, семьдесят семь жил.

Семьдесят семь суставов, все становые кости рабу Божью (имя жениха).

Не могла бы она жить, не быть,

В одне гневить, в часу часовать.

Ни полчаса, ни полминуты едой бы она не

заедала, питьем бы не запивала,

гульбой бы не загуляла

В парной банюшке шелковым венечком не спаривала,

Едучим щелоком не смывала,
Душой бы не задумывала,
Сиденкой бы не засиживала.
На добром бы коне не заезживала
Во дне при солнышке, в ночи при месяце...

На молоду при ветку месяц бывает, на молоду и на ветку [1].

В комментариях А.Н. Зырянов отмечает не единичность приведенного заговора в наблюдаемых им свадебных сценариях: «подобных странных приговоров, должно полагать, много кроется в крестьянском быту, но разузнать их слишком трудно. Знахари утаивают их как драгоценность, боясь распросчиков, чтоб они не овладели такими талисманами, не заняли бы места дружек, ибо на свадьбу приглашаются одни знахари, известные своими подвигами» [1].

Содержание текста заговора позволяет отнести его к разряду любовных. Мы располагаем записями заговоров XX века, типологическое содержание и типологическая форма которых очевидны. Заговор в записи А.Н. Зырянова обладает подобными жанровыми признаками.

Так он имеет характерную жанровую структуру. Начинается заговорный текст введением - молитвенным обращением: «Во имя отца и сына и святого духа ныне и присно во веки веков. Аминь (крестится). Стану я, раб божий благословляясь и перекрестясь» [1].

За введением следует зачин, где слово получает, по словам В.П. Федоровой, «магическое наполнение» [9,190]. Здесь происходит символический выход заговаривающего в иной мир, другие ворота, дорогу:

Пойду я из ворот в ворота в восточну сторону.

Есть в восточной стороне две пути – дороги, две широкие росстани [1]. Заговор – жанр, наиболее отчетливо запечатлевший двоеверие – соединение языческого и христианского. Сохранность древних и христианских традиций и в XX веке отмечается Федоровой: «Формула благословения переплавилась с языческой формулой попадания в другой, иной мир, явив удивительный узор из языческих и христианских мотивов:

Встану я, благословясь, пойду, перекрестясь,
Из избы в избу, из ворот в ворота,
Во чистое поле, в восточную сторону... [9,190].

Одним из типологических мотивов заговора является образ «пути-дороги». В соответствии со своей традиционной мифологической семантикой дорога в заговорах дружки - всегда предельно опасный сегмент пространства. Описание дороги представлено как путешествие в иной мир, при этом выделяются элементы, наделенные сакральным смыслом.

С зачином, по словам В.П. Федоровой, связаны эпическая часть и «закрепка» [9, 190]. Следуя композиционному построению содержания заговора, за зачином следует эпическая часть.

Эпическая часть заговора наполнена чудесными символическими образами. Дружка в роли заклинателя обращается с магическими словами к сверхъестественным силам, кланяется, приказывает им, предполагая при этом ответную реакцию высших сил:

- Ой же ты, батюшко Михайло Архангел, христов Кузьма Демьян.

Вы куда пошли и чего в руках несете?

- Мы идем и несем семьдесят семь сум.<...>

- Лес не рубите, чащу не жгите<...> [1].

Многие заговоры строятся на счете, так как он построен на древнем представлении о сакральности чисел. Так, «число „семь” завершает счет, подводя черту в борьбе с напастью. На нем останавливается заговаривающий как на том рубеже, после которого ничего не может быть» [9,199]. Через сто лет после А.Н. Зырянова зафиксирован подобный заговор:

<...> В ретивое сердце, печень, кровь горячую,
В семьдесят семь жил, в семьдесят семь суставов,
В хоть и в плоть, в губы и зубы,
В язык и в ясные очи,
Во все тело молоденькое <...> [9,114]

«Действенность «словам» придает «закрепка», которая связана и с зачином. Действенность их замыкается, сосредотачивается, во имя чего творится заговор» [9,193].

Диалоговая форма заговора, исполняемого дружкой, не случайна. Диалогические структуры для древних обрядовых форм исконны. «Заговоры диалоговой формой построения входят в широкий круг древних явлений народной культуры. Диалоговая форма в заговоре предполагает сообщение о действии и повеление делать его еще сильнее, основательнее» [9,49].

Приведем пример записи заговора XX века:

-Кого вы сушите, кого вы крушите?

-В поле белые березы,

В поле мелкие осины, мураву-траву<...> [9,113].

В организации образной архитектоники приведенного Зыряновым заговора используется традиционный принцип ступенчатого сужения образов. Например, «уста сахарные - зубы белые – десна красные; буйная голова - сердце ретивое; парная банюшка – шелковый венчик - едучий щелок» [1].

При сопоставлении вариантов заговоров, зафиксированных в XIX и XX веке, отмечается характерная устойчивость обращения к высшим силам в повелительном наклонении. Так, у А.Н. Зырянова следующими ключевыми словами закрепляется любовный заговор:

Зажгите, запалите у девицы, у рабицы (имя невесты)

Уста сахарные, зубы белые, красные десны

Десницы ресницы черные, брови, буйную главу, ретивое сердце,

Лёгкое, печень, кровь горячую, семьдесят семь жил.

Семьдесят семь суставов, все становые кости рабу Божью (имя жениха).

<...> [1].

Характерной приметой заговора является перечисление. Приведем пример записи любовного заговора из XX века:

Не суши ты, не круши ты

Белые березки,

А высуши и выкруши ты раба Божьего (имя) <...> [9,111]

Записи XIX и XX века манифестируют питье (вино, вода) как предмет, который может сохранить и передать силу слова. В свадьбе Приисетья это бокал

с вином, над которым шепчется заговор, после чего, по свидетельству А.Н. Зырянова, «мнимый плод любви или союза дружок подает супругам, которые рюмку должны выпить до капли» [1].

Отмеченное Зыряновым ритуальное действие соотносимо с традицией региона, в соответствии с которой «слово наговаривалось на вино и вообще на питье» [9,117].

В соответствии с народным христианством обращение дружки в заговоре к Кузьме Демьяну как к покровителю свадьбы не случайно:

<...>По тем дорогам идут два братца, названных
Михайло Архангел, христов Кузьма Демьян<...> [1].

Известно, что святые Кузьма и Демьян пользовались большой популярностью у крестьян, являясь одновременно покровителями ремесел (особенно кузнечного), женского рукоделия, а также семейного очага, супружеского счастья и свадеб. В свадебных песнях сохранилось своеобразное обращение к Кузьме и Демьяну, которые мыслились как один человек «Кузьма-Демьян».

Архангел Михаил почитается как покровитель и соратник «воинствующей Церкви», то есть всех верных Богу, выступающих против сил зла. В христианстве Михаил — главный архангел, являющийся одним из самых почитаемых библейских персонажей. Обращения к нему зафиксированы в обрядовой свадебной лирике XX века:

Во соборе-то у Михаила Архангела да
Виноградье краснозелёное да<...> (6, Т.2., 82)

Сохраненный благодаря записи Зырянова фольклорный текст - это редкий образец заговора «на любовь» девушки. Предполагается, в традиционном свадебном обряде заговором подобного рода «закрепляли» любовь невесты. Так, безусловной удачей фольклориста А.Н. Зырянова стала запись уникального заговора. Введение же в рамки свадебного обряда заговорной традиции свидетельствует об открытости жанровой системы фольклора и взаимодействии различных жанровых форм.

Список литературы

1. АРГО разряд 29 опись 1 №32 б Свадьбы Пермской губернии Зырянов, А, 1850.
2. Аналитическая психология: словарь / сост. В. В. Зеленский. - СПб.: Б.С.К., 1996. – 322 с.
3. Аникин, В.П. Русский фольклор / В.П. Аникин – М., 1987. – С. 94.
4. Балашов, Д.М. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области) / Д.М. Балашов, Н. И. Марченко, Ю. И. Калмыкова.- М., 1985. – 390 с.
5. Демина, Л. В. Свадебный обряд славян Тюменской области / Л. В. Демина. – Тюмень, 2005. -242 с.
6. Русская свадьба: в 2 т. / сост. А.В. Кулагина, А.Н. Иванов. – М., 2000. – Т.1. – 512 с; Т.2. – 504 с.
7. Ушаков, Н.Д. Толковый словарь русского языка / Н.Д. Ушаков – М. Т.1., 1935-1565 с.; Т.2., 1040 с.; Т.3., 1939. – 1425 с.; Т.4. 1940. – 1502 с.

8. Федорова, В. П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья / В.П. Федорова. – Курган, 1997. – 284 с.
9. Федорова, В.П. Человек и слово в заговорах: Южное Зауралье. Конец XX века. Монография / В.П. Федорова. – Курган, 2003. – 288 с.

Н.В. Куркова

Курганский государственный университет

**Политкорректное обозначение религиозных символов
(на примере номинаций атрибутов исламского вероисповедания
в немецком языке)**

В современном мире понятие «политкорректность» приобрело большое значение. Особую роль политкорректные обозначения играют в иноязычной коммуникации, что осложняет общение на иностранном языке.

В центре понятия «политкорректность» стоит толерантность, а именно «политическая корректность (от англ. political correctness) — культурноповеденческая и языковая тенденция, нацеленная на замену устоявшихся терминов, могущих задеть чувства и достоинство того или иного индивидуума эмоционально нейтральными и/или положительными эвфемизмами» [4]. Явление, которое изначально было создано для благих целей, приобрело за несколько лет такие масштабы, что у него появились как сторонники, так и противники. Тема настолько актуальна, что ее исследованием занимаются многие отечественные и зарубежные лингвисты и политологи, такие как Сабине Вирлеманн, Л.В. Саватеева, доктор Ирис Фостер, Е.В. Шляхтина и другие.

Незнание политкорректных наименований, признанных в других странах, может стать причиной проблем в общении. Особенно важно это, если коммуникация представляет собой не обычное приватное общение, а деловую переписку, публичные выступления либо переговоры. Неправильное обозначение тех или иных понятий может привести к недопониманию и даже к разрыву деловых контактов. Мелкие нюансы употребления отдельных выражений приводят к серьезным последствиям, ведь речь идет о чувствах людей, которые политкорректность призвана щадить.

Для начала обратимся к истории политкорректности, ведь само понятие возникло сравнительно недавно, в середине 80-х годов, наибольшее распространение приобрело в странах Америки и Европы с целью пропаганды толерантного отношения и борьбы с дискриминацией. Такие слова, как «инвалид» или «негр», в своем значении содержат намек, что и сейчас может оскорбить человека, а также в неприглядном свете выставить того, кто до сих пор не избавился в своем лексиконе от этих пережитков. Если мы говорим о Германии, то годом «рождения» феномена «политкорректность» можно назвать 1991 год, когда в *Süddeutsche Zeitung* (далее SZ) появилась статья Кристианы Бинк, посвященная, кстати сказать, отрицательным последствиям гонки создания политкорректных обозначений тех или иных явлений. После публикации в SZ вышли статьи других журналистов и в SZ, и в *Spiegel*. Но что интересно, в данных

статьях феномен политкорректности обозначался как «Sprach-Terror», то есть языковой террор [5].

Изучая политкорректность конкретной страны или конкретного языкового пространства, следует обратиться, на наш взгляд, к наиболее обсуждаемым темам в данной стране. Именно эти понятия и подвергаются «политкорректуре». Таким образом, политкорректность представляет собой эвфемизацию социально значимых понятий, затрагивает такие темы, как дискриминация по половому признаку, религиозным взглядам, социальному положению, национальной принадлежности.

Современное общество – это совместное проживание на одной территории в одном государстве различных национальностей, то есть различных культур. Все это приводит к столкновению различных догм, которые пропагандирует та или иная религия. Если брать во внимание современную Германию, да и всю современную Европу, то религиозный вопрос стоит здесь наиболее остро. В центре дискуссии при этом открытые религиозные символы, именно они порождают стереотипы по поводу той или иной религии, а непринятие их другими религиозными течениями провоцирует общественные волнения, как следствие – дискриминация.

На территории современной Германии проживает около 3,3 миллионов мусульман, из них около 800 000 имеют немецкий паспорт. Конституция Германии как демократического государства гарантирует свободу вероисповедания (Glaubensfreiheit), в связи с этим ислам может беспрепятственно проповедоваться на территории страны. Однако само общество, как выяснилось, не готово к такому всеобъемлющему распространению исламской культуры, что явилось причиной возникновения межкультурных конфликтов, породило стереотипы [2]. Особенно обострилась дискуссия после скандальных выступлений Тило Саррацина, председателя Бундесбанка, который в 2010 году опубликовал книгу «Deutschland schafft sich ab» (интересно даже название книги, так как глагол «sich abschaffen» имеет два значения: «тяжело работать/вкалывать» и «мучаться». Верно, по-видимому, и то, и другое).

Неприятие обществом распространения исламской культуры является причиной появления в речи дискриминирующих понятий, которые политкорректность заменяет более этичными либо советует избегать. Одной из самых обсуждаемых тем в современном европейском обществе является так называемый «Kopftuchstreit» (спор о хиджабе). Хиджаб, между тем, не просто платок, который носят мусульманки, в исламе хиджабом называют всю одежду, закрывающую человека с головы до пят. В западном обществе хиджаб рассматривают в основном только как платок на голове мусульманки. Слово «Hidschab, m» присутствует в немецком языке, но заменяется на всем понятное «Kopftuch, n» (платок). Это слово послужило основой для возникновения многих сложных слов с первой частью «Kopftuch-». Итак, «Kopftuchstreit, m», «Kopftuchmädchen, n», «Kopftuchfrau, f», «Kopftuch-Debatte, f», «Kopftuchverbot, n» и т.д. При этом «Kopftuchmädchen, n», «Kopftuchfrau, f» являются уже непolitкорректными по отношению к женщине или девушке. «Kopftuch» рассматривают в основном не как «Ausdruck einer kulturellen Tradition» (выражение культурной традиции), а как «Unterdrückungssymbol» (символ угнетения) [3], а также «Fremdheit und

Nichtintegration» (отчужденность и нежелание интегрироваться) [6]. «Kopftuchfrau» рассматривается как религиозный фанат, не приемлющий интеграции [6]. «Kopftuch» как религиозный символ стал абсолютным стереотипом, что выражается в следующем «Kopftuch bedeutet Problem» und «kein Kopftuch bedeutet Fortschritt» (Платок значит проблема, отсутствие платка значит прогресс)[6].

Как политкорректное обозначение в прессе используются либо просто «Muslimin, f» (мусульманка), либо более распространенные «eine Kopftuch tragende Muslimin (мусульманка, которая носит платок), eine Journalistin u.ä. mit Kopftuch (журналистка или пр. в платке), eine muslimische Journalistin u.ä., die ein Kopftuch trägt» (мусульманская журналистка или пр., которая носит платок). Важно то, что распространенное ранее обозначение «Mohammedaner, m» (магометанин) заменяют теперь лексемами «Muslime, m/Muslimin, f» или «Moslime, m/Moslimin, f» (мусульманин/мусульманка). Встречается также описательное словосочетание «muslimische Einwanderer/Migrant, m» (мусульманский эмигрант). В отличие от прежнего «Mohammedaner, m» здесь отсутствует намек на религиозные взгляды человека, а именно на то, в какого Бога он верит [1,633].

Ислам как мировая религия все чаще рассматривается западными странами как «kollektive Bedrohung westlicher Werte»(коллективная угроза западным ценностям), возникло новое явление, получившее название «Islamophobie» (исламофобия) [6]. Как следствие этого даже религиозный символ и титул «Ayatollah, m» (аятолла) постепенно превратился в дискриминирующее понятие как признак нетолерантности и деспотизма [6].

Слово «Islamistenprozess, m» (исламистский процесс) следует заменять на «Terrorprozess, m» (террористический процесс) [6], чтобы не ощущалось связи с религией. В прессе часто можно встретить подобные замечания «Terroranschläge aus der islamischen Welt» (террористические акты из исламского мира), что привело к тому, что все исламское («Islamisches») стало синонимом насилия, жесткости, горя для всего человечества [6].

Сложно сделать вывод о том, являются ли открытые религиозные символы признаком мультикультурного общества или причиной распрей внутри него. Политкорректность как явление, призванное заменить более благозвучными эвфемизмами ряд социально важных понятий, требует внимательного отношения к выбору номинаций религиозных символов, что помогает сделать межкультурный, а именно межрелигиозный диалог («interreligiöser Dialog»), более открытым и бесконфликтным.

Список литературы

1. Duden. In 12 Bd. Bd.9. Richtiges und gutes Deutsch. Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. – 6. Aufl. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverl., 2009. – 1056 S.
2. <http://www.magazin-deutschland.de/de/artikel/artikelansicht/article/religion-mit-vielen-facetten.html>
3. <http://www.tagesanzeiger.ch/schweiz/standard/SRGMKandidatin-mit-Kopftuch-loest-Wirbel-aus/story/13237242>
4. <http://politike.ru/dictionary/839/word/politkorektnost>
5. <http://www.spiegel.de>

6. http://www.uibk.ac.at/gleichbehandlung/sprache/leitfaden_nicht_diskr_sprachgebr_auch.pdf

Т.В. Соколова, Т.С. Кириллова

Астраханская государственная медицинская академия

История возникновения и основные принципы нейро-лингвистического программирования

Что есть нейро-лингвистическое программирование и откуда оно появилось? Какие идеи стоят за этим названием?

«*Нейро*» происходит от греческого «*neuron*», означающего *жила, нерв*. В свою очередь последний термин относится к нервной системе, к путям, по которым информация поступает в мозг от пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса, и НЛП исходит из предпосылки о том, что все поведение есть результат неврологических состояний. «Лингвистическое» - тоже производное, на этот раз от латинского «*lingua*», означающего «язык» и являющегося корнем слова «*лингвистика*». Лингвистическая часть НЛП основана на том, что неврологические процессы направляются, управляются и динамически формулируются в персональных моделях и стратегиях, которые предъявляются человеком через его речь и системы коммуникации. Наконец, «*программирование*» относится к процессам, используемым человеческими существами для организации и реорганизации сенсорных представлений своего мира в стремлении достигнуть специфических результатов [2:13].

НЛП — это искусство и наука о личном мастерстве. Искусство, потому что каждый вносит свою уникальную индивидуальность и стиль в то, что он делает, и это невозможно отразить в словах и технологиях. Наука, потому что существует метод и процесс обнаружения паттернов=patterns (систематически повторяющихся, устойчивых элементов поведения), используемых выдающимися личностями в любой области для достижения выдающихся результатов. Этот процесс называется моделированием, и обнаруженные с его помощью паттерны, умения и техники находят все более широкое применение в консультировании, образовании и бизнесе, для повышения эффективности коммуникации, индивидуального развития и ускоренного обучения [3:8].

НЛП возникло в начале 1970-х годов и стало плодом сотрудничества Джона Гриндера, который был тогда ассистентом профессора лингвистики в университете Калифорнии в Санта Крузе, и Ричарда Бэндлера — студента психологии в том же университете. Ричард Бэндлер, кроме того, интересовался психотерапией. Они вместе изучали действия трех выдающихся психотерапевтов: Фрида Перлза, новатора психотерапии и основоположника школы терапии, известной во всем мире под названием «гештальт-терапии» (от нем. *gestalt* - целостная форма, структура)=(одна из школ современной зарубежной терапии). Гештальт-терапевты считают, что в основе целостного лечения лежат целостные образования (Гештальты); Вирджинии Сатир, необыкновенного семейного психотерапевта, которой удавалось разрешать такие трудные семейные взаимоотношения,

которые многие семейные психотерапевты находили неприступными; и, наконец, Милтона Эриксона, всемирно известного гипнотерапевта.

Гриндер и Бэнндлер открыли и проанализировали паттерны этих высокоэффективных психотерапевтов. Все они очень различались как личности, но как терапевты использовали в работе со своими пациентами схожие наборы паттернов. Оказалось возможным выделить, проанализировать и сгруппировать эти паттерны в специфические структуры, используемые этими специалистами. Основные открытия касались языка, используемого психотерапевтами в консультировании своих клиентов. Также они касались неврологических паттернов, которые поддерживали язык, использованный в терапии, и того способа, которым реальность была сенсорно представлена в опыте, программировала поведение и выражалась в нем [1:10]. Начиная с этих моделей, НЛП развивалось в двух взаимодополняющихся направлениях: во-первых, как процесс обнаружения паттернов мастерства в любой области человеческой деятельности; во-вторых, как эффективный способ мышления и коммуникации, практикуемый выдающимися людьми.

В последние годы нейро-лингвистическое программирование получило широкое признание в кругах лиц, занимающихся рекламой, маркетингом и публич-рилейшенз, как более или менее доступный набор явно указанных навыков и техник речевого и неречевого взаимодействия.

Вместе с тем, особенно в России, где по-прежнему сильны традиции научного подхода, нейро-лингвистическое программирование подвергают критике. К примеру, известный психолог А.А. Брудный считает это направление попсихологией, т.е. теорией, которая внешне понятна и ясна, но вместе с тем совершенно ненаучна [6:4].

Действительно, многое, что касается теоретического обоснования нейро-лингвистического программирования, не очень строго, не очень доказуемо и эклектично. Не приводится ни одного эксперимента, который был бы воспроизводим и валиден. Вводится ряд терминов, которые понятны лишь сторонникам этих взглядов, а некоторые термины перетолковываются.

Однако НЛП сохраняет свои позиции в околонуучной сфере. Нейро-лингвистическое программирование — это не теория, способная объяснить всю коммуникацию, а лишь некоторый набор техник, которые можно применить в отношении речевого общения.

Р. Дилтс в своей книге «Моделирование с помощью НЛП», отмечает, что нейро-лингвистическое программирование (сокращенно — НЛП - энэлпи или энэлпэ) базируется на некоторых принципах [4:17].

- «выбора лучше, чем его отсутствие;
- люди всегда делают наилучший выбор доступный им в данный момент;
- люди уже располагают всеми необходимыми ресурсами, им нужно лишь найти доступ к этим ресурсам в соответствующем месте и времени;
- нет поражений, есть лишь возможность получить новый опыт;
- карта не есть территория;
- люди реагируют на свою карту реальности, а не на саму реальность;
- любой человек может сделать все. Если кто-то один делает что-либо, то возможно смоделировать и научить другого;

- можно достичь всего, если разбить задачу на достаточно мелкие части;
- в любой системе оказывается ведущим тот элемент, который наиболее гибок;
- любое поведение полезно в некотором контексте;
- за каждым поведением скрывается позитивное намерение».

Практически каждое из этих положений имеет свою физиологическую и лингвистическую основу. К примеру, когда в нейро-лингвистическом программировании говорится о картах и территориях, то имеют ввиду и индивидуальные различия между людьми, и то, что разные люди интерпретируют одно и то же событие по-разному.

Или, к примеру, говоря об отсутствии поражений, нейро-лингвистическое программирование предлагает рефрейминг-переформулировку, основанную на поиске и нахождении антонимов и ассоциаций, которые могут быть «привязаны» к предикату, психологическое значение которого предстоит изменить:

Маленький, но зато легкий.

Большой, зато не украдут.

Быстро кончилось — больше свободного времени.

Говоря о возможности разбиения задачи (тут постулируется отсутствие проблем — есть только задания, которые надо решить), нейро-лингвистическое программирование обращается к риторике и тактикам ведения переговоров. В число ресурсов личности при этом включается и язык в целом, и речевые структуры, используемые нами в повседневной речи.

Одна из моделей — так называемая В.А.Г.Е.Л. - предлагается в качестве набора поведенческих микроразличий, которые могут быть использованы для идентификации и усиления когнитивных физиологических состояний [5:28].

Body posture (поза тела)

Accessing ques (невербальные ключи доступа)

Gestures (жесты)

Eye movements (движения глаз)

Language patterns (языковые паттерны)

Играя на антонимах и ассоциациях, нейро-лингвистическое программирование использует законы человеческого восприятия речи. Это проявляется в том числе и в использовании пресуппозиций. Так, фраза предполагает наличие нескольких пресуппозиций:

Если эта собака залает, мне придется выставить ее из дома.

(1) *У говорящего есть дом.*

(2) *У говорящего есть собака, которая лает.*

(3) *Говорящий не любит лающих собак.*

Употребление даже самых обычных фраз, тем самым, может представлять собой умение сказать то, что явно не выражено. А умение распознавать эти пресуппозиции и использовать их в речи позволяет лучше понимать собеседника. Тем самым, нейро-лингвистическое программирование активно разрабатывает техники общения, основанные на использовании косвенных речевых актов. Это, в свою очередь, позволяет противостоять манипулированию, которое представляет собой побуждение человека к совершению действий, смысл которых ему не известен.

Список литературы

1. Андреал, С. НПЛ: Современные психотехнологии / С. Андреал, Т. Халбон. – М., 2000.
2. Бейли, Р. Теория и практика НПЛ / Р. Бейли. – С-Пб., 2000.
3. Гриндер, М. НПЛ в педагогике / М. Гриндер, Л. Ллойд. – М., 2001.
4. Дилтс, Р. Моделирование с помощью НПЛ / Р. Дилтс. – СПб., 2000.
5. Люис, Б.А. Магия НПЛ без тайн / Б.А. Люис, Р.Ф. Пуселик. – М., 2000.
6. «Психология», прил., к газете «Первое сентября», 1999, № 5.

О.А. Степаненко

Курганский государственный университет

Индивидуально-авторская картина мира в ее динамическом аспекте (на материале произведений Ф.Брауна)

*«Словарь поэта – это ключ к тайнам его духа»
Андрей Белый*

Исследование поэтической или индивидуально-авторской картины мира (АКМ) является в настоящее время одним из актуальных направлений в изучении языковой картины мира (ЯКМ) [4: 170]. В рамках данного направления рассматриваются индивидуально-авторские концепты, смысловые доминанты идиостиля авторов прозаических и поэтических художественных произведений и другие проблемы. Наш интерес к изучению АКМ в ее динамике обоснован не только актуальностью, о чем речь шла выше, но и ее ценностью как варианта ЯКМ, которая заключается в целостном восприятии мира творческой и «творящей» языковой личностью автора.

В качестве исходной гипотезы рассматриваем следующее: АКМ является особым динамическим образованием, которое соотносится с определенным историческим контекстом. Кроме того, в силу индивидуальной эстетической энергетики, присущей автору, АКМ задает (аналогично тому, что отмечено в отношении ЯКМ) образцы интерпретации воспринимаемого в динамической ретроспективе.

Цель данного исследования – выявить определенные тенденции развития АКМ современного немецкого поэта Фолькера Брауна. Прежде чем обратиться непосредственно к поэтическим произведениям Ф.Брауна, материалам нашего исследования, считаем целесообразным уточнить ряд понятий, которыми мы оперируем в рамках данной статьи, в виду многообразия их толкования. Наиболее актуальными в контексте нашей темы являются понятия ЯКМ, АКМ и ЯЛ (языковой личности).

Базовое определение языковой личности, данное Ю.Н.Карауловым и ставшее по праву хрестоматийным, является, на наш взгляд, квинтэссенцией всех последующих дефиниций данного понятия: «ЯЛ – это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им

речевых произведений» [3: 3]. Важно отметить, что ЯЛ автора объединяет в себе три основных уровня абстракции. Любое поэтическое или прозаическое произведение подобно лакмусовой бумаге «проявляет» индивидуальность автора, его концептуальную картину мира (ККМ). Будучи «нестандартной языковой личностью» (термин Г.Г.Слышкина), автор обогащает ККМ личностными смыслами и только ему присущими ассоциациями. В связи с этим наиболее актуальной представляется следующая дефиниция ЯКМ – это «информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями» [5: 178].

ЯКМ автора – это его представление о мире, стоящее за конкретным языком, носителем которого он является, и репрезентированное системой языковых средств, прежде всего, лексическими средствами языка. Для выявления сути АКМ следует обратиться к структуре ЯЛ, которая согласно теории Ю.Н.Караулова включает три уровня: вербально-семантический, когнитивный и прагматический [цит. по 2: 150]. Опираясь в процессе анализа произведений Ф.Брауна на данную теорию, считаем возможным выявить динамику развития его АКМ. Для достижения цели исследования используем методы лингвистического анализа, среди которых семантический, контекстуальный и дискурсивный анализ. Не умаляя роли остальных методов, отметим особую значимость дискурсивного анализа, который рассматриваем «как средство социально-исторической и идеологической реконструкции «духа времени», проникновения в глубинную структуру текста, его смысл» [6: 78].

В процессе дискурсивного анализа неизбежно обращение к социально-историческому контексту, целому спектру различного рода факторов: политических, идеологических, национально-культурных. Так, ответ на ключевой вопрос об условиях, позволивших Ф.Брауну, представителю писателей ГДР, связать с определенными лексемами, как, например, *Mauer (стена)*, *Eigentum (собственность)*, *Nachruf (некролог)* определенный смысл, следует искать в немецком дискурсивном пространстве. В данном случае речь идет о дискурсе «как о языковом выражении определенной общественной практики, упорядоченным и систематизированным особым образом использованием языка, за которым стоит социально, идеологически и исторически обусловленная ментальность» [6: 78].

Обратимся к поэтическим произведениям Ф.Брауна, каждое из которых, на наш взгляд, является определенной вехой не только в творчестве поэта, но и в жизни немецкого общества. В 1966 г. было опубликовано стихотворение «Die Mauer», посвященное Берлинской стене, которое, по справедливому мнению литературного критика М.Брауна [8: 86], явилось «верхом бунтарства» - «ein Ausbund an Renitenz» (здесь и далее перевод наш – О.С.). Сам факт упоминания о «стене» в этот период (60-е годы XX века) действительно требовал определенного гражданского мужества, которое было в полной мере присуще молодому поэту (Ф.Браун родился 7 мая 1939 года). Метафорическое сравнение стихотворения с «прикосновением к открытым ранам ГДР» («Allein schon der lyrische Hinweis auf die Mauer rührte 1966 an die offenen Wunden der DDR») - дань уважения автору и восхищение его смелой гражданской позицией. С болью и

негодованием Ф.Браун говорит о чудовищности всего происходящего. Он не выбирает изящные слова, скорее, наоборот: «стена» ассоциируется у него с «грязью из бетона»: «Das ist Dreck aus Beton, ...» («Dreck» – разг. «грязь, дрянь»), с «каменной границей» («steinerne Grenze»), которая «держит курс на войну»:

Schrecklich
Hält sie, steinerne Grenze
Auf was keine Grenze
Kennt: den Krieg. ...

Недопустимость и неуместность такого «сооружения» поэт подчеркивает с помощью лексемы *Unbau*, где префикс «un» выражает отрицательную оценку, свойственную таким лексемам, как *Unmensch*, *Unstern* (*изверг*, *злой рок*):

Ich sag: es steht durch die Stadt
Unstattlich, der Baukunst langer Unbau
Streicht das schwarz
Die Brandmauer (schießt drauf).

Достаточно прочитав следующие его строки, посвященные знаменитой Берлинской стене, чтобы понять его критический настрой по отношению к своему государству (ГДР):

Und sie hält
Im friedlichen Land, denn es muß stark sein
Nicht arm, die abhaun zu den Wölfen
Die Lämmer. Vor den Kopf
Stößt sie, das gehn soll, wohin es will, nicht
In die Mässengräber, das
Volk der Denker.
Aber das mich so hält, das halbe
Land, das sich geändert hat mit mir, jetzt
Ist es sichrer, aber
Ändre ichs noch? Von dem Panzer
Gedeckt, freut sichs
Seiner Ruhe, fast ruhig? Schwer
Aus den Gewehren fallen die Schüsse:
Unsre Schande: zeigt sie
Macht nicht in einem August.

С одной стороны, поэт не может не видеть противоречий социалистической действительности, которые для него неприемлемы. Горечью проникнуты строки, связанные с так называемыми «стрелками» («Mauerschützen»), пограничниками ГДР, которые в соответствии с приказом стреляли в безоружных людей, «беженцев республики» («Republickflüchtlinge»), своих же сограждан. Горькая ирония звучит в словах автора, посвященных его якобы «мирной стране», где происходили известные события, которые Ф.Браун называет «наш позор» - «unsre Schande». За этими строками судьбы тех (свыше 8000) немцев, которые погибли при попытке бежать из Восточного Берлина в Западный Берлин. С другой стороны, однако, поэт осознает свою сопричастность к стране, в кото-

рой он живет и которую, используя перифразу, с чувством досады и сожаления называет «das halbe Land» (дословно – «полустрана», «половина страны»). Эта сопричастность эксплицирована и притяжательным местоимением в словосочетании «**unsre** Schande» («**наш** позор»). Таким образом, проявляя, если можно так сказать, критический энтузиазм, он продолжает надеяться на возможные изменения к лучшему. Что это – «политическое лавирование» (выражение М.Брауна) или утопический социализм? Можно ли рассматривать Ф.Брауна как «придворного поэта» или «утопического социалиста»? Вопросы эти далеко не риторические. Убедительный ответ, на наш взгляд, дает на них В.Эммерих [9: 78], когда говорит о вере писателей в новый социалистический строй, с которым они связывали свою судьбу, не представляя себе возможных последствий. «Отрезвление» пришло позднее, однако Ф.Браун, как и многие другие, сохранял иллюзию относительно «истинного социализма». Со временем эти иллюзии все больше отрывались от действительности: «чем грязнее практика, тем чище утопия» – «Je beflecker die Praxis, desto reiner die Utopie» [9: 79].

Внутренние противоречия и амбивалентность, присущие Ф.Брауну, проявились достаточно ярко и в его стихотворении «Das Lehen», написанном в 1987 г.

Die Bleibe, die ich suche, ist kein Staat.
Mit zehn Geboten und mit Eisendraht:
Sähe ich Brüder und keine Lemuren.
Wie komm ich durch den Winter der Strukturen.
Partei mein Fürst: sie hat uns alles gegeben
Und alles ist noch nicht das Leben.
Das Leben, das ich brauch, wird nicht vergeben.

Название связано с историческим понятием. Так, в словаре «das Lehen» – «gegen Verpflichtung zum Treue und Kriegsdienst verliehenes erbliches Nutzungsrecht an einem Landgut», «das verliehene Gut selbst» [10: 2325]. Имеется в виду «право на владение поместьем (по наследству) в обмен на обязательство быть преданным».

Скептическое отношение поэта по отношению к своему государству звучит достаточно убедительно, но этот скептицизм вызывает у него только горечь разочарования и досаду. Причина такого настроения связана с постепенной утратой иллюзий.

Несмотря на преданность, которую поэт как личность испытывает по отношению к своей стране, правящая партия, считающая, что «все дала» своим гражданам – «sie hat uns alles gegeben», ассоциируется у него с неким «князем». Особо горько звучат слова: «Und alles ist noch nicht das Leben» – «все – не значит еще жизнь». Анализируя стихотворение «Das Lehen», нельзя не заметить уже на уровне названия его созвучность известному стихотворению немецкого средневекового поэта Вальтера фон дер Фогельвейде «Ich han min lehen», в котором отражена аналогичная амбивалентность отношения к господину. Для Ф.Брауна в роли такого «господина» выступает государство в лице партии (СЕПГ), которая считает себя призванной вершить судьбы людей. Поэт с трудом может мириться с этим, однако проявляет определенную лояльность.

Для Ф.Брауна жизнь ассоциируется, прежде всего, со свободой, в том числе свободой выбора, которой он, как и другие, был лишен. Тема свободы, вернее, ее отсутствия эксплицирована яркими метафорами и сравнениями, например: «Winter der Strukturen», «Mit zehn Geboten und der Eisendraht». Достаточно прозрачный намек на определенные «препоны» со стороны партии и социалистического государства заключен в следующей строке: «Wie komme ich durch den Winter der Strukturen». Эта метафора вполне обоснована конкретным фактом из творческой биографии Ф.Брауна: его «Незаконченная история» – «Unvollendete Geschichte» была опубликована спустя 13 лет после написания.

Следующее по времени создания стихотворение «Nachruf» («Некролог»), опубликованное в 1990 г. в газете «Neues Deutschland», является, по признанию критика [7: 88], одним из самых дискутируемых поэтических произведений периода «поворота» («Wende»):

Da bin ich noch: mein Land geht in den Westen
KRIEG DEN HÜTTEN FRIEDE DEN PALÄSTEN
Ich selber habe ihm den Tritt versetzt.
Es wirft sich weg und seine magre Zierde.
Dem Winter folgt der Sommer der Begierde.
Und ich kann bleiben, wo der Pfeffer wächst.
Und unverstündlich wird mein ganzer Test
Was ich niemals besass wird mir entrissen.
Was ich nicht lebte, wird ich ewig missen.
Die Hoffnung lag im Weg wie eine Falle
Mein Eigentum, jetzt habt ihrs auf der Kralle.
Wann sag ich wieder mein und meine alle.

Со времени своего появления это стихотворение стало частью самых жарких дискуссий, прежде всего, в контексте легитимности объединения Германии. Уже сам заголовок эксплицирует резкую негативную реакцию поэта на соответствующий исторический факт в истории Германии. Ф.Браун, точнее, его лирический герой выражает свою готовность стоять на своем, однако его страна «ушла на Запад» - «Da bin ich noch: mein Land geht in den Westen». Горькая ирония пронизывает признание лирического героя. Запад, по образному выражению поэта, цепко держит в своих «когтях» то, что должно принадлежать ему, т.к. было его собственностью: «Mein Eigentum, jetzt habt ihrs auf der Kralle». Экспрессивность и эмоциональность звучания строкам придает соответствующая лексика: глагол «entreissen» («вырвать, отнять, выхватить»), идиоматическое выражение «etw. auf der Kralle haben». Интересно отметить, что позднее, например, в сборнике, опубликованном в 1999г., это стихотворение имеет название «Eigentum» («Собственность»), эксплицирующим связь с поэмой Фридриха Гёльдерлина (немецкого поэта 1770-1843), что далеко неслучайно, т.к. в творчестве Ф.Гёльдерлина находит выражение его разлад с обществом и самим собой. Аналогично чувствует себя и лирический герой Ф.Брауна. Можно, конечно соглашаться или не соглашаться с интерпретацией этого стихотворения, предложенной немецким критиком Михаэлем Брауном, который считает, что поэт представляет общество ГДР как некую женщину, которая «унижается» («wirft sich weg»), лишаясь своего скудного украшения («seine magre Zierde»), а

сам выступает в роли отвергнутого любовника, яростно сетующего на происходящее. Однако в любом случае лирический герой, как и сам поэт, не в силах справиться со своими чувствами, его удручает разочарование, звучащее, на наш взгляд, в каждой строке. Поэт понимает, что «надежда была лишь ловушкой» – «Die Hoffnung lag im Weg wie eine Falle». Он лишен всего, т.к. лишен Родины, которой ему будет всегда не хватать – «... wird ich ewig missen». Таким образом, более позднее название стихотворения – «Eigentum» - представляется вполне оправданным, если учесть, что в «родственной» поэме речь идет о поэзии как последнем пристанище поэта. Как и его знаменитый предшественник, Ф.Браун лишился всего, что было ему дорого. Свое убежище он находит лишь в поэзии. Глубоко меланхолично звучат строки: «Und unverständlich wird mein ganzer Text».

Выступая на семинаре в университете г. Гёттингена (2007 г.), М.Браун назвал это стихотворение «наиболее эстетически удачным примером меланхолического сознания писателей ГДР после «поворота» 1989 г.» – «Dieses Gedicht ist bis heute das ästhetisch gelungenste Exempel für das melancholische Bewusstsein der DDR - Schriftsteller nach der Wende von 1989» [8: 88].

В процессе анализа стихов поэта, рассмотренных выше, можно убедиться в том, что Ф.Браун действительно «прощается» со своими иллюзиями относительно социализма, впадая в глубокую меланхолию в связи с разного рода потерями. Тональность его поэзии различна, т.к. изменяется мировоззрение поэта в силу определенных политических, социальных, культурно-исторических, идеологических и других факторов. Динамический аспект его АЯКМ объясняется пульсирующим характером, способностью изменяться в результате работы деятельного творческого ума поэта. АКМ Ф.Брауна проявляется во всей множественности субъективных моментов, составляющих неповторимую эстетическую энергетику, присущую данному автору. Несмотря на явные заблуждения, его не без оснований называют «единственным в своем роде»: «exemplarischer Dichter» [8: 87]. Кроме того, анализируя такое сложное многомерное явление, как АКМ, представляется логичным заметить, что всегда останется «свободное пространство, в рамках которого могут ставиться новые вопросы и пересматриваться старые ответы» [7: 331].

Список литературы

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология. Ценно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф.Алефиренко. – М., 2010.
2. Зинченко, В.Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учебное пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. – М., 2007.
3. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов, Е.В. Красильников // Язык и личность– М., 1989. – с.3-11
4. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / В.А.Маслова. – М., 2008.
5. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С.173-204.

6. Чернявская, Е.В. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие / Е.В.Чернявская. – М., 2006.
7. Чернейко, О.Л. Лингво-философский анализ абстрактного имени / О.Л.Чернейко. – М., 1997.
8. Braun, Michael. Ich bin die grösste Lüge des Landes. Melancholie statt Utopie: Die «Wendezeit» in gedichten / Deutschland und die «Wende» in Literatur, Sprache und Medien / Hrsg. H. Casper – Hehne, I.Schweiger. – Göttingen: Universitätsverlag, 2008. – S. 85-96.
9. Emmerich, Wolfgang. Die literarische Intelligenz in Ost und West seit 1945 : Selbstbilder - Optionen – Entscheidungen . Deutschland und die «Wende» in Literatur, Sprache und Medien / Hrsg. H. Casper – Hehne, I.Schweiger. – Göttingen: Universitätsverlag, 2008. – S. 67 - 84.
10. Wahrig, Gerhard. Deutsches Wörterbuch / Verlagsgruppe Bertelsmann GmbH. Lexikon - Verlag, Gütersloh, Berlin, München, Wien, 1968, 1975.

О.Б. Пономарёва

Тюменский государственный университет

Интеграция концептов в поэтическом тексте

Представители когнитивной лингвистики подчеркивают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним. Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа или системы образов, так называемого пятого квазиизмерения (термин А.Н. Леонтьева). Это система значений, или определенное «смысловое поле». Картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных, этических, культурных, социальных и др. параметров. Изучая семантику слов, можно выявить специфику мыслительных (когнитивных) процессов и моделей, участвующих в создании своеобразной наивной картины мира, зачастую отличной от научной.

Наряду с языковой картиной мира можно говорить и о поэтической картине мира как особого, сложнейшего мира мыслей, эмоций и духовных ценностей человека. Слово, являясь базовым, центральным, ключевым знаком языка, речи и текста, передает, выражает, моделирует в тексте реальный и ирреальный миры и формирует поэтическую картину мира того или иного художника слова [Бабенко 2000; Казарин, 2004].

Лексический уровень играет ведущую роль в образовании тех или иных смыслов поэтического текста, так как текст имеет лексическую структуру, строится по сетевому принципу с учетом различных связей лексических единиц по горизонтали (линейное развертывание текста) и по вертикали (ассоциативно-семантические связи лексических единиц). Сетевой принцип предполагает наличие «узлов», фокусирующих пучки связей и отношений лексических элементов, образующих тематическую сетку [Арнольд, 1966; Болотнова, 1989; Новиков, Ярославцева, 1990]. Корни языковой образности, по мнению Ю.Н. Карау-

лова, уходят в тезаурус, в систему знаний, и тезаурусное отражение действительности составляет основу познания [Караулов, 1987: 169]. Единицы лексического уровня в поэтическом тексте объединяются в семантические и тематические группы, образуя тематическую сеть содержательно-концептуальной структуры текста. Тематическая группа (далее ТГ) является иерархической структурой, включающей в себя базовое слово-идеологему как родовой маркер или идентификатор общей темы и общего комплексного смысла ТГ в качестве смысловой структуры поэтического текста и основного средства формирования той или иной поэтической картины мира [Бабенко, 2000].

Индивидуально-авторская картина мира в поэтическом тексте является отражением субъективных черт языковой личности ее создателя. Поэтический текст всегда антропоцентричен, представляя действительность через призму эстетического восприятия ее автором. Описание индивидуально-авторской картины мира может быть осуществлено с помощью концептуального анализа, выявляющего базовые концепты поэтического текста, составляющие его концептосферу. Аспекты концептуализации обусловлены как объективными законами мира, так и авторской личной позицией, его отношением к действительности. Аспекты концептуализации также помогают объяснить полевою структуру концептосферы, зависящей от способов языковой репрезентации концепта [Бабенко, 2000]. В когнитивной лингвистике говорят о метафорической модели как о способе концептуализации разного рода нематериальных объектов и процессов. Когнитивные модели играют существенную роль в описании концептуальной системы [Lakoff, 1990; Рахилина, 2000]. Термин «концептуальная метафора» как один из центральных объектов изучения в когнитивной теории метафоры представляет собой прямое соответствие между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества [Чудинов, 2001; Бурмистрова, 2003].

Альтернативный подход к анализу когнитивной метафоры известен как теория **концептуальной интеграции, или теория блендинга**. Основатели теории блендинга М. Тернер и Ж. Фоконье пришли к выводу о том, что метафоризация не исчерпывается проекцией из сферы-цели в сферу-мишень, а включает в себя **сложные динамические интеграционные процессы**, создающие новые смешанные ментальные пространства, которые способны в самом процессе концептуальной интеграции выстраивать структуру значения. Когнитивный подход к метафоре в рамках этой теории разрабатывался на основе синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье и теории концептуальной метафоры [Fauconnier, 2000, 2002].

М. Тернер и Ж. Фоконье предложили альтернативную двухдоменной модели метафоры (two-domain model) модель нескольких пространств (many-space model) [Fauconnier, Turner, 1998]. По мнению исследователей, однонаправленная метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цель представляет собой только частный случай более сложного, **динамического** и вариативного комплекса процессов, для актуализации которых необходимо ввести в исследование когнитивной метафоры два промежуточных пространства (middle spaces). Таким образом, в отличие от двух концептуальных доменов в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона предлагается рассматривать четыре ментальных пространства: два

исходных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и смешанное пространство (blended space) или бленд (blend). Исходные пространства соотносятся со сферой-источником и сферой-целью в теории концептуальной метафоры, хотя количество исходных пространств может быть больше двух.

M. Turner and G. Fauconnier offered the alternative many-space model considering Lakoff's two-domain model as a variety of dynamic and complex process involving four mental spaces instead of two: 2 input-spaces, generic space and blended space/ In-put spaces comprise source-domain and target-domain, but there might be more spaces actually.

При этом блендинг понимается довольно широко и не ограничивается исследованием процессов метафоризации. Блендинг – «когнитивный механизм, охватывающий многие когнитивные феномены, включая категоризацию, построение гипотез, инференцию, происхождение и комбинирование грамматических конструкций, аналогию, метафору и нарратив» [Fauconnier, Turner, 1998, p.3-4]. В теории блендинга метафора занимает место только одного из когнитивных механизмов, точнее разновидностью всеобщего механизма концептуальной интеграции. Исследователи блендинга ставят перед собой цель изучить метафору не как культурно-статический, а как **индивидуально-динамический феномен** [цит. по: Будаев, Чудинов, 2006].

Конвергенция и аккумуляция метафор, относящихся к одному и тому же прототипическому объекту, образуют **взаимодействующие семантические сети** и создают определенный абстрактный символ, состоящий из **сцепления, смешения, слияния или концептуальной интеграции**, которую А.А. Потебня называл «сгущением мысли» [Потебня, 1990]. Это способность сильно воздействовать на человека, приводить в движение механизмы ассоциаций, которые основаны на бессознательном, генетическом значении [см. об этом: Пищальникова, Сорокин, 1993; Молчанова, 2001].

Исследование механизмов метафоры и символа помогает выявить когнитивные процессы концептуализации как способа репрезентации знаний о мире в языковой форме. Рассмотрим когнитивные процессы концептуальной интеграции на примере стихотворения *H.W. Longfellow «The Twilight»*:

The twilight is sad and cloudy,
The wind blows wild and free,
And like the wings of sea-birds
Flash the white caps of the sea.

But in the fisherman's cottage
There shines a ruddier light,
And a little face at the window
Peers out into the night.

Close, close it is pressed to the window,
As if those childish eyes
Were looking into the darkness,
To see some form arise.

And a woman's waving shadow
Is passing to and fro,
Now rising to the ceiling,
Now bowing and bending low.

What tale do the roaring ocean,
And the night-wind, bleak and wild,
As they beat at the crazy casement,
Tell to that little child?

And why do the roaring ocean,
And the night-wind, wild and bleak,
As they beat at the heart of the mother,
Drive the color from her cheek?

Заголовок стихотворения определяет когнитивное пространство концепта «сумерки» как определенного сплава мысленных ассоциаций, связанных с данным образом. В стихотворении прослеживается иерархия в развитии семантических дериватов от прямых, конкретных значений концепта *twilight - time after sunset (CED)*, *полутьма между заходом солнца и наступлением ночи (ТСРЯ)* к метафорическим значениям, передающим эмоциональное состояние членов семьи рыбака и создающим сгущенный, укрупненный образ приближения трагедии, связанной с гибелью рыбака в бушующем океане.

Денотативное пространство текста определяется тематической группой, объединенной концептом «сумерки», служащим **семантическим центром** стихотворения. Авторская поэтическая картина мира, закодированная с помощью языковой семантики, актуализируются с помощью ассоциативных связей, объединенных в самые разнообразные тематические группы вокруг этого семантического центра.

Ментальное пространство концепта «twilight» создается ТГ «бушующего моря», «ветра», усиливающегося с приближением темноты, и антропоцентрическими ТГ: «жилище рыбака», «семья рыбака», ожидающая его возвращения с моря.

Оппозиция «света» и «тьмы», определяющая интенционал в семантической структуре лексемы «*twilight-сумерки*» в поэтическом тексте, представлена четырьмя ментальными пространствами: двумя исходными (input spaces), общим пространством (generic space) и смешанным пространством (blended space) или бленд (blend).

The opposition of “light” and “darkness” as the intensional in the semantic structure of the concept “*twilight*” in the poem by *H.W. Longfellow «The Twilight»* is represented by four mental spaces: two input spaces (the stormy and wild ocean in darkness) and (*a ruddier light shining in the fisherman’s cottage*). **Generic space** involves nature and people united by the storm, which might cause the tragic death of the fisherman (*And why do the roaring ocean/ And the night wind wild and bleak/ As they beat at the heart of the mother/Drive the color from her cheek?*).

Blended space comprises intensional, implicational and extensional of the semantic structure of the text with metaphorical and metonymical images of the child and his mother facing the approaching storm as he symbol of the fisherman's death. The symbolic image of the twilight is created by means of convergence of the denotative space of nature being personified into a destructive force threatening a tragedy.

Два исходных (input spaces): 1) «Ночной бушующий океан» (*The twilight is sad and cloudy, /The wind blows wild and free, /And like the wings of the sea birds/Flash the white caps of the sea.*) и 2) Свет жилища семьи рыбака (*But in the fisherman's cottage/There shines a radiant light,/And a little face at the window/Pierce out into the night./Close, close it is pressed to the window,/As if those childish eyes/Were looking into the darkness/To see some form arise*). 3) в общем пространстве (generic space) разрушительной бури, шторма вовлечена природа и люди (*What tale do the roaring ocean/ And the night wind, bleak and wild, / As they beat at the crazy casement, / Tell to the little child? / And why do the roaring ocean/ And the night wind wild and bleak/ As they beat at the heart of the mother/Drive the colour from her cheek?*).

Символика стихотворения создается конвергенцией, смешением денотативного пространства природы с ее персонификацией и превращением в разрушительную силу, приносящую трагедию гибели отца семьи – кормильца. 4) смешанное пространство (blended space), или бленд (blend) включает интенционал, импликационал и экстенционал семантической структуры текста с преобладанием метафорических и метонимических моделей семантической (синтагматической) деривации. Это лицо и глаза ребенка, вглядывающегося в темноту (*a little face at the window/ Pierce out into the night./ Close, close it is pressed to the window, /As if those childish eyes/Were looking into the darkness/ To see some form arise.*).

Волнение ожидания и трагические предчувствия матери также передаются с помощью метонимического образа (тени), вовлекая гиперболизацию, аллитерацию, антитезу, параллелизм и континуальность: *And woman's waving shadow/ Is passing to and fro, /Now rising to the ceiling, /Now bowing and bending low.*

Патетическое звучание поддерживается и ритмическим рисунком стиха (трехстопным ямбом в первых строфах, и ритмическими инверсиями: хореем, спондеем и пиррихием в последних строфах). Приближение трагедии имплицитруется и риторическими вопросами (*What tale...? Why do...?*) с метафорическими дериватами «*the ocean tells a tale/ the wind beats at the heart of the mother*). Центральный образ становится символом трагедии, гибели.

Сравним поэтическую картину мира, созданную Лонгфелло в выше приведенном стихотворении, со стихом Д.Г. Байрона с тем же названием:

TWILIGHT
G. G. BYRON

*It is the hour when from the boughs
The nightingale's high note is heard;
It is the hour when lovers' vows
Seem sweet in every whisper'd word;
And gentle winds, and waters near,
Make music to the lonely ear,
Each flower the dews have lightly wet,
And in the sky the stars are met,
And on the wave is deeper blue,
And on the leaf a browner hue
And in the heaven that clear obscure,
So softly dark, and darkly pure,
Which follows the decline of day,
As twilight melts beneath the moon away.*

Денотативное пространство текста также определяется тематической группой, объединенной концептом «*twilight*», служащим **семантическим центром** стихотворения. Вместе с тем, тональность стиха совершенно иная. Автор создает торжественную, возвышенную картину уходящего дня с помощью визуальных, слуховых и тактильных метафор, объединенных перифразой: *The twilight. The hour. The decline of day*. Музыкальная палитра осуществляется с помощью конвергенции иконических слуховых ассоциаций :

*It is the hour when lovers' vows
Seem sweet in every **whisper'd word**;
And **gentle winds, and waters near**,
Make music to the lonely ear,*

Тактильные ощущения присутствуют в описании росы, покрывающей каждый цветок:

*Each flower the dews have **lightly wet**.*

Визуальные образы созданы цветовыми красками приглушенных смягченных смешанных тонов и полутонов темно голубого, темно коричневого с использованием двойных эпитетов:

*And on the wave is **deeper blue**,
And on the leaf a **browner hue**
And in the heaven **that clear obscure**,
So **softly dark, and darkly pure**,*

Автор объединяет ментальные пространства земли, неба, людей в единую гармонию:

*And in the sky **the stars are met**.*

Торжественное звучание поддерживается и ритмическим рисунком стиха (трехстопным анапестом, ритмическими инверсиями: хореем, спондеем и пиррихием в последних строфах).

Сопоставляя две поэтические картины мира, мы можем видеть, как индивидуально авторские поэтические образы. В первом стихотворении преобладает оппозиция света и тьмы, моря и ветра, разрушающих судьбы людей. Во втором стихотворении природа и человек объединены общим пространством космоса, включающим ментальные пространства влюбленных, соловья, мягкий ветер и нежные волны, листву деревьев, луну, звезды. Здесь центральный образ становится **символом красоты, музыки, любви, гармонии природы и человека.**

Итак, поэтическая картина мира во многом формируется на основе языковой картины мира, но значительно отличается от нее индивидуально-авторскими пристрастиями, культурно-эстетическими, духовными и лингвистическими параметрами. Поэт является духовной личностью, воплощающей в себе аспекты языковой и речевой культуры определенного народа, текстовые, исторические и культурные черты его менталитета.

Список литературы

1. Арнольд, И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования: монография / И.В. Арнольд. – Л., 1966. – 192 с.
2. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста: монография / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин. – Екатеринбург, 2000. – 530 с.
3. Болотнова, Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня: монография / Н.С. Болотнова. Томск, 1989. – 181 с.
4. Будаев, А.В. Метафора в политическом дискурсе: монография / А.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. – 208 с.
5. Бурмистрова, М.А. Эволюция взглядов Дж. Лакоффа / М.А. Бурмистрова // Филологические науки. – 2003. – № 1. – С. 63-66.
6. Казарин, Ю.В. Филологический анализ поэтического текста: учебник для вузов / Ю.В. Казарин. – М., 2004. – 432 с.
7. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 264 с.
8. Молчанова, Г.Г. Когнитивная лингвистика и стилистическая типология / Г.Г. Молчанова // Вестник Московского университета. – 2001. – № 3. – С. 60-72.
9. Новиков, А.И. Семантические расстояния в языке и тексте: монография / А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева. – М., 1990. – 238 с.
10. Пишальникова, В.А. Введение в психопеэтику: монография / В.А. Пишальникова, Ю.А. Сорокин. – Барнаул, 1993. – 209 с.
11. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика: монография / А.А. Потебня. – М., 1990. – 344 с.
12. Рахилина, Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2000, Т. 59. – № 3. – С. 3-15.
13. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1994 – 928 с.

14. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование метафоры (1991- 2000): монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
15. Fauconnier, G. Conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner //
16. Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22. – № 2. – P. 183 – 203.
17. Fauconnier, G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. Fauconnier / G. Fauconnier, M. Turner. – Basic Books, 2002. – P. 47 – 65.
18. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things / G. Lakoff. – Chicago, 1990. – 178 p.
19. Longfellow, H.W. Twilight / H.W. Longfellow // An Anthology of English and American Verse. – М.: Progress Publishers, 1972. – 710 p.
20. Byron, G.G. Twilight / G.G. Byron // An Anthology of English and American Verse. – М.: Progress Publishers, 1972. – 710 p.

В.П. Фёдорова

Курганский государственный университет

Концепт «волхитка» в языковой картине мира зауральского крестьянства

Источниковедской базой статьи являются материалы фольклорного архива кафедры Истории литературы и фольклора, собранные в последние 40 лет на территории Курганской области. Ссылки на фольклорные тексты даются с указанием коллекции архива. Год записи текста фиксируется последними двумя цифрами наименования коллекции: «Г-97»; 97 означает 1997 год. Некоторые коллекции темпорально атрибутированы полностью: «Сф-2010».

Названная тема выходит на проблему региональной специфики общерусской традиции. Кроме того, важно показать, что происходит с древнейшими жанрами в новых социальных, исторических, бытовых, мировоззренческих составляющих человеческого бытия. Задача исторического изучения традиционного фольклора наиболее четко и ясно сформулирована В.Я.Проппом [1,167]. Э.В.Померанцева отмечала функциональное различие мифологических персонажей, в произведениях разных фольклорных жанров, не смотря на то, эти персонажи восходят к «общему источнику – народному верованию» [2,210]. Е.А.Аничков увидел главенствующую роль женщин в обрядовой жизни, в ведовстве и знахарстве [3,281].

Среди женских персонажей сказочной прозы края занимает *волхитка*, в которой объединены черты «знаткой», ведьмы, колдовки, колдуньи - исконной носительницы тайных, неведомых обычным людям знаний. Расшифровку функций и специфики этого образа даёт мужской персонаж – волхв. «Волхвы – языческие жрецы, посредники между людьми и богами. В языческие времена волхвы руководили обрядами, приносили жертвы богам, заботились о чистоте и неприкосновенности кумиров и мест богослужения» [4,190]. Положительную оценку волхву-оборотню-князю даёт былина «Волх Всеславич».

Вызывает возражение тезис о разделении функций между волхвами – мужчинами и волхвами-женщинами. Правда, тезис высказан в качестве предположения, гипотезы: «По всей вероятности, общественные магические действия производили мужчины-волхвы, а в семейном, домашнем обиходе, в вопросах гадания о личной судьбе, в лекарском знахарстве видная роль принадлежала женщинам, ведьмам (от глагола «ведать» - «знать») [5,190-191]. Поздняя стадия состояния обрядов свидетельствует о ведущей роли женщин и в общественной обрядовой жизни: изготовлении обыденных предметов (рубашек, полотенец) для предотвращения повальных болезней людей и скота. Напомним об обрядовом опахивании селений женщинами – тоже в пограничных ситуациях. Вспомним посев льна - ведущей культуры русского Севера и Зауралья. Лен кормил (льняное масло), одевал, обувал, согревал. Эти обряды выходили за рамки семейных. Лен, посеянный обнаженными женщинами, исполнявшими при этом специфические обряды, был незаменим в хозяйстве и духовной жизни: от веревочки до полога, от полотенца на красный передний угол до нитки для крестика младенца, от залавочника до полотенца на кресте намогильном. Разговор, думается, надо вести не в гендерном, а историческом, стадийном аспекте. Логично говорить, что женщины–жрицы занимают более глубинную стадию в обрядовой жизни.

Принятие христианства изменило и положение волхвов, и представление об истоках их магической силы. Они были объявлены подручными дьявола, наделившего их нездешней, вредоносной силой. Началась борьба с ними. Однако искоренить представления о людях, обладающих чарами, не удалось. Двадцать первый век на дворе, а боязнь «сглаза» идет с нами как отголосок немыслимых временных далей.

Борьба с волхвами была основательной. Летописи XI–XIII веков наполнены примерами схваток проповедников христианства и волхвов. Прав А.А.Афанасьев, отмечая власть языческих верований и старинных обрядов. По его выводам, вера в колдовство ещё в допетровское время «была общим достоянием всех классов общества», а в XIX веке составляла «исключительную принадлежность простонародья» [5,301]. Материалы архива КГУ позволяют говорить об устойчивости в XX веке и даже в начале XXI века, поверий в возложенность владения неведомой силой.

В чем проявляется вредоносность «колдовок»? Первое – наведение на человека порчи. Село Хлопово Половинского района известно тем, что люди ни с того, ни с сего начинают квохтать: «Ко-ко-ко». Так говорят в округе. С мотивом порчи, вероятно, был связан когда-то и мотив оборотничества. Изучение зауральских материалов позволяет сделать наблюдения над развитием этих мотивов. С одной стороны, порча выступает иногда в очищенной от оборотничества, так сказать, в чистом виде. Вред наносится словом, взглядом, действием. Повсеместно бытует текст о прекращении рода какого-нибудь овоща, семена которого взял наделенный дурным глазом человек чаще всего женщина. Обрыв нити жизни варьируется в сюжете, палитра которой полнится всем окружающим миром от уничтожения силы семян моркови до порчи младенца, человека, свадьбы. «Со мной лично было. Один год нарезала луку 40 ведер. Сдала много, луковка к луковке, глядеть любо дорого, солнцем отливало. Посадила на

другой год, осталось сколь – то. Приходит здесь один старичок: «Авдотья Ивановна, дай луку, продай». – «Да нет, - говорю, - у меня хорошего, мелочь осталась, поди, толку не будет. Возьми, коль совсем нету». Ну, взял он мешочек и унес мой лук. Пропал лук, начали у меня грядки сохнуть, и весь лук высох. А у них лук, как на выставку» (Архив КГУ. Колл. «Ильино 91». № 55).

Ряд сюжетов строится на мотиве противопоставления волхитки всей общности людей. Ее тайнами знаниями прекращается жизнь целого села. Однако былички оставляют просвет космосу: волхитка улетает в какой-то другой мир, жизнь на селе не обрывается. «Этот рассказ я слышала от своего деда. Он умер в 1990 году. В детстве я часто гостила у бабушки с дедушкой в деревне Щучьей. Это не районный центр, а деревня в Мишкинском районе. Деревня была небольшая, но красивая, вокруг неё были леса. Мне было лет 6-7. Один раз я услышала какое-то завывание около церкви. Мы там играли. Я побежала к дедушке и сказала, что слышала. Это завывание многие слышали. История вот какая. Когда-то в деревне давным-давно жила старая колдунья. Так ее и называли. У нее была одна дочь-уродец. Никто девку замуж не брал, не хотели жениться. Колдунья рассердилась на народ и стала пакостить. В этот год во многих селах было большое горе. То вся скотина подохнет, то дети малые умирали. И с каждым годом всё было хуже, хуже. И наконец люди решили убить эту старуху. Они схватили ее и привезли к церкви, привязали к шесту и решили поджечь. Не успели поджечь, она крикнула: «Не будет в вашей деревне жизни. Половина умрет, а другие уедут поневоле. «Она захохотала, крикнула: Деревни не будет через несколько лет». И ее не стало, а по ночам раздается ее хохот и одно слово: «Не будет». И правда, через несколько лет деревни не стало. Уезжали люди, оставляли свои дома пустыми. Да стоит развалившаяся церковь. Дедушку звали А.Ф.Шибанов (Архив КГУ. Колл. «Д-94». Лист.Н.Шибановой, 18 лет. С. «Восход» Мишкинского района).

Объектом злой силы колдовок часто становится корова - опора жизненных сил семьи и тотем. Ведьма или молоко отнимает, или изводит животное. Вот пример: «Мне рассказывала эту историю моя прабабушка. Ей сейчас 97 лет. Она жила в маленьком городке под Киевом. Её дочь, моя бабушка, была старшей дочерью. Один раз она несла молоко в ведре, подоила корову на лугу. Откуда ни возьмись Якилинка. О ней плохо говорили. Она жила одна, ни с кем не дружила, в церковь не ходила, икон в доме не было. И вот тут с бабушкой поравнялась Якилинка. Бабушка поздоровалась и плеснула молоком этой Якиленке на подол. Она и сама не знала, как это вышло. У неё подкосились ноги, и все тут. Ну, и пошло. Через неделю заболела корова, не стала подниматься на ноги. Прабабушка знала, что это наговор. Она взяла старую лошадиную подкову и пошептала через нее на корову, и бросила подкову в огонь. Все вроде наладилось. А тут опять беда. Забежала к нам во двор Якилинка. Она корчилась от боли, не могла говорить нормально шептала: «Выньте подкову из печи, я вам больше зла делать не буду». Моя прабабушка пожалела Якилинку и вытащила подкову из печи. Сделала она все-таки злое дело. У прабабушки была родная сестра. Она пришла к нашим, а дома никого не было. Она села на завалинку, отдыхает. Дело в том, что она беременная была. Якилинка подошла и говорит: «Помоги мне дрова распилить». Прабабушкина сестра была доброй, ну как не

помочь, ведь одинокая женщина. Ну, ладно. Положили они бревно на козлы, распилили. Положили второе. Только провели два раза по бревну, бежит моя прабабушка. Прибежала и крикнула: «Что ты делаешь! Сегодня святой праздник». Был какой-то церковный праздник. Наказание вышло. У пратётки моей родился сын, у него средний палец был только до половины, а указательный палец как бы два раза порезан – видны две полоски. Это я сама видела у бабушкиного сродного брата.

А еще люди сказывали, что каждую ночь из Якилинкиного дома выбегала лохматая собака, хотя Якилинка не держала собак. Многие говорили, что если встретишь эту собаку, то тут же нужно перекреститься три раза и один раз перекрестить эту собаку» (Архив КГУ. Колл. «Д-94». Лист. Э.Рыбиной 17 лет. Курган).

В Шатровском районе вспоминают странное событие: сошел с ума молодой парень, «связавшийся» с немолодой волхиткой: «В Овчининниковой жила зырянка, и было у нее две дочери. А в Широкове был парень. Он с ней связался, а моложе был. Надумал потом от нее отойти, бросить. Она и напустила на него дьявольё. И приключились с ним бабьи муки. Вот кровь из него пошла. Так и сгинул. Испортила зырянка Нефёда. Совсем полоумный сделался. Придет куда, сядет у лохани и ест из нее» (Архив КГУ. Колл. «Широково - 88». С.22).

Наиболее распространены сюжеты о порче свадьбы – продолжении семьи, дома, самой жизни. Порча насылается на жениха, невесту или всю свадьбу в целом. Порча жениха проявляется в мужском бессилии. Это прекращало свадьбу, комкало её, бесславило жениха, разрушало смысл события. В Самохвалове рассказала сваха от невесты, как привела какая-то волхитка в негодность вторую главную персону свадьбы. В спасительные операции его женихова достоинства были брошены обе свахи, тысяцкий и приглашенный «дедушко» - двоеданский наставник. В рассказе внимание сосредоточилось на трагедии жениха – молодого парня, на которого заглядывались девушки и оказавшегося в самый ответственный момент несостоятельным. Общими усилиями все-таки победили порчу. Главным средством снятия её были слово-заговор и скобы с бычьего рога, которые выпил бедолага. Темпоральные границы событий с мотивом порчи совпадают, как правило, со временем жизни рассказчиков. Они оказываются свидетелями человеческой трагедии, что придает рассказам достоверность. В Широкове Шатровского района помнят, как испортили в конце 50-х годов Маню Малофеевну. Красавица-невеста на собственной свадьбе лишилась разума. Рассказывала ее сестра Анна Малофеевна, 1911г.р. Рассказчица уловила зарождение и протекание болезни: «С моей сестрой-Маней Малофеевной было. Уже две вечеринки прошло. Фикус наряженный был. Ну, всё, как у людей. Большой стол- это потом для угощения. Маня Малофеевна под фикусом сидела. Жениха ожидали. Она уже переболакла. А уж лицо у нее огнем полыхало. Красная вся сделалась. Везут невесту к жениху, а она уже вся растуынилась. Доехали до ограды, а в дом не идут. Гости бегают по ограде. Все видят, Маню испортили. А испортила ее Фека. Она ведь сватьей нам приходилась. Тысяцкой сразу понял, кто Маню испортил, Говорит мамоньке: « Я пойду, Феку отстегаю кнутом». Так-то он к ней направился. Приходит, а Фека сидит вся космата, в волосах все натыкано. Он ее и давай стегать. Только не

помогло. Маня порченная сделалась. В Черной был Филатушка, знающий человек. Решили к нему ехать, потому как ничего с Маней сделать не могли. Уж и рубашку ее на росстанях жгли – не помогло. Мы с мамонькой даже ночевать ходили к ним. Ой, страшно было! Лежит Маня, да как забьется, забьется, даже подсакивает. А муж – то молодой её обнимат и сдерживат. Крепко испортили. Ну, дак и то сказать: когда убирали на утро Манин дом, то нашли под порогом волоса, скрученные кольцом Филатушка наговорил на воду и сказал: «Если до шести бань не поможет, то Маня на все время сделается не в разуме». Воду надо было эту пить да мыть в бане. А она, бедная, проглотить не может, всё в горле бурлит. Нет-та нет-та, проглотит. Крепко тиранилась. В четвертой бане ее разжало. Она как закричит: «Выгоните их всех, выгоните». Потом рассказывала, что рогатых в бане полным – полно было. Отпустило, правда, но больной сделалась. Дыхание у нее было тяжелое: как идет Маня, то слышно, что она» (Архив КГУ. Колл. «Широково-88 С.20-21).

В Зауралье бытовали былички о порче всей свадьбы. В Звериноголовском рассказывают: «Едет по дороге свадебный поезд. Вдруг какой-то неизвестный человек дает команду, и вылетают дуги со всех лошадей, жених с невестой выпадают из телеги, а в народе начинается паника. Человек этот исчезает!» (Архив КГУ. Колл. «Звериноголовское-90».С.139). Приводятся примеры, связанные с собственной семьей. В Самохвалове Шатровского района Е.Г.Неустроева рассказала, как пытались испортить свадьбу ее родителей. Свадьба была богатой, проезжала на четырех парах. Если бы не «сторож», свадьбу испортили бы» (Архив КГУ. Колл. «Самохвалово - 85» с.11) Увидел свадьбу один старик, когда она выезжала в Самохвалово. Обиделся, что его не позвали и: «Сейчас подшучу над этой богатой свадьбой. И вот при подъезде к Самохвалову кони встали, они все в поту переступали с ноги на ногу, испуганно тарасили глаза и не шли вперед. Но со свадьбой ехал другой старик, который тоже владел «чудесами». Он вышел, несколько раз обошел вокруг коней, и кони успокоились, а потом он сказал старику: «Мы поедем дальше, а ты будешь на этом месте падаль лизать». И свадьба поехала дальше, а когда она возвращалась, то увидели, что тот старик все на том же самом месте ползает по земле. Он взмолился отпустить его, и колдун, ехавший со свадьбой, отпустил его. Он только сказал: «Больше над свадьбами не шути» (Архив КГУ. Колл. «Самохвалово - 85» с.11).

Мифологические рассказы позволяют сделать вывод об истоках опасности волхиток: они – не представители иномирия. Их власть в том, что они мало чем отличаются от обычных людей. Правда, их выдают угрюмость, неразговорчивость. Выдают так же локус их проживания и хаос в жилье. «Горди-ха», по словам жителей одного из сел Шатровского района («не добрая память, не тем помянуть»), «как есть не взглянула в глаза ни одному человеку, не улыбнулась, не посмеялась, Всё у нее платок на глаза напущен. Жила на краю, одна, никого. Родня вовсе даже не хаживала. Да и люди обегали. Бывала я у нее. Везде травы, травы, травы. Сказать правду, кой-когда помогала травами. Ходили, когда уже конец. В сенках чугуны, корыто, какие-то дрова. Не перешагнуть» (Архив КГУ. Колл. «Самохвалово - 85» с.134).

Заметем сразу, что в поздней стадии развития образа волхитки сохранилась мифологема связи волховства с дьяволом – персоной тьмы, подземного мира, противопоставленному солнечному свету. Волхитки низко опускают платок на глаза. Умирают они мучительно и «отходят», когда лица коснется солнечный луч сквозь разобранную крышу.

В Мокроусовском районе записана быличка с мотивом бинарной оппозиции: тьма – свет: «Было очень давно. Рассказывали о моей прабабушке, что знала она разное колдовство. И когда стала умирать, то долго мучилась-до тех пор, пока не вывернули матицу у потолка. Похоронили её на кладбище, за озером. И вот ложимся вечером спать, вроде бы всё спокойно. Но как только становится 12 часов, поднимается огненный столб с кладбища, летит, прям к нам в ограду и падает. От этого удара весь дом ходуном ходит. И так каждую ночь. Решили мы тогда этот дом продать. Поселились другие в наш дом, а это всё продолжается. Тогда пошли они на кладбище и вбили осиновый кол в ноги нашей прабабушке. На этом все и закончилось» (Архив КГУ. Колл. «А-87» №532, запись в с. Мало-Песьяное Мокроусовского р-она от Е.Васильевой, 1928 г.р.).

В Зауральской традиции реализована вера в разную степень силы «знатких»: у кого больше, у кого меньше. *В схватке побеждает носитель положительной цели.* В региональной традиции более известен мотив схватки знатких–мужчин. В Шатровском районе со ссылкой на реального человека бытует быличка: Яварий рассказывал. Он старше нашего века был. Волхитов–то раньше много было. Помажут ворота барсучьим салом – лошади ни за что не пойдут, так и будут у ворот со свадьбой биться. Бабушка Настасья говорила: «Ехала свадьба. Остановилась. Ни с места. Послали за знающим. Он сделал что-то, свадьба пошла. А волхита как зажало-зажало и не отпускало. Его дьявольё на него же и напало. В своей же избе разогнуться не мог. (Архив КГУ. Колл. «Широково–88» С.22 записано от А.М. Малафеевой, 1912г.р). *Одно из проявлений знаний волхиток, её связей с нечистой силой является оборотничество – способность мифологических персонажей и людей, наделенных сверхъестественной силой, принимать чужой облик, превращаться в животных, растения, предметы, в атмосферные явления* Оборотничеству посвящена глава книги Н.А.Криничной [7, 640-710]. На большом материале ею сделан вывод о том, что вера «... в реальность перевоплощений была сильна ...» не только в России, но и в Европе [7, 641]. Н.А.Криничная отметила частотность мотива перевоплощения знатких в свинью, собаку, волка, кошку, птицу и подчеркнула его универсальность для русского фольклора (сказки, былины, заговоры и др.).

Главная цель колдовок – разогнать молодежь. Их задача – не допустить выбор пар, брака, появление детей. Отражая народную этику, былички допускают наказание волхиток, уничтожающих продолжение жизни. Крестьянство горой встает за детей и молодежь. «В деревне жила старуха. Её все сторонились, никто к ней не подходил. Она никого друзей не имела. Но в деревне то собака, то волк появлялись и пакостили. Один раз пошли мужики в лес дрова рубить. С топорами, пилами. Ну, со всеми инструментами. Вдруг откуда ни возьмись - свинья. Появилась и давай бегать вокруг них. Бегаёт, толкает, не отстает. Тогда один горячий мужчина взял да и рубанул ее топором. Свинья завизжала, задергалась и убежала. Потом эту старуху долго никто не видал. По-

том она появилась с забинтованной рукой. Оказалось, мужчина ей руку отрубил. Потом опять она долго не появлялась, никто ее не видал. Тогда какой-то смелый мужчина пошел в избушку, а бабки этой не оказалось. Тогда решили на деревне сжечь эту избушку и сожгли. Бабку эту больше никто не видел (Архив КГУ. Колл. «Д-94». Лист.Кочневой Л.П. Курган, 17 лет). Другой сюжет: «На миру живешь – всего наслушаешься. В Долматове волхитка была. То свиньей, то телушкой бегала. Один раз за телятами бегала телушкой, а то свиньей прикинется. А один раз ухо у свиньи отрезали. Утром приходят к волхитке, а она лежит вся завязанная» (Архив КГУ. Колл. «Широково – 88».С.20. Записано от А.М. Малафеевой, 1912г.р.).

В Звериноголовском колдовка, по уверениям, превращалась в бочку: «В одной семье молодежь как пойдет куда-нибудь на вечера, то бочка на них катится, то свинья бежит. Один говорит как-то раз: «Давайте свинье ухоотрежем!» Отрезали свинье ухо. Приходит он с вечеров, а мать сидит вся в крови и без уха» (Архив КГУ. Колл. «Звериноголовское - 90» С.8 Записано от О.Е.Добрыниной, 1916г.р.).

Сберегло крестьянство Зауралья древнее верование в возможность передачи ведовства: от учителя к ученику. Считается, что непередаваемая дьявольщина душит знатных. В Утятском Притобольного района записан текст о жесткой, дьявольской форме передачи неиздешних знаний: «Жила в Утятке женщина, знала она дьявольщину. И пришла к ней другая женщина дьявольщине учиться. У этой женщины сына задавило комбайном. Пришла она к колдунье, а крестик забыла снять. Колдунья ее учить не стала, а сказала больная. На другой день сняла женщина крестик и снова к колдунье. Та стала ее учить. Надо было 12 ночей такое испытание пройти. Перепрыгнуть через 12 ножей. Пройти в ворота, которые падают, а крик, шум, лес шумит, собаки лают. Не пошла, сходила женщина два раза, напугалась и больше не пошла (Архив КГУ. Колл. «Нагорское - 88». С.103. Записано от П.И.Покидовой, 1903г.р.).

В передаче быличек о волхитках велика роль семейных традиций. Формулы «Бабушка сказывала», «Прабабушка говорила» относят события в прошлое. Вместе с тем, ссылка на мнение представителя старшего рода призвана подкрепить достоверность происходящего: Мне рассказывала прабабушка. Жила она в деревне. У них на деревне (это Варгашинский район) жила колдунья, дом у нее был такой старый, что вот-вот рухнет. Её вся деревня боялась. Старая была. Она и лечила людей, но говорили, что она превращалась в свинью. И еще залазила в амбары, съедала дроблёнку. Она и в лошадь превращалась. Один раз молодежь её поймала и подковала. А на утро все узнали, что подковали ведьму. Свое искусство она хотела передать внучке. Позвала её в жаркую баню и велела прыгнуть в раскаленную печь. Но внучка не смогла. А умирала страшно, долго, просила у Бога смерти. А он ее не брал. Тогда она попросила выдернуть гвоздь в потолке, снять доску и часть крыши. Это чтобы солнечный луч упал на нее. Сделали так. Только тогда она умерла» (Архив КГУ. Колл. «Д-94» Лист.Максимовой, 18 лет, Курган).

В архиве КГУ есть материалы, в которых переплетаются в единый клубок вера в изотерические знания и разрушение её: «Был у нас Семён Артемович. Поехал в город ночью с дровами; в город дрова возили продавать. Свинья обра-

зовалась. Вот, скажи, бежит за ним свинья, и всё. «Я, говорит, её кнутом, я кнутом. Никак не отстаёт. Она отбежит да опять за мной. Я схватил топор и ссёк ей ухо». А это была Васюнька Морозова, она была Семену Артемовичу кума. Он как-то заехал в гости к ней. Ему говорит девка её: «Она умерла. Голову завязала: «Ой, как голова болит, ой, болит». А ухо-то он ей отсёк. Эта же Васюнька, о ней я рассказывала, вот что ещё делала. Мы сидели на вечерках у Пронюшкиных. Аксинья была, да Степанида была у них, да Марья. Сидим на вечерках, а Васюнька и говорит:

- Девки, вам надо фокус показать?

- Надо – не надо (я была поменьше их и говорю). Я черта дак не испугаюсь.

- Вот сейчас я залезу в подпол и вылезу отгаль курицей. Откройте вьюшку.

Я заскочила, открыла вьюшку избную. Она курицей сделалась, полетала. Вот мы слезли с печки, я слезла в голбец, искали – искали, нигде не нашли Васюньку. Через сколь-то время смотрим: из подвала Васюнька выходит. А потом сама же проболталась она: «Я,- говорит, - под стиральным корытом была, а вы корыто – то не поднимали. А курица – это аморок был, обман вам.

Потом она ишо фокусы показала.

- Вот, - говорит, -я сейчас пойду, месяц изловлю в фартук.

Вышла на крылечко, месячно было, вдруг темно сделалось. Васюнька нам месяц показала, он у ее в фартуке лежит.

- Да я аморачиваю вас, дураки, а вы думаете – правда.

Вот так аморачивала она людей, эта самая Васюнька Морозова (Архив КГУ. Колл. «Т-86».С. 33).

Былички об экзотерических знаниях отразили веру зауральского крестьянина в силу слова и возможности человека. Вместе с тем, произведения этого жанра утверждают мысль о грани дозволенного, о греховности посягательства на ростки жизни.

Список литературы

1. Пропп, В. Я. Собрание трудов. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – М., 1983.
2. Померанцева, Э.В. Русская устная, проза. Мифологические персонажи в современных записях устной прозы / Э.В. Померанцева. - М., 1985.
3. Аничков, Е.В. Язычество и древняя Русь. Записки историко-филологического факультета императорского С.-Петербургского Университета. -Ч. С XVII/II7// Е.В. Аничков. – СПб., 1914.
4. Шапарова, Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии / Н.С. Шапарова. – М., 2001.
5. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М., 1995. – Т.3.
6. Виноградова, Л.Н. Оборотничество / Л.Н. Виноградова // Славянская мифология. – М., 1995. – 279 с.
7. Криничная, Н.А. Русская мифология. Мир образов фольклора / Н.А. Криничная. – М., 2004.

**Индивидуально-авторский концепт «love» в романе
Сомерсета Моэма «Of Human Bondage»**

Термин «концепт», несмотря на широкое распространение, до сих пор не имеет однозначного толкования и варьируется в концепциях различных научных направлений. Обобщение точек зрения на концепт и его определения в лингвистике позволяет прийти к следующему заключению: концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. Художественный концепт выделяется, как правило, в качестве наиболее универсального элемента системы смысла художественного текста, поэтому художественный концепт является объектом анализа в лингвопоэтическом описании текста.

Также нет однозначного решения и при определении смысловой структуры концепта. Концепт имеет нежесткую структуру и его структурное моделирование в принципе невозможно. Возможно лишь перечисление некоторых (возможно, основных) слоев и концептуальных признаков. Наиболее адекватный подход мы видим именно в слоисто-полевой организации концепта. Чтобы показать своеобразие индивидуально-авторского концепта «love» в романе С.М. Моэма, проведем сравнение с универсальным концептом «love». Универсальный концепт «love», безусловно, отражает представления о базовых («терминальных» [Джидарьян, 2001: 132]) ценностях и «экзистенциальных благах» [Брудный, 1998: 75], в которых выражены основные убеждения, принципы и жизненные цели, и стоит в одном ряду с концептами «happiness», «faith», «hope», «freedom». Он напрямую связан с формированием у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственно индивидуального бытия.

Проанализировав данные словарей, мы выявили, что наиболее частотное определение любви – это чувство близости, привязанность (affection). Такое определение дают словари «Merriam – Webster's Dictionary», «Oxford Dictionary», «Collins Dictionary», «Wiktionary, the free dictionary», «Wordsmyth Dictionary Thesaurus». Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» трактует любовь как нежность (fondness). Менее употребляемое определение любви – это половое влечение (sexual attraction), название человека (the object of romantic feeling), ноль очков в теннисе (a score in tennis).

Следовательно, ядро концепта «love» - это в первую очередь привязанность – «strong feeling of affection». В приядерную зону внесем такие лексемы, как нежность – «fondness» и симпатия «liking». К периферии мы отнесем остальные, менее употребляемые случаи лексемы – это название дорогого человека – «the object of romantic feeling», половое влечение «sexual attraction» и прочее.

Мы составили оригинальную картотеку той лексики, которая через контекст дает нам представление об уникальности авторского концепта.

Наблюдения за функционированием концепта «love» в романе Сомерсета Моэма «Of Human Bondage» показали, что в одном и том же контексте наряду с лексемой «love» появляется лексема «pain», из чего мы можем предположить, что в понимании автора они в высшей степени близки, почти тождественны. Мы выявили 110 таких употреблений; и так как мы говорили об амбивалентности любви, мы посчитали включить в ядро концепта «love» в произведении Моэма именно лексему «pain» (боль):

«Sometimes he awoke in the morning and felt nothing; his soul leaped, for he thought he was free; he loved no longer; but in a little while, as he grew wide awake, the pain settled in his heart, and he knew that he wasn't cured yet». (стр.305)

«He drank a good deal of wine to destroy the pain that was gnawing at his heart, and he set himself to talk». (стр. 371)

В приядерную зону мы отнесли различные прагматические составляющие лексемы «pain»:

«suffering» - 75 употреблений:

«That love had caused him so much suffering that he knew he would never, never quite be free of it». (стр. 262)

«They were enjoying themselves without him, and he was suffering, suffering». (стр. 372)

«He loved her so much that he did not mind suffering». (стр. 298)

«anguish» - 22 употребления:

«He had thought of love as a rapture which seized one so that all the world seemed spring-like, he had looked forward to an ecstatic happiness; but this was not happiness; it was a painful yearning, it was a bitter anguish, he had never known before». (стр. 283)

«For a moment he remembered all the anguish he had suffered on her account, and he was sick with the recollection of his pain». (стр. 457)

«torture» - 20 употреблений:

«Though he yearned for Mildred so madly he despised her. He thought to himself that there could be no greater torture in the world than at the same time to love and contemn». (стр. 305)

«He tortured himself with the thought of her tears». (стр. 352)

«torment» - 14 употреблений:

«He wondered whether Emily Wilkinson and Fanny Price had endured on his account anything like the torment that he suffered now». (стр. 292)

«This love was a torment, and he resented bitterly the subjugation in which it held him; he was a prisoner and he longed for freedom». (стр. 305)

«agony» - 9 употреблений:

«At last he could bear the agony no longer». (стр. 308)

«He shook his head, smiling, but with what agony in his heart». (стр. 382)

В ближнюю периферию мы решили внести различные коннотации и ассоциации:

«hate» - 75 употреблений:

«He did not see Mildred again till Friday; he was sick for a sight of her by then; but when she came and he realized that he had gone out of her thoughts entirely, for they were engrossed in Griffiths, he suddenly hated her». (стр. 383)

«He hated her, he despised her, he loved her with all his heart». (стр. 386)

«vulgarity» - 56 употреблений:

«Her phrases, so bald and few, constantly repeated, showed the emptiness of her mind; he recalled her vulgar little laugh at the jokes of the musical comedy; and he remembered the little finger carefully extended when she held her glass to her mouth». (стр. 283)

«She was not amusing or clever, her mind was common; she had a vulgar shrewdness which revolted him, she had no gentleness nor softness». (стр. 291)

«shame» - 51 употребление:

«He got up at last, exhausted and ashamed, and washed his face». (стр. 388)

«His impulse was to go to her; he could depend on her pity; but he was ashamed: she had been good to him always, and he had treated her her abominably». (стр. 397)

«contempt»-35 употреблений:

«After much wavering he settled on a dressing-bag. It cost twenty pounds, which was much more than he could afford, but it was showy and vulgar: he knew she would be aware exactly how much it cost; he got a melancholy satisfaction in choosing a gift which would give her pleasure and at the same time indicate for himself the contempt he had for her». (стр. 314)

«disgust»-25 употреблений:

«He looked back upon the past with disgust». (стр. 318)

«pity»-24 употребления:

«He might have known that she would do this; she had never cared for him, she had made a fool of him from the beginning; she had no pity, she had no kindness, she had no charity». (стр. 392)

«jealousy»-16 употреблений:

«He knew what he was going to say was humiliating, but he was broken down with jealousy and desire». (стр. 387)

«foolishness»-14 употреблений:

«He laughed angrily at his own foolishness: it was absurd to care what an anaemic little waitress said to him; but he was strangely humiliated». (стр. 275)

«slavery»-7 употреблений:

«-You seem to be a contented slave of your passions.

-A slave because I can't help myself, but not a contented one». (стр. 331)

«fury»-5 употреблений:

«Fury seized him because it all seemed useless, but though it was a joyful fury, life was not so horrible if it was meaningless, and he faced it with a strange sense of power». (стр. 554)

На периферию нашего концепта мы сочли нужным поместить «maternal love» - 3 употребления; по мнению Моэма, именно материнская любовь - самая чистая и светлая. О ней Моэм пишет с трогательной теплотой.

«She felt vaguely the pity of that child deprived of the only love in the world that is quite unselfish». (стр. 4)

Если рассматривать концепт «love» в произведении по принципу слоистой организации, то основным лексическим репрезентантом является вынесенная автором в сильную позицию заглавия лексическая единица «bondage». Именно любовь в романе названа рабством, бременем.

Ассоциативный слой концепта «love» формируется признаками «slavery» и «pain», а его оценочный слой – характеризуется выраженной отрицательной направленностью.

Смысловое обогащение ассоциативного и оценочного слоев концепта «love» происходит за счет актуализации значений слов и выражений, выражающих отвращение, но и невыносимую тягу Филипа к Милдред:

«He did not care if she was heartless, vicious and vulgar, stupid and grasping, he loved her». (стр. 346)

«The green of the forest in spring was more beautiful than anything he knew; it was like a song, and it was like the happy pain of love». (стр. 367)

«He told Mildred that he loved her passionately, he had fallen in love with her the first moment he saw her; he did not want to love her, for he knew how fond Philip was of her, but he could not help himself». (стр. 375)

Все ассоциации с рабством, муками, бременем формируют индивидуально-личностные особенности авторского концепта «love».

Мозэм не просто показывает амбивалентность любви: ее отрицательные аспекты он совершенно гипертрофированно выдвигает на первый план. Любовь, по Мозэму, – это мука, боль, рабство, бремя, узы («human bondage»), освобождение от которых только и может сделать человека по-настоящему счастливым и свободным. Стоит отметить и достаточно сжатый объем содержания индивидуально-авторского концепта «love» у Мозэма. Универсальный концепт «love» предполагает разнообразие объектов любви: родина, мать, природа, ребенок, друзья и прочее. У Мозэма концепт «love» предполагает почти исключительно любовную страсть. Анализ индивидуально-авторского концепта «love» в романе «Of Human Bondage» открывает своеобразие художественного мировоззрения автора и позволяет глубже понять смысл изучаемого произведения.

Список литературы

1. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика / А. А. Брудный. – М., 1998.
2. Джидарьян, П. А. Представление о счастье в российском менталитете / П. А. Джидарьян. – М., 2001.
3. Maugham, W. S. Of Human Bondage / W. S. Maugham. – 1915.

И.Э. Захарова

Курганский государственный университет

**О необходимости развития механизма рефлексии
на занятиях иностранного языка**

Реформирование образовательной сферы высшей школы - переход на подготовку в рамках двухступенчатой системы высшего образования (бакалавр-магистр) - заключается не только в смене педагогической парадигмы, но и пересмотре ее содержательной и технологической основы, в смене ценностных ориентаций при подготовке студента к будущей профессиональной деятельности.

Новые социально-экономические условия диктуют необходимость формирования личности «нового типа», способной ставить и реализовать цели, выходящие за пределы, предписанные стандартными требованиями, способной осознанно оценивать результаты своей деятельности. Происходящие в обществе перемены предполагают готовность к быстрому принятию нестандартных решений. Если принимать во внимание стремительный темп развития науки и огромный объем быстро обновляющейся информации, то становится очевидным, что невозможно научить студента на всю жизнь, но важно развить у него интерес к непрерывному самообразованию, основанный на самоорганизации и осознанной саморегуляции. Формированию данных умений способствует развитие у студента рефлексии, суть которой заключается в личностном осмыслении, самооценке разных видов деятельности человека и ее результатов, осознание человеком того, как он воспринимается социумом. Именно рефлексивные знания обеспечивают перенос ранее усвоенных способов действия в новые, нетипичные ситуации любых видов деятельности. Актуально неразрывное осуществление процесса формирования у студента способности к критическому и рефлексивному мышлению с формированием комплекса профессиональных умений и навыков, таких как профессионально-коммуникативные, лингвокоммуникативные, умения и навыки планирования и организации деятельности, в том числе и учебной, оценки результатов своих действий и способности к саморегуляции в сфере непрерывного образования. При традиционной системе обучения, когда преподаватель излагает готовые знания, а студенты пассивно их усваивают, вопрос о рефлексии не стоит. Процесс обучения рефлексивной деятельности должен проходить на протяжении всего обучения в университете и пронизывать весь цикл дисциплин, включая иностранный язык. Он начинается с простейших действий: первичного самонаблюдения и самоанализа, потом можно перейти к развитию самоконтроля, саморегуляции и саморазвитию. Организовать обучение рефлексии можно по-разному: это могут быть элементы рефлексии на разных этапах практического занятия, на итоговом занятии темы или курса с последующим переходом к постоянной внутренней рефлексии. Фред Кортхаген предлагает следующую схему рефлексивной деятельности преподавателя и студентов: действие-взгляд назад на прошедшее действие-

осознание существенных аспектов - создание альтернативных методов действия - апробация нового действия. Говоря о развитии различных видов рефлексии, можно начать с рефлексии настроения и эмоционального состояния - преподаватель может использовать следующий игровой прием: он рисует на доске «термометр настроения», на котором студенты пишут свои имена и объясняют оценку своего настроения. Если мы попросим студентов оценить свою готовность к занятию, мы должны будем изменить постановку вопроса: «How well I am prepared today» и обосновать следующие варианты ответов: I am happy about it – Quite confident- Quite well- Rather well- So-so- Hesitant- I am at a loss what to say- I've spent little time on my English - I am unaware what to say. Можно подвести студентов к оценке своего эмоционального состояния (например, после просмотра фильма), впечатления от прочитанного текста или статьи:

I feel admiration, happiness, surprise, joy etc. / dissatisfaction, boredom, sadness, fury etc. Why? Because ...

Но здесь речь идет уже о рефлексии понимания учебного материала, об анализе результата деятельности. В данном случае также можно использовать следующие приемы:

1. Прием незаконченного предложения - During today's lesson I've found out/ got acquainted with/ learnt/ remembered etc.
2. Прием, направленный на рефлексиию достижения цели занятия - цель занятия записывается на доске и на заключительном этапе занятия рефлексивные вопросы помогают студенту осознать, достигнуты ли предполагаемые задачи, и в чем причины неудач, если они не достигнуты.
3. Прием рефлексии в виде пятистишия (синквейна) помогает выделять основное, соединяя уже имеющиеся знания с новыми, полученными на занятии. Схема синквейна: первая строка - тема, вторая - описание ее в нескольких словах, третья - описание действия в рамках темы, четвертая строка показывает отношение к теме, а пятая - синонимична с названием темы. Вот вариант синквейна:

Money

Durable, distinct

Can buy & sell

We can't live without

This important thing in society

4. Прием, стимулирующий развитие самоанализа на занятии, это использование карт организации деятельности, включающих всего два вопроса:

- кратко раскройте содержание занятия;
- выразите свое отношение к занятию с помощью фраз: I consider, I'd like to, I've changed my mind, I really like etc.

Данные приемы помогают формировать начальные рефлексивные умения и оценивать уровень их развития в процессе обучения.

Говоря о заданиях, формирующих рефлексиию деятельности, нельзя не отметить значимость проектного метода, предполагающего самостоятельный перенос знаний и умений в новые коммуникативные ситуации. В ходе такой совместной учебной работы увеличивается скорость и интенсивность формирования и закрепления как лингвокоммуникативных навыков и умений, так и уме-

ния осуществлять совместную деятельность в коллективе. Так, студентами экономического факультета КГУ осуществлялась групповая самостоятельная работа над проектами по таким темам, как «Банковские услуги в Кургане», «Малые предприятия Зауралья», «Экономика Зауралья». Анализируется не только содержание проекта, но и уровень коммуникации в группе как условие успешности выполнения проекта. Используются карты наблюдения, где приводятся следующие вопросы:

- общение в процессе работы: а) делало ее эффективной, в) тормозило ее, с) способствовало налаживанию контактов;
- какие коммуникативные трудности осложняли работу? а) недостаток информации, б) недостаточное владение языковым и речевым материалом;
- какой стиль общения преобладал в процессе работы? а) нацеленный на человека, б) нацеленный на выполнение задачи и т. д.

Самооценка помогает констатировать, какой материал студенты знают хорошо, а какой им предстоит повторить или узнать, и следовательно она способствует мобилизации и планированию процесса обучения языку.

Таким образом, использование в учебной деятельности студентов рефлексивного компонента помогает развитию таких важных качеств личности, особенно востребованных в XXI веке, как самостоятельность, умение оценить ситуацию и, оттолкнувшись от новых условий, поставить и успешно выполнить новые задачи, умение поведения в коллективе и умение более успешно действовать в любых ситуациях.

Список литературы

1. Алексеев, Н.Г. Проектирование условий развития рефлексивного мышления / Н.Г.Алексеев. – М., 2002.
2. Липкина, А.И. Критичность и самооценка в учебной деятельности / А.И. Липкина, Л.Н.Рыбак. – М., 1988.
3. Korthagen, Fred A.J. Linking practice and theory: Changing the pedagogy of teacher education / Fred A.J. Korthagen. – Educ. Res., 1999.

Е.А. Кожокина

Курганский государственный университет

Развитие коммуникативной компетенции и ее измерение с помощью лингвистических тестов

Изучение иностранного языка в вузе имеет целью овладение основами иноязычного общения, в процессе которого мы решаем познавательные, воспитательные и общеобразовательные задачи. Способность и готовность осуществлять иноязычное общение, т.е. коммуникативная компетенция (КК) предполагает достаточный уровень сформированности коммуникативных умений у студентов, позволяющий им осуществлять все виды речевого общения на ино-

странном языке в рамках учебно-трудовой, бытовой и социокультурной сфер общения.

Продвинутого уровня коммуникативной компетенции, когда студенты практически используют иностранный язык в относительно естественных условиях общения без значительных ограничений, труднее всего достичь в устной речи (аудировании, говорении), т. к. объем продуктивной речевой практики в существующих условиях обучения в университете недостаточен. Поэтому у студентов возникает неготовность справляться с неизбежными психологическими, языковыми и социокультурными трудностями при общении. Развитие международной коммуникации, культурного и информационного обмена требует поиска новых путей организации обучения студентов неязыковых специальностей. Именно поэтому в настоящее время приобретает необходимость обучать не только языковым структурам, но и фактам языка, отражающим национальные особенности культуры страны изучаемого языка.

В этой области проводили интенсивные исследования В.Г.Костамаров, Е.М. Верещагин, Ж.А.Вейтле. Исходя из теоретических основ межкультурного образования, можно приступить к разработке научно-методических моделей, объединяющих изучение иностранного языка и культуры изучаемого языка.

Тщательный анализ зарубежных пособий показал, что они в большей мере, чем отечественные, реализуя принцип аутентичности, ситуативно-игровой формы подачи материала, проектной методики, развивают тематическую, социокультурную и компенсаторную компетенции, являющиеся составной частью коммуникативной компетенции.

При обучении студентов неязыковых специальностей мы также придерживаемся принципа коммуникативности, который является основой обучения иностранному языку. Коммуникативная направленность в обучении языку находит возможность реализации через систему сюжетно-ролевых игр, проектную методику и проблемный подход к обсуждению различных вопросов.

Для того, чтобы сделать вывод, как студент подготовлен к устной коммуникации, необходимо располагать данными или показателями, характеризующими его умение пользоваться устной речью как средством общения, измеряющим коммуникативную компетенцию. По данной проблеме есть исследования у В.А. Коккоты и И.А. Рапопорт И.А. Зимняя выделила следующие компоненты КК, связанные со знаниями: лингвистическую, социолингвистическую и лингвострановедческую. Дискурсивная, иллокутивная и стратегическая - это компетенции, связанные в основном с умениями. При коммуникативном подходе к составлению тестов по устной речи оценка навыков и умений производится по компонентам КК.

Зарубежные и отечественные исследователи выделяют в каждом из компонентов КК следующие объекты тестирования:

- в лингвистической компетенции – грамматику, лексику, беглость речи, правильность речи;
- в социолингвистической компетенции – вариативность, уместность, естественность речи;
- в дискурсионной компетенции – связность, повторяемость для связности;
- в стратегической компетенции – сложность тем, гибкость, независимость.

В качестве общих показателей овладения коммуникативной компетенцией отмечаются приемлемость формы и содержания, уместной для данной ситуации общения.

Е.В. Мусницкая выделила качественные и количественные показатели сформированности устной экспрессивной речи, например: соответствие высказыванию данной темы, наличие различных моделей, корректность темпа речи, логичность высказывания, количество фактов и аргументов, приводимых «за» и «против» той или иной точки зрения.

Необходимо отметить, что в тестологии сделано пока еще мало в этом направлении, поэтому перед исследователями стоит задача — интенсификация работы по конструированию тестов для измерения устной речи студентов.

В своей работе со студентами неязыковых специальностей мы выделяем следующие объекты исследования при разработке тестов: грамматику, лексику, беглость речи, правильность речи, произношение, понимание, вариативность, уместность, связность, сложность тем и т. д.

Применение тестов при контроле целесообразно потому, что они задают направление мыслительной деятельности студентов, приучают их варьировать процесс переработки воспринимаемой информации. Для контроля владения ознакомительным чтением текстов определенных жанров нами используется текст объемом в 700-800 слов. Тип текста - проблемный. Формы контроля: скорость, логическая структура и процент извлеченной информации. Результат такой работы отражает, кроме всего, и уровень языковой компетенции студента. В учебных условиях содержательная сторона подобных текстов используется нами также для развития речемыслительных процессов, экспрессивной речи. На основе их содержания строятся сюжетно-ролевые игры.

Итак, коммуникативная компетенция предполагает развитие тематической, социокультурной и компенсаторной компетенций, которые являются ее составной частью. Обучение живому языку становится возможным при соблюдении принципа аутентичности, ситуативно-игровой формы, проектной методики и лингвометодического подхода, а сделать выводы, как студент подготовлен к устной коммуникации можно при помощи тестов, развивающих у студентов речевую деятельность и речевое поведение на основе навыков и умений в соответствии с различными задачами и ситуациями общения.

Список литературы

1. Малюга, Е.Н. Коммуникативный подход в изучении иностранного языка в неязыковом вузе / Е.Н. Малюга // Вестник РУДН: серия «Вопросы образования: языки и специальность». - 2006. - №1.
2. Смирнова, О.О. Развитие иноязычных коммуникативных умений на факультете журналистики / О.О. Смирнова // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. - М., 1995. - С.477-479.
3. Gibson, James W. Introduction to Human Communication / James W. Gibson, Michael S. Hanna. - Dubuque: Wm. C.Brown publishers, 1992.

Формирование вторичной языковой личности: семиотический аспект

Понятие языковой личности неоднократно привлекало внимание отечественных и зарубежных теоретиков и практиков в разных областях знания. В авторитетном словаре методических терминов языковая личность определяется как «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе произведенных им текстов с точки зрения использованных средств данного языка для отражения окружающей действительности (картины мира)» [1: 362]. В англоязычной терминологии имеется соответствующий эквивалент «language ego» [7: 12].

Возрастающий интерес к изучению иностранных языков, с одной стороны, и многочисленные попытки научно-обоснованной систематизации существующих (и постоянно обновляемых) подходов, методов и приемов, с другой стороны, вызвали к жизни еще одно особо востребованное в современных социокультурных условиях понятие – вторичная языковая личность [1; 2; 4; 6]. Британские специалисты в области методики преподавания ввели и обосновали свой собственный терминологический аналог «new language ego» [7: 12]. Вторичная языковая личность проникает в «дух» изучаемого языка [1]. Формирование вторичной языковой личности – одна из главных целей обучения иностранному языку [5].

На современном этапе развития научного знания многие специалисты [4; 6; 8] отмечают, что до сих пор в обсуждении рассматриваемой проблематики не уделялось достаточного внимания семиотическому аспекту процесса формирования вторичной языковой личности. Как известно, семиотика – общая теория знаковых систем – выявляет, классифицирует и описывает знаки в природе, обществе и познании. Необходимо добавить к сказанному, что в тесном взаимодействии с языкознанием и филологией наука о знаках и знаковых системах предлагает семиотический критерий [4; 6; 8], опираясь на который, можно оценивать не только процесс говорения на иностранном языке (т. е. собственно речевую деятельность), но и его результат – возрастающее многообразие «речевых произведений, фиксируемых памятью и письмом» [3: 414].

Вторичная языковая личность имеет «уровневую организацию» [2: 66]. Формирование вторичной языковой личности осуществляется поэтапно. В наиболее общем виде речь идет, во-первых, об усвоении обширного перечня навыков – фонетических, лексических, грамматических (морфологических и синтаксических), а также стилистических. Во-вторых, постепенно и поступательно изучающему иностранный язык необходимо овладевать большой совокупностью рецептивных и продуктивных умений – аудирование и чтение, говорение и письмо, непременно добиваясь «соответствия языковых средств коммуникативным условиям их использования» [2: 67]. В-третьих, интегрированное развитие навыков и умений шаг за шагом приобщает обучаемых к мыслительным процессам, лежащим в основе привычной для естественных носителей языка

картины мира – концептуальной и, шире, когнитивной. Этот этап называется специалистами «формированием вторичного когнитивного сознания» [2: 69].

Собственно семиотический аспект рассматриваемой проблематики заключается в том, чтобы воспринимать и оценивать произведенные изучающим иностранный язык тексты, т. е. «конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую (включая внутреннее проговаривание) или письменную форму» [3: 414] с точки зрения его соответствия – тождества – аутентичным образцам устной и письменной коммуникации. Семиотический критерий опирается на сигнализируемые единицами разных уровней обобщенные содержания по шкале «тождество» (identity) – «отсутствие тождества» (otherness) [6]. Этот критерий применим не только к разным уровням владения иностранным языком, но и к оценке того или иного отдельно взятого аспекта речевой деятельности конкретного говорящего и пишущего на иностранном языке. По мере движения от одного уровня обученности к другому изучающие иностранный язык оснащают себя – как под руководством преподавателя, так и самостоятельно – знаками разных порядков (от звуков, звукосочетаний и слогов до слов, словосочетаний, предложений и высказываний разнообразной функциональной направленности), указывающими на осмысленное и осознанное использование открытого и непрерывно расширяющегося перечня средств, предоставляемых языком-целью.

Список литературы

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М., 2010.
2. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – М., 2004.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
4. Назарова, Т. Б. Филология и семиотика. Современный английский язык / Т. Б. Назарова. – М., 2003.
5. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) / И. И. Халеева. – М., 1989.
6. Akhmanova, O. S. Linguistics and Semiotics / O. S. Akhmanova, R. F. Idzelis. – М., 1979.
7. Methodology in Language Teaching. An Anthology of Current Practice / ed. by Jack C. Richards and Willy A. Renandya. – Cambridge University Press, 2002.
8. Nazarova, T. B. Vocabulary Acquisition as Ongoing Improvement / T. B. Nazarova. – М., 2006.

**Повествование, описание, рассуждение, аргументация
как дидактическая проблема**

«Гуманистическая парадигма современного образования, определяющая развитие всех уровней образовательных систем и ставящая во главу развитие человека, особое внимание уделяет становлению человека как субъекта общения и взаимодействия с другими людьми».

Утверждение, на сегодняшний день не требующее доказательств. С точки зрения прогрессивной дидактики учащийся сегодня, независимо от этапа обучения, будь то младший класс средней школы или последний курс высшего учебного заведения, рассматривается не как объект целенаправленной деятельности, предусматривающей передачу некоего объема теоретических знаний, обретение неких практических умений и знаний и внушения набора постулатов официальной идеологии, а как равноправный участник образовательного процесса, имеющий право на соблюдение основополагающего принципа построения современного общества, принципа свободы выбора.

Мы не ставим в данный момент перед собой задачу поиска ответов на многочисленные вопросы, возникающие в этой связи. Палитра исследований о сотрудничестве субъекта-учащегося с представителями двух других субъектов этой продолжительной и многосторонней деятельности, общества и образовательных институтов, многомерна. Нас в этом высказывании больше привлекает предикат — «субъект общения и взаимодействие с другими людьми».

Более того, мы предполагаем выполнить развертывание этого редуцированного предиката в одной узкопрофессиональной плоскости, а именно, в сфере профессиональной подготовки будущих преподавателей иностранных языков и высококвалифицированных посредников в сфере межкультурного общения. В данном случае нас интересует формирование коммуникативной компетенции у студентов романо-германской филологии курганского университета.

Наполняя во многом вынуждено новыми смыслами семантическую структуру давно прижившегося в русском языке слова «компетенция», научное сообщество страны, занимающееся проблематикой современного образования, продолжает успешно оперировать традиционным понятийным аппаратом. Препрежней частотностью репрезентации отличаются хорошо знакомые определяющие понятия лингводидактики, такие как формирование навыков и умений устной и письменной речи. Е.Н. Соловова, один из ведущих специалистов современной отечественной лингводидактики, полагаясь на мнение разработчиков национальных образовательных стандартов в странах, объединенных болонской инициативой, считает, что круг задач современного образования можно было бы обрисовать посредством формирования пяти базовых компетенций: способности и готовности находить правильные ответы на главные вопросы в любых обстоятельствах, обретать нужные сведения в нужное время, решать коммуникативные задачи, выстраивать поведенческую стратегию в любых ситуациях общения в сегодняшнем многомерном мире и изменить свой профес-

сиональный и общественный статус в течение всей жизни. При этом в своих рассуждениях о лучших путях достижения этих целей, называя их соответственно социально-политической, информационной, коммуникативной, социокультурной компетенциями и готовностью к образованию и саморазвитию в течение всей жизни, она постоянно оперирует тремя составляющими известной триады. Ключевыми словами в этих рассуждениях остаются знания, умения и навыки.

Традиционная таксономия лингводидактики независимо от конкретных задач того или иного курса обучения иностранным языкам выделяет два всеобъемлющих ориентира образовательного процесса. Первый ориентир оговаривает обучение средствам общения и включает комплексную работу, нацеленную на обретение учащимися свободным владением фонетическими, лексическими и грамматическими составляющими языковой формы, эта работа преимущественно строится на репродуктивных видах учебной деятельности. Вторым ориентиром предусматривает обучение чтению, аудированию, устной и письменной речи, и, естественно, предполагает применение системы упражнений для преимущественного развития рецептивных возможностей и обучения продуктивным видам речевой деятельности.

Каковой же видится конечная цель этой работы? Мы обратимся к формулировке Е.Н. Солововой. Она полагает, что «целью образования становятся не просто знания и умения, но определенные качества личности, формирование ключевых компетенций, которые должны «вооружить» молодежь для дальнейшей жизни в обществе». Какие бы схемы приоритетности мы ни выстраивали, заявляя о том, что ту же коммуникативную компетенцию следует считать совокупностью языковой, речевой и социокультурной составляющих, или же надлежит эту иерархию представить в другом виде, состоящей из лингвистической, социолингвистической, социокультурной, дискурсивной и стратегической компетенций, «современный специалист, чем бы он или она не занимался/занималась, нуждается в способности выражать свои мысли (или чужие) в устной и письменной форме с соблюдением норм языка, норм, которые ему/ей предъявляют особенности дискурса в различных ситуациях общения, уметь сформулировать свою точку зрения, приводить адекватные доводы, другими словами отстаивать свои интересы уметь убеждать». Ему необходимо, владея знаниями о грамотном построении речи, составлять нарратив, композиционно правильно подбирать детали описания, при аргументировании разумно применять риторические приемы, убедительно излагать свои рассуждения, не забыв при этом об эмотивной стороне речи.

В поисках алгоритма построения учебной деятельности мы обратились к учебному пособию «Практический курс английского языка» под редакцией В.Д.Аракина. Пособие, по-прежнему оставаясь настольной книгой преподавателей, занимающих практикой устной и письменной речи со студентами факультетов иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации, практически не содержит точных указаний, как должно стратегически и тактически строить убеждающее высказывание, какие максимы должны соблюдаться, чтобы приблизить атмосферу и содержание дискуссии к традициям англосаксонской цивилизации.

В предисловии к части, предназначенной для студентов V курса, среди прочих целей декларируется «дальнейшее развитие творческих умений и навыков устной и письменной речи..., развитие дискуссионных навыков и умений, развитие коммуникативных навыков». Авторы переработанного и исправленного издания пособия утверждают, что опирались на современную методику преподавания иностранного языка, уточняя при этом, что под современной методикой в 1999 году они имели в виду коммуникативную методику обучения. Для достижения этой цели они включили «максимальное количество заданий на аргументированное монологическое высказывание, диалоги с обсуждением и отстаиванием противоположных точек зрения и по принципу «за – против», круглые столы, ролевые игры». При анализе отрывков художественных произведений, приводимых в пособии, от студентов ждут также «выделить <...> аргументацию автора», коммуникативная направленность одного из разделов каждого урока сопрягается с рядом целевых установок, таких как расспросы, выражение согласия и несогласия, одобрения и неодобрения и, наконец, убеждения. В качестве помощи студентам предлагается воспользоваться набором соответствующих клише. Включены также задания, призванные стимулировать дискуссии и предоставляющие практически полную свободу действий. Как развить «устно-речевые умения и такие риторические умения, как аргументация, умение отделять главное от второстепенного, устанавливать причинно-следственные связи, использовать различные приемы изложения мысли, взаимодействовать со слушателем...»?

Нам представляется, что обучение искусству написания эссе как виду академического дискурса смогло бы внести свою лепту в формирование у студентов и коммуникативной, и других релевантных компетенций. Наблюдения показывают, что эта работа по-прежнему остается на каком-то исходном рубеже, несмотря на включение упрощенных элементов эссе в программу единого государственного экзамена для выпускников средних школ. И это несмотря на то, что в изданном еще в 1983 году пособии по методике обучения английскому языку, по сути, руководству, как работать с практическим курсом В.Д.Аракина, указано, что «очень важным видом работы является сочинение-рассуждение на пройденные темы», что «от студентов III курса требуется умение писать различные виды сочинений: повествовательное, описательное и сочинение с элементами рассуждения».

Конечно, не следует надеяться на это как на панацею. Формирование декларируемых в последнее время компетенций начнется с полноценным распространением антропоцентричного подхода в отечественном образовании, с распространением технологий интерактивного обучения общения, воспитания критического мышления на всем протяжении курса образования, которое, как нам говорят, должно пройти через всю жизнь.

Разумное построение алгоритма учебной деятельности с выполнением последовательности упражнений, начиная с репродуктивных и заканчивая такими продуктивными заданиями, как создание статического описания и динамического повествования, подготовка обзоров литературных произведений и кинофильмов, работа над эссе, предлагающих свое видение решений проблем общества и личности, составление докладов по различным злободневным вопросам

современности и участие в дискуссиях на тематических занятиях, выполнение роли редактора написанных коллегами-студентами работ дают возможность в университетской аудитории приблизиться к ситуациям «общения и взаимодействия с другими людьми» в профессиональной среде и в частной жизни.

Список литературы

1. Аракин, В.Д. Практический курс английского языка / В.Д. Аракин. – М., 1999.
2. Гейхман, Л.К. Интерактивное обучение общению / Л.К. Гейхман. – Пермь, 2002.
3. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Продвинутый курс / Е.Н. Соловова. – М., 2010.

О.В. Смолина

Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций

К вопросу формирования дискурсивной компетенции у студентов технических специальностей при обучении иностранному языку

Целью обучения иностранному языку в техническом вузе является формирование дискурсивной компетенции, которая необходима для изучения и осмысления зарубежного опыта в профилирующих отраслях науки и техники, для осуществления профессионального обучения. Иностранный язык является одним из условий компетентности специалиста. Общеобразовательный курс в бакалавриате по техническим специальностям в нашем вузе является основой на первом этапе обучения, но он дополняется профессионально-ориентированной тематикой, чтобы затем на втором этапе перейти к более полной и квалифицированной профессиональной подготовке.

Проблема формирования дискурсивной компетенции у студентов технических специальностей состоит в том, что объём времени, отведённый на предмет «Иностранный язык», весьма незначителен. Дискурс, состоящий из участников коммуникации, заданной ситуации профессионально ориентированного общения и текста на данную тему, предполагает способность понять высказывание и выразить информацию, необходимую для общения. Главной задачей является формирование «коммуникативных умений, релевантных для понимания инокультурного дискурса при слушании (чтении) и самостоятельного порождения иноязычного дискурса (в ходе устного и письменного общения)» [1:5].

Из-за ограниченности по времени коммуникативный подход в обучении студентов используется лишь отчасти. За короткое время преподаватель должен сформировать у студентов определённые навыки устной речи (умение поддержать тему общения, правильно выразить монологическое и диалогическое высказывание, грамматически и лексически грамотно высказать своё мнение по вопросу). Основой для закрепления лексики, грамматики, коммуникативных аспектов на занятии становится текст. Целью обучения является развитие и совершенствование навыков чтения и понимания профессиональных текстов, так

как «умение работать с литературой является базовым умением при осуществлении любой профессиональной (практической и научной) деятельности» [2:5].

Подготовка к занятиям предполагает включение текстового материала, подобранного с учётом различных научных жанров (энциклопедический, научный, научно-популярный, тексты инструкций и патентов). Тексты должны быть доступны и понятны для обсуждения, на их примере осуществляется обучение грамматическим аспектам перевода, перевода терминологии.

Студенты учатся определенным конструктивным приёмам лексического и грамматического анализа предложений, знакомятся с приёмами различных языковых переводческих трансформаций, необходимых для достижения функционально-адекватного перевода. Важно уяснить, что поэлементное соответствие перевода оригиналу не всегда может обеспечить необходимую точность перевода, но недопустим и вольный перевод. «Цель занятия заключается не в том, чтобы перевести как можно больше предложений, а в том, чтобы практически отработать применение достаточного числа способов и приемов перевода» [3:23].

Критерием правильности полученных соответствий является тождество функций и эквивалентность смыслов. В зависимости от уровня сложности текст либо делится на доли для предварительного перевода, либо предлагается для аудиторной работы без предварительного ознакомления. Анализ подстрочника позволяет показать типовые ошибки при работе с переводом.

В плане усвоения грамматики, встречающейся в технической литературе, для эффективной работы необходимы специально отобранные отрывки текстов, где однотипные фразы тренируются последовательно, системно. При грамматическом анализе текста студенты должны уметь узнавать и дифференцировать грамматические явления.

Остановимся на переводе герундия, инфинитивных, причастных конструкций, самостоятельного причастного оборота в английской грамматике; пассивных конструкций, распространенного определения – в немецкой. Рассмотрим данные примеры более подробно.

Наиболее часто герундий (The Gerund) употребляется после предлогов. Поскольку предлоги могут сочетаться только с существительными или местоимениями, всякий глагол после предлога принимает форму герундия, то есть форму глагола, наиболее близкую по своим свойствам к существительному. «The decision to put our vessel in the dock for repairs was made by our having returned from the voyage ahead of schedule» - «решение поставить наш корабль в док для ремонта было принято по нашему возвращению (having returned) из рейса досрочно».

Инфинитив (Indefinite Infinitive), определяющий существительное, равен по значению определительному придаточному предложению. Сказуемое такого придаточного предложения выражает действие, которое должно произойти в будущем. На русский язык такой инфинитив всегда переводится определительным придаточным предложением с глаголом-сказуемым, выражающим долженствование. «The size of the dock to be constructed depends on the size of ships» - «размер дока, который должен быть сконструирован, зависит от размера корабля».

Оборот «именительный падеж с инфинитивом» (Nominative with the Infinitive) чаще всего переводится на русский язык сложноподчиненным предложением. «It is supposed that the first to invent the mitred canal gate was Leonardo da Vinci» - «Полагают, что первым, кто изобрел двухстворчатые ворота канала, был Леонардо да Винчи».

Самостоятельный причастный оборот (The Nominative Absolute Participle Construction), как правило, отделен запятой; перед причастием стоит существительное в общем падеже без предлога. «The river having been dredged, ocean-going ships could proceed through it» - «После того, как река была углублена, океанские корабли могли проходить по ней».

В немецком языке перевод распространенного определения (Das erweiterte Attribut) следует начинать с первого существительного (с артиклем или местоимением), стоящего после причастия или прилагательного, затем следует перевод самого определения, затем – поясняющих слов. «Die für die Schifffahrt nötige Wassertiefe ist möglich durch die Regelung des Flußbettes bei niedrigem Wasserstand» - «Глубину, необходимую для судоходства, возможно достичь посредством регулирования русла реки при низком уровне воды».

Сочетание «zu+ причастие I в качестве определения» (zu+ Partizip I als Attribut) имеет значение пассивного долженствования или возможности определения, может быть распространено пояснительными словами. В этом случае правила перевода аналогичны общим правилам перевода распространенного определения. «Die Sohlenbreite hängt von der abzuleitenden Wassermenge und der Beschaffenheit des Flusses ab» - «Ширина дна зависит от количества воды, которое надо отвести, и от свойства реки».

Мы рассмотрели лишь некоторые грамматические трудности перевода. По мере формирования грамматических навыков сокращается потребность в использовании грамматических ориентиров, что означает переход на следующий уровень управления учебно-познавательной деятельности – к заданиям, связанным с интерпретацией текста, его преобразованием, оценкой.

Предтекстовые упражнения могут включать упражнения на иллюстрацию грамматического материала, дающие возможность развития навыков чтения и перевода; тренировочные лексико-грамматические упражнения, носящие коммуникативный характер; упражнения на словообразование; упражнения, в которых вводятся новые слова и выражения данного занятия.

Послетекстовые упражнения могут включать лексико-грамматические упражнения и упражнения для развития навыков подготовленной и неподготовленной монологической и диалогической речи (с опорой на содержание прочитанного текста закончить предложения, используя предлагаемые варианты; используя материал текста, ответить на вопросы; упражнения на перефразирование; упражнения на перефразирование с заданным началом; составление к тексту вопросов, ответы на которые могли бы служить планом пересказа текста; упражнения на составление аннотации к изученному тексту; беседа, в которой даётся оценка событий, излагаемых в тексте).

Задача преподавателя в работе со студентами технических факультетов, в силу своей специфики (небольшое количество аудиторных часов, разная степень подготовленности группы), предполагает формирование навыков чтения и

перевода, целью которых является доступ к получению необходимой профессиональной информации будущих специалистов. Дискурсивная компетенция в виде устного и письменного дискурса достигается благодаря развитию и совершенствованию навыков чтения и понимания профессиональных текстов, умения логично и связно перевести текст и построить высказывание.

Список литературы

1. Примерная программа по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров неязыковых вузов. - М., 2011.
2. Английский язык. Программа общего курса. – М., 2006.
3. Комиссаров, В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу / В.Н. Комиссаров. – М., 1997.

Л.Н. Шихардина

Курганский государственный университет

Стереотипы и педагогическая стратегия преподавания языков в современных социокультурных условиях

Становление когнитивной лингвистики и теории дискурса позволило подойти к взаимосвязи человек-язык-культура с новых позиций: идентичность субъекта связана с его возможностью использовать язык для решения познавательных и коммуникативных задач. Совет Европы, называя ключевые компетенции нынешних выпускников высшей школы, отдает приоритет тем, которые касаются жизни в поликультурном обществе: понимание различий, уважение к другим, способность толерантно воспринимать носителей иных культур, языков, религий, решать конфликты ненасильственными средствами. «Чувствительность к социокультурным различиям является непременным условием эффективности коммуникативного взаимодействия с носителем другого языка» [1: 91].

В педагогическом инструментарии, необходимом для формирования личности, обладающей коммуникативной толерантностью, особое место принадлежит использованию и преодолению этно-социальных стереотипов.

Среди учебных дисциплин иностранный язык является, пожалуй, единственным предметом, предполагающим по своему содержанию постоянное столкновение с феноменом «чужого». Это обеспечивает его широкие возможности для формирования личности, способной к диалогу культур. Одной из таких возможностей является работа над национальными стереотипами.

Стереотипы представляют собой особый класс социальных установок. Понятие «социальная установка», или «аттитюд» (от английского attitude), широко используется в социальной психологии. Оно указывает одновременно на факт психологического переживания и на его социальную детерминацию, поэтому позволяет описывать поведение человека. Социальная установка является одним из механизмов регуляции поведения человека, включенного в слож-

ное переплетение связей с другими людьми. Она выполняет данную функцию на уровне социальных общностей разного масштаба – от малой группы до этноса. Социальная установка чаще всего вторична, то есть представляет собой отношение к отношению, уже зафиксированному в знаковой форме. Язык обеспечивает «оболочку» для трансляции социальной установки. Например, если человек не признаёт истинность суждения «все люди равны», то он выражает свою социальную установку, за которой стоит та общность, которая у него эту установку сформировала.

Стереотип (буквально: «твердый отпечаток») включает в себя три взаимосвязанных компонента: аффективный (чувство симпатии или антипатии относительно какого-либо реального или символического объекта; когнитивный (осознание аффективного компонента, выражающегося во мнении или убеждении относительно данного объекта) и, наконец, поведенческий (вербальная или невербальная реакция).

Понятие «стереотип» имеет широкое и узкое значение. В широком – это формы, определяющие поведение не только отдельных людей, но и групп, субкультур, этносов. В узком – формы, в которых действия и мысли людей сводятся к простейшим схемам и реакциям.

Стереотипы поляризуют восприятие: свои – чужие, мы – они, порождают образы, предельно фиксированные, не допускающие сомнения в их истинности, побуждающие к однозначному действию: «с нами или против нас».

Функции стереотипа неоднозначны. Он эффективен, если используется как предположительная догадка о человеке и ситуации, но не рассматривается как непосредственная информация о них. Стереотипы не допускают многозначных характеристик стереотипизируемого объекта, например, национального характера, игнорируют возможность исключений. Они могут быть потенциально деструктивны в силу своей абсолютизирующей функции. Чем весомее в стереотипах когнитивная составляющая, тем успешнее идет преодоление негативных последствий стереотипного восприятия носителя другого языка, тем эффективнее процесс формирования толерантности в разных сферах взаимодействия людей, в том числе и этносоциальной.

Необходимая для межкультурной коммуникации компетенция включает в себя, с одной стороны, когнитивную составляющую, с другой мотивационную, этническую, поведенческую, представляя собой готовность к вербальному и невербальному взаимодействию с другими людьми. Она формируется всем потенциалом преподавания иностранного языка, но стоит за этим определенный социальный заказ. В его содержание входит не только практическое овладение иностранным языком как неотъемлемой частью общей профессиональной подготовки, но и формирование межкультурной коммуникативной компетенции.

Обучение иностранным языкам как средству коммуникации между представителями различных народов и культур должно идти в единстве с приобретением знаний о мире и культуре народов, говорящих на этих языках. Иностранный язык в любом случае означает и иностранную культуру, религию, историю, искусство, традиции, обычаи и одновременно служит источником познания родного языка.

Именно на «стыке» этничности, самоидентификации и толерантности, происходит становление культуры языковой коммуникации. Её невозможно ни сформировать, ни обнаружить внутри собственно национального: всякий человек является культурным, только если он открыт ценностям другой культуры. Известные слова Гёте сохраняют свою актуальность: кто не знает иностранные языки, ничего не знает о своём родном языке.

Знакомство с другим народом через изучение языка способствует изменению образа личности другой национальности, помогает увидеть в ней свои собственные черты, снимает предубеждения и предрассудки. Происходящее при коммуникативном подходе объективное восприятие других людей, оказывает влияние на всю систему ценностных ориентаций личности.

Эффект идентификации, возникающий при соприкосновении двух языковых культур, может иметь разные варианты, определяющие стратегию деятельности педагога, направленную на ослабление реакции на национальные различия, разрушение поляризации как аффективного, так и когнитивного аспектов стереотипов.

Невозможно не отметить, что сегодня, когда глобализационные процессы затрагивают все сферы жизни общества, функционально-поведенческая составляющая национальных культур находится под угрозой унификации. Сходные условия и ситуации заставляют людей вести себя определенным образом, типично. Одинаково оформленные, одинаково обслуживаемые супермаркеты, получивший мировое распространение способ питания «фастфуд», мировое киберпространство с универсальными способами существования в нём, телевизионные передачи, одинаковые по своему формату, одни те же лица на обложках периодических изданий... Даже национально-специфические традиции: баварский октоберфест, французский праздник божоле, отмечаемый изначально в западном мире день Святого Валентина получили мировое распространение.

Выдвижение в качестве одной из целей обучения разрушения, преодоления, снятия стереотипов, на наш взгляд, нереалистично и, возможно, неоправданно. Следует стремиться избавить личность от стереотипных этнических предрассудков, в основе которых лежит незнание «чужих», их «неуважение», с одной стороны, а с другой, кризис этнической идентичности.

Образование, том числе и иноязычное, должно способствовать тому, чтобы, с одной стороны, человек осознал свои корни и определил то место, которое он занимает в мире, а с другой, привить ему уважение к иным культурам, научить людей жить вместе, помочь им преобразовать существующую взаимозависимость государств и этносов в сознательную солидарность. Таким образом, интернационализация личности происходит через национально-культурную самоидентификацию. Изучение иностранных языков и культур является одним из средств культурного противостояния негативным последствиям глобализационных процессов.

Список литературы

1. Ek, van Jan, Trim, L. M. John. Sociocultural Conference – Vantage Level, Council for Cultural Cooperation, 1996.

Н.А. Завьялова

Уральский государственный педагогический университет
Институт иностранных языков

**Фразеологические единицы японского языка как отражение эволюции
дискурса повседневности Японии**

Японский язык – родной язык для подавляющего большинства более чем 125-миллионного населения Японского архипелага. Несмотря на то, что японский и китайский языки генетически совершенно не связаны между собой, японская система письменности восходит к китайской. Япония заимствовала китайские иероглифы в VI веке, и современная система письменности имеет сложную структуру, в которой китайские иероглифы используются в сочетании со знаками двух слоговых азбук, созданных на основе иероглифики. Японский язык свободно впитывал в себя заимствованные слова из других языков, прежде всего, китайского (главным образом с VIII по XIX век) и английского (в XX веке). В настоящее время большинство исследователей сходится во мнении о том, что синтаксически японский язык сопоставим с алтайскими языками, но на определенном этапе своей протоистории лексически и морфологически находился под сильным влиянием малайско-полинезийской (австронезийской) семьи южных языков.

Среди выявленных нами черт японских ФЕ отметим следующие. Значительную долю японских ФЕ (около 5 %) составляют выражения, содержащие оноματοпею. *Varibari kamu* – грызть с хрустом. *Varibari saku* – разодрать. *Varibari yaru* – работать во всю. *Battarikonakunari* – прекратить посещения. *Batinto butsu* – шлепнуть. *Biribiri kanjiru* – остро чувствовать. *Bishyo: bishyo: ni nureru* – сильно промокнуть. *Bityabitya aruku* – ходить, шлепая. *Bura bura aruku* – идти не спеша, бродить. *Bonbonhanabi ga agaru* – взлетает феерверк. *Boribori kajiru* – кушать с хрустом. *Bosoboso hanasu* – говорить приглушенным голосом. *Botabota tareru* – капать. *Bu:bu: iyu* – ворчать, жаловаться. *Bunbun iyu* – гудеть, жужжать. *Butsubutsu iyu* – ворчать, жаловаться. *Berabera shyaberu* – говорить бойко, тараторить. *Bechabecha shyaberu* – тараторить, лепетать. *Bechakucha shyaberu* – тараторить, лепетать. *Byu:byu: fuku* – ветер свистит. *Verobero yopparau* – напиться в стельку. Семантику ФЕ определяет следующий за ономатопеей глагол, а сама оноματοпея вносит дополнительный оттенок в передаваемое значение. Однако встречаются и одиночные случаи ономатопеи. *Gabugabu* – большими глотками. В плане выражения отметим случаи повторов ономатопеи, придающей ритм большинству ФЕ. В ряде ФЕ, не содержащих ономатопеи, также использован прием рифмы. *Aokitoiki* – «голубое/зеленое дыхание» – тяжелое дыхание, при последнем издыхании. *Aketemokuretemo* – «и при свете, и в сумерках» – и днем, и ночью; постоянно. *Daremo karemo* – «и вы, и он» – все, любой.

ФЕ японского языка стилистически дифференцированы. Большинство ФЕ не сопровождаются пометами, однако у некоторых ФЕ имеется помета *кн.*, что

свидетельствует о строгом разграничении книжной и письменной речи. *Bo:gen o haku* – кн. «плевать грубой речью» – употреблять резкие выражения. *Bisenno mi* – кн. «тело низов» – человек простого происхождения. Помета буд. свидетельствует о принадлежности данной ФЕ к сфере сакрального, в данном случае буддизму. *Go: ga nieru* – буд. «карма варится» – выходить из себя, горячиться.

В некоторых японских ФЕ используется прием замены омонимов для достижения большей экспрессивности, эффекта комического. *Arinomi* – «плод бытия» – груша (здесь *ari* слово-каламбур, в котором вместо *nashi* (груша), омонимичное с *nashi* (нет), употреблен антоним последнего – *ari* (да, бытие)). *Aisatsu yori ensatsu* – «по сравнению с приветствием купюры (лучше)», аналог русского ««Спасибо» на хлеб не намажешь». В данном ФЕ обыгрываются омонимы *satsu* (фраза приветствия) и *satsu* (счетный суффикс для купюр).

В ряде ФЕ неодушевленные существительные сочетаются с глаголами, которые в русском языке с эквивалентными существительными не сочетаются. *Bisyo: o obiru* – «нести улыбку» – с улыбкой на лице. *Warai o ukaberu* – «пускать плавать смех» – засмеяться. *Gai o haru* – «натягивать упрямоство» – настаивать на своем. *Gan o kakeru* – «вешать молитву» – давать обет, вознести молитву. Однако для английского языка подобные случаи сочетаемости не редкость. *To put on a smile on one's face* – «повесить улыбку на лицо» – с улыбкой на лице. *To catch one's attention* – «поймать чье-либо внимание» – привлечь чье-либо внимание.

В некоторых японских ФЕ употреблены китайские иероглифы, которые не встречаются в современной фразеологически неосложненной речи. *Wagai o etari* – «получил **свою** мысль» – с удовлетворением увидеть, что мнение собеседника совпадает с собственным. *Wa ga mono ni suru* – «сделать своей собственностью» – завладеть чем-л., приобрести, овладеть (иностранными языком). В данном случае использован китайский иероглиф **wo** (яп. **wa**) – «я, мой». Однако в обыденной речи данный иероглиф практически не встречается, а употребляется его исконно японский аналог **shi/watashi**.

При кажущейся несхожести среды обитания японцев и россиян находим случаи полного или частичного совпадения ФЕ как в плане выражения, так и в плане содержания. *Bashyaumanoyo:ni hataraku* – «работать, как ломовая лошадь». *Vokusekini hitoshii* – «равный деревьям и камням» – бесчувственный, бессердечный. *Aketemokuretemo* – «и при свете, и в сумерках» – и днем, и ночью; постоянно. *Wazawai o tenzite saiwai to suru* – «превратить несчастье в счастье» – не видать бы счастья, да несчастье помогло. *Gishin anki o shyo:zu* – «воображаемые страхи рождают чертей» – у страха глаза велики. *Gozo:roppu ni shimiwataru* – «промокнуть до внутренностей» – промокнуть до нитки. *Genkotsu o kuwaseru* – «накормить кулаком» – ударить кого-либо кулаком. *Gyu:ji o toru* – «брать уши быка» – задавать тон, руководить. *Jibunno me o utagau* – «сомневаться в своих глазах» – не верить своим глазам. *Ikizuku ta mo nai* – «нет времени, чтобы вздохнуть» – передохнуть некогда.

По типу образования японские ФЕ разделяются нами на ФЕ, полученные путём простого переосмысления, сложного переосмысления, третичной номинации и заимствования.

1. Простое переосмысление. Путем простого переосмысления образуются ФЕ, прототипами которых являются переменные словосочетания или предложения, значениями которых они опосредованы. Примерами являются метафорические фразеологизмы типа *akahadaka ni suru* (стать красно-голым) – обобрать до нитки; *akago no te o hineru* (крутить руки красного ребенка) – крайне просто.

Для ФЕ японского языка характерны метонимические переносы, в которые вплетена синекдоха. *Akamon o kuguru* – «пролезть под красными воротами» – поступить в Токийский университет. В данном случае «красные ворота» означают «Токийский университет». Простое переосмысление наблюдается также в тех случаях, когда второй фразеологический вариант является производным от первого, имеющее буквальное, но осложненное значение. Например, *akatsura*: 1) красное лицо/рожа; 2) злодей (в театре Кабуки). *Kuronbo*: 1) черный мальчик; 2) негр; 3) актер театра Кабуки, выполняющий роль статиста в черном. Во всех подобных случаях наблюдается сужение значения ФЕ по сравнению с его прототипом.

2. Сложное переосмысление. Вторичная фразеологическая номинация действует так же, как и простое переосмысление, путем преобразования буквального значения прототипа. Примером данного типа переосмысления может служить ФЕ *akakimono o kiserareru* – «заставить носить красное кимоно» – попасть в тюрьму. В данном случае можно говорить о том, что нарушена связь между значением фразеологизма и буквальными значениями его компонентов. Своеобразие этого типа семантического преобразования заключается в том, что определяющую роль при переосмыслении играют экстралингвистические факторы. Этот тип переосмысления можно назвать ситуативно обусловленным.

3. Третичная номинация. Одной из особенностей фразеологической номинации является образование единиц третичной номинации. Они образуются в результате преобразований при вторичной номинации. Для ФЕ японского языка характерен такой тип третичной номинации, когда от фразеологизмов уже являющихся единицами вторичной номинации, образуются фразеологизмы, значения которых возникает в результате переосмысления значения их фразеологических прототипов. Примером может служить ФЕ *kuroboshi* – черная точка/кружок. Первоначальное значение данного ФЕ – центр, мишень. Однако позднее данное ФЕ приобрело еще одно значение – неудачи, поражения. ФЕ как единицы вторичной номинации создаются для конкретизации и для образно-эмоциональной оценки предметов и явлений, уже названных в языке.

4. Заимствования. Среди анализируемых ФЕ японского языка находим примеры заимствований из китайского. *Enikaitamochi* (яп.) – «похожий на нарисованную лепешку моти» – нечто эфемерное, маловероятное, замок на песке; *huì bǐng chōng jī* (кит.) – «рисовать лепешки, чтобы утолить голод» – создавать видимость, утешать себя несбыточными надеждами.

Можно сделать вывод о том, что история становления японского фразеологического фонда отражает ход истории всего государства в целом, является характеристикой дискурса повседневности Японии. Вслед за И.Т.Касавиным и С.П.Щавелевым [Касавин, Щавелев, 2004, с. 15-18], мы считаем, что фразеоло-

гический дискурс повседневности может быть описан набором следующих характеристик.

1. Безусловная необходимость для каждого человека уделять внимание повседневным заботам, их безальтернативность, неизбежность совершения тех или иных действий.
2. Повторяемость, цикличность, ритмичность событийного ряда.
3. Замкнутость типичных пространств (домашних комнат, улицы, рабочих помещений).
4. Консервативность обыденных начал жизни и форм культуры, их устойчивость.
5. Усредненность, принципиальная общедоступность, соразмерность повседневных задач, взаимозаменяемость субъектов (со временем меняется состав семьи, набор обязанностей).
6. Массовидность распространения обыденных феноменов, обезличенность событий и артефактов.
7. Отнесенность к частной жизни.
8. Предсказуемое. Добровольно выбираемое, обиходное, понятное и узнаваемое, нередко совершаемое бессознательно, автоматически.

Можно сделать вывод о том, что повседневность образует безусловные предпосылки для осуществления всех остальных форм существования и деятельности человека. Языковая картина мира оформляет данные предпосылки лексически, а культура повседневности является своеобразным хранилищем, инкубатором, где повседневные идеи превращаются в набор ритуалов и правил, характерных для данного социума.

Список литературы

1. Боголюбова, С.Н. Повседневность // Теория и практика [Электронный ресурс] / С.Н. Боголюбова // URL – Режим доступа: <http://teoria-practica.ru/-1-2011/filosofiya/bogolybova.pdf>
2. Касавин, И.Т. Анализ повседневности / И.Т. Касавин, С.П. Щавелев. – М., 2004. – 432 с.
3. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре: монография / В.Д. Лелеко. – СПб., 2002 – 302 с. – С.80–85.
4. Марков, Б.В. Культура повседневности. Учебное пособие / Б.В. Марков. – СПб., 2008. – 352 с. – (Серия «Учебное пособие»). – С.28.
5. Сепир. Избранное // Библиотека философа и культуролога [Электронный ресурс] / Сепир // URL–Режимдоступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/sepir/10.php
6. Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс]. Семиотика: Антология/ П. Серио / сост. Ю.С.Степанов. - Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2001. – 702 с.
7. Hofstede, G. Culture's Consequences; Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations / Hofstede G. – Thousand Oaks: CA: Sage Publications, 2001. – 540 pp.

Функционирование фразеологизмов, номинирующих человека по ситуативным состояниям в газетно-публицистическом дискурсе (на материале английского языка)

Современное общество невозможно представить без СМИ, без постоянного информационного потока. Публицистический стиль является языком СМИ - газет, журналов, выступлений. Отличительная черта публицистического дискурса - компрессия информации, что отвечает требованиям «масс медиа» к экономии языковых средств, скорости передачи сообщения.

Существуют разные термины, определяющие публицистический стиль печатных изданий. Такой стиль называют газетно-публицистическим; некоторые ученые (И.Г. Гальперин, И.В. Арнольд, С.М. Гуревич, Г.Я. Солганик) выделяют газетный стиль (*newspaper style*) как самостоятельный, не являющийся видом или жанром публицистического, утверждая, что это «особое царство, особая эстетика, особые законы и возможности» [5:471]. В данной статье мы придерживаемся термина газетно-публицистический дискурс, основываясь на том, что в нем могут присутствовать элементы как публицистического, так и художественного, разговорного, научно-делового стилей.

Газетно-публицистический стиль выполняет четыре основных функции – коммуникативную, эстетическую, информативную и экспрессивную, подчиняется принципу «чередования экспрессии и стандартов» [4:160].

В поисках экспрессии журналисты обращаются к фразеологизмам, являющимися одними из наиболее выразительных средств языка. Фразеологизмы-антропономинанты (ФАН), обозначающие человека по ситуативным состояниям [Ратушная Е.Р.] (т.е. лицо в определенной ситуации – изменяющейся или постоянной), как и другие ФЕ, имеют эмоционально-экспрессивный характер и функционируют в газетно-публицистическом дискурсе.

Данное исследование посвящено анализу функционирования ФАН по ситуативным состояниям в газетно-публицистическом дискурсе, в частности, американском издании «*New York Daily News*».

Названная группа включает в себя 6 подгрупп: использование человека другим человеком; человек, мешающий кому-либо; ситуация «неизвестность»; влияние одного человека на другого; ситуация «гость-хозяин» и человек - активный деятель.

ФАН по ситуативным состояниям количественно мало представлены в публицистическом тексте английского языка. Это объясняется преобладанием в данной подгруппе фразеологизмов, называющих лицо по ситуациям, в которых человек выступает как пассивный деятель. В газетно-публицистическом дискурсе, напротив, проявляется стремление журналистов описывать человека активного.

Фразеологизмы *whipping boy* (мальчик для битья), *guinea pig* (подопытный кролик), *black sheep* (паршивая овца), *the highest bidder* (лицо, предложившее наибольшую цену), *milk cow* (дойная корова) принадлежат к рассматриваемой группе и доминируют в газетно-публицистическом дискурсе.

1. Одной из самых распространенных ФЕ в американской прессе (10 употреблений) является ФЕ подгруппы «человек-активный деятель» - *the highest bidder* (лицо, предложившее наибольшую цену). Человек выступает как активный субъект, оставляющий последнее слово за собой. Например:

«Unfortunately, the federal bankruptcy court is in the driver's seat,» said Brad Hoylman, who chairs the St. Vincent's omnibus committee. «They apparently have the mandate to sell the property to *the highest bidder* in order to repay the more than \$1 billion of debt that is owed to creditors of the hospital», he said (NYDN, 08.11.10). The newsprint magnate may have kept Stephanie Seymour off the market by reconciling with her last month, but an edition of a nude bust Brant commissioned in 2003 is about to be auctioned off *to the highest bidder* (NYDN, 15.10.10). Meanwhile, the site also reports more Elvis memorabilia will go to *the highest bidder* at the Heritage Auctions' August 14th Elvis Presley Auction in Memphis Tennessee (NYDN, 27.06.10).

В приведенных примерах человек выступает как действующее лицо и, желая получить определенную вещь, предлагает наивысшую цену на аукционе. Часто участники мероприятия стараются не афишировать своё имя, оставаясь анонимными покупателями, что отвечает стремлению журналистов обезличивать людей в рамках газетно-публицистического дискурса.

2. Подгруппу «использование человека другим человеком» можно назвать самой наполненной по количеству единиц в публицистическом тексте по отношению к другим подгруппам (3 ФЕ): *guinea pig* (подопытный кролик), *whipping boy* (мальчик для битья), *fall guy* (козел отпущения).

Названные фразеологизмы обозначают человека, испытывающего воздействие со стороны других людей. Газетный текст «рассчитан на массовую и притом очень неоднородную аудиторию, которую она должна удержать...» [1:343]. Некоторые читатели могут проявить интерес к статьям о лицах менее удачливых, подвергающихся унижениям, независимо от интенции авторов описывать активных людей. Как свидетельствует И.В. Арнольд, «...в газете появляется практически любая тематика, почему-либо оказывающаяся актуальной» [1 : 344].

Количество употреблений ФЕ *guinea pig* превалирует в анализируемой подгруппе (7), что обусловлено его формированием на основе омонимичного словосочетания, характерного для фразеологизмов с компонентом-зоонимом (*pig*). Генетическим прототипом названной ФЕ служит омонимичное свободное словосочетание *guinea pig* (морская свинка) – млекопитающее отряда грызунов, применяемое человеком в практических целях (экспериментах) [6]. Происходят следующие семантические изменения: сема «грызун» полностью утрачивается; на первый план выдвигается сема «подвергающийся экспериментам». Образуется новое фразеологическое значение слова – «человек, подвергающийся принудительному воздействию», имеющее, в отличие от свободного словосочетания, негативную модальность. Например:

As a senior New York resident, I was unfortunate to be the *guinea pig* for the new voting procedure. The old lever-type machines were better, while the new machines are a turnoff for senior residents (NYDN, 20.09.10). What is definitely real is the fact that a mystique has gathered around the substance in the doping underworld, where body-builders often put themselves forward as *guinea pigs* (NYDN, 14.09.10). Carl Pavano, former favorite *whipping boy* in the Bronx, has suddenly become a trusted arm for the

AL Central-leading Twins (NYDN, 26.06.10). There's still a lot of talk out of his camp that paints Walsh and D'Antoni as the *fall guys* (NYDN, 30.10.10).

В рассматриваемых примерах лицо выступает как пассивный объект, фразеологизмы имеют пейоративную коннотацию. Компоненты названных ФЕ обладают отрицательной семантикой.

Например, омонимичное свободное словосочетание *whipping boy* (бьющий, избиваемый мальчик) является генетическим прототипом ФЕ *whipping boy* - в Англии так называли мальчика, которого воспитывали вместе с принцем и подвергали порке за провинности принца [7]. Индивидуальное значение новой языковой единицы (фразеологизма) формируется на основе нейтрализации семы «детский возраст» и актуализацией значения атрибутивного компонента *whipping* – причастие от глагола *to whip* – избивать, хлестать, сечь. Таким образом, ФЕ *whipping boy* образует значение «мальчик для битья» с семой «незаслуженно подвергающийся нападкам».

В ФЕ *fall guy* изначально негативное значение имеет слово *fall*: падать (в прямом и переносном смысле), ухудшаться, опускаться, рушиться, терпеть крах. Переменное словосочетание *fall guy* (оступившийся, незаслуженно арестованный парень) принимает участие в формировании омонимичной фразеологической единицы *fall guy* (козел отпущения). Сема, отражающая пол (мужской – парень), отходит на второй план. Значение атрибутивного компонента «незаслуженно арестованный» при взаимодействии с субстантивным выходит на первый план. В структуре ФЕ формируется сема «незаслуженно обвиняемый», которая переходит в постоянное качество из-за многократности повторения действия.

3. ФЕ *black sheep* (паршивая овца), входящая в подгруппу «человек, мешающий кому-либо; обуза», имеет сниженную оценочность. ЛЕ *black* часто ассоциируется с чем-то темным, неизвестным, жутким. В публицистическом дискурсе рассматриваемая ФЕ употребляется довольно активно по отношению к другим ФЕ группы (5). Например:

«Lots of people have black sheep in the family ... and the result is not that you become a captain in an organized crime family,» Cogan said Tuesday in Brooklyn Federal Court (NYDN, 17.11.10). Casey, 30, reveled in being the black sheep of the family (NYDN, 06.01.10).

Такую активность, несмотря на пейоративную окраску, можно объяснить стереотипностью фразы, популярностью пословицы, которая является источником фразеологизма: *There is a black sheep in every flock* или *it is a small flock that has not a black sheep* («паршивая овца» в семье, в семье не без урода). По мнению А.Н. Качалкина, для газетно-публицистического дискурса США характерна двусмысленность, «современная форма подачи материала, включение в текст стереотипных... формул» [3:278].

Таким образом, ФАН по ситуативным состояниям количественно мало представлены в газетно-публицистическом дискурсе (30), что обусловлено следующими экстралингвистическими и интралингвистическими факторами: сниженной модальностью фразеологизмов; неактуальностью материала о ненужных, случайных людях, тогда как спецификой газетного текста является сообщение новостей «на злобу дня», востребованных обществом, аудиторией всех социальных групп.

Подгруппы «человек-активный деятель» (12); «использование человека другим человеком» (11); «человек, мешающий кому-либо; обуза»(6) можно назвать активными в газетно-публицистическом дискурсе США. Наиболее представленная по количеству единиц - подгруппа ФЕ, обозначающих человека по активной ситуативной деятельности, что объясняется семантикой ФЕ. Большинство ФЕ подгрупп «использование человека другим человеком», «человек, мешающий кому-либо; обуза» обладают пейоративной коннотацией, что обусловлено значением компонентов фразеологизма, ассоциациями и представлениями людей о том или ином предмете, интенцией автора воздействовать на читателя, навязать свою точку зрения на события, осветить негативные стороны жизни.

Список литературы

1. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И.В. Арнольд. – 8-е изд. – М., 2006. – 384с.
2. Гуревич, С.М. Газета: Вчера, сегодня, завтра: учебное пособие для вузов / С.М. Гуревич. – М., 2004. – 288с.
3. Качалкин, А.Н. Роль СМИ в межнациональном общении. Менталитет и речевой этикет нации / А.Н. Качалкин // Язык средств массовой коммуникации / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2008. – 760 с.
4. Крылова, О.А. Лингвистическая стилистика. Теория / О.А. Крылова. – М., 2008. – 319 с.
5. Солганик, Г.Я. О языке и стиле газет / Я.Г. Солганик // Язык средств массовой коммуникации/ под ред. М.Н. Володиной. – М., 2008. – 760с.
6. Электронный ресурс: <http://www.slovarus.ru>
7. Электронный ресурс: <http://www.wikipedia.ru>

В.И. Кабыш

Курганский государственный университет

Конверсивные отношения процессуальных фразеологизмов

Целью настоящего исследования является описание процессуальных фразеологизмов, вступающих в конверсивные отношения. В связи с этим необходимо решить следующие задачи: выявить корпус фразеологических единиц, вступающих в конверсивные отношения; описать основные семантические типы фразеологических конверсивов.

Под **фразеологическими конверсивами** мы будем понимать пару фразеологических единиц, выражающих обратные отношения между субъектом и объектом в обращенных высказываниях, обозначающих одну и ту же ситуацию.

По данным нашей картотеки, в современном русском языке насчитывается около 1000 процессуальных фразеологических единиц, вступающих в конверсивные отношения: *купить/продать в долг, купить/продать за двугривенный, ловить/попасться на крючок, оказывать/принимать благосклонность, оказывать/принимать милость, пробить/пропустить пенальти, про-*

бить/пропустить удар, проиграть/выиграть битву, взять/дать в залог, взять/дать взятку и др.

Семантику конверсивности формируют компоненты-глаголы субкатегории отношения, содержащие в своем значении указание на объект, включающие в свою семантику взаимообратное значение. Для исследуемых процессуальных фразеологизмов характерны активные деятели. Объекты, которые становятся субъектами в обращенной конструкции при исследуемых процессуальных фразеологизмах, активны и поэтому чаще всего выражены именами, обозначающими лицо.

Рассмотрим типы значений, выражаемых исследуемыми единицами.

Все представленные фразеологизмы, вступающие в конверсивные отношения, можно отнести к следующим основным семантическим типам:

1) «приобретение, накопление – утрата, расходование».

К этому типу относятся процессуальные фразеологизмы, входящие в основные семантические группы:

а) «товарно-денежные отношения» (*взять/дать аванс, взять/дать в аренду, взять/дать в долг, взять/дать займы, взять/дать в залог, взять/дать взятки, взять/дать мзду, взять/дать на лапу, взять/дать налоги, взять/дать плату, взять/дать выкуп, купить/продать за четвертак, купить/продать за тридцать сребреников, купить/продать коша в мешке, купить/продать даром, купить/продать недорого и т.д.*).

На каждой ярмарке и по всему лицу земли родной можно было встретить произведения М. Евстигнеева, продававшиеся прямо с рогожки, и **купить за пятак** любое из них, вроде «Улыбки в пять рублей» или «Мосье фон герр Петрушка». *Чехов М.П. / Вокруг Чехова (1933).*

Глупый сибирский/ Чалдон,/Скуп, как сто дьяволов,/Он./**За пятак продаст.** *Есенин С. А. / Поэмы / Поэма о 36 (1924).*

б) «отношение обладания» (*взять/дать дар, взять/дать милостыню, купить/продать должность, купить/продать жену, купить/продать жизнь отдать/взять последнее, отдать/взять последнюю рубаху, подарить/принять подарок, дать/принять подношения и т.д.*).

Найдется благодетель с деньгами и благодетельствует ее, **купит** и красоту, и **молодость**, и чистоту, и мечты ее на всю жизнь, и будет она благодарить судьбу, что снизошла к ней, и благодетеля во всю жизнь почитать станет... как сестрица Варенька своего Петра Андреевича. *Селезнев Ю. А. / Достоевский (1981).*

Да как думать-то? Уж очень у меня в голове-то запутано. Как ни кинь, все дурно. За кусок хлеба **продала** я свою **молодость** немилому человеку, и день ото дня он мне все противней становится. *Островский А. Н. / Пьесы / Грех да беда на кого не живет (1862).*

в) «доминантные отношения» (*купить/продать власть, купить/продать жизнь, купить/продать с потрохами, пробить/пропустить пенальти, пробить/пропустить удар, проиграть/выиграть бой, проиграть/выиграть битву, проиграть/выиграть сражение и т.д.*).

Только, может, здоровья божьего на миллион не купишь, а **свободу покупают**, и **власть покупают**, и людей с потрохами. *Солженицын. А.А. / Архипелаг ГУЛАГ.*

И **продал власть** аристократ/Промышленникам и банкирам./Народ стонал, и в эту жуть/Страна ждала кого-нибудь. *Есенин С. А. / Поэмы / Ленин (первая редакция) (1924).*

г) «отношения содействия» (*оказать/принять внимание, оказать/принять милость, оказать/принять покровительство, оказать/принять помощь, оказать/принять почтение, оказать/принять услугу, оказать/принять поддержку, подать/принять руку помощи, подать/принять руку дружбы, опираться/поддерживать (на) плечо(м) и т.д.*)

Инвалиды являлись и являются членами общества, и они должны **получать поддержку**, в которой они нуждаются, в рамках обычных систем здравоохранения, образования, занятости и социальных услуг. <http://www.dislife.ru>

Франчайзинг **дает поддержку** франчайзи в период перед открытием бизнеса. <http://www.event-franshiza.ru>

Семантику приобретения формирует в них компоненты – глаголы *взять, купить, принять, получить*. Семантика утраты формируется компонентами – глаголами *дать, продать, отдать, подать, передать*.

2) «эмоциональные и другие внутренние состояния».

К этому типу относятся фразеологизмы, входящие в семантическую группу «отношения, изменяющие состояние объекта» (*купить/продать веру, купить/продать душу, купить/продать любовь и т.д.*).

Купить совесть потом сможешь, да только цена ей будет три копейки. Нужна тебе такая? *М. Царева / Замуж за миллионера.*

Нет, не то он хочет сказать... Перед ним Меншиков, который, продавая пирожки, уже **продал** свою **совесть**, а потом продал сердце и Бога... *Мордовцев Даниил Лукич / Исторические романы и повести / Тень Ирода (1876).*

Семантику эмоционального состояния привносят именные компоненты, обозначающие психическое состояние (*спокойствие, счастье, любовь*), а также конкретное существительное *сердце* и абстрактное существительное *душа*, привнесшие символическое значение психологического состояния.

3) «разнонаправленные вербально-коммуникативные процессы».

К этому типу относятся фразеологизмы, входящие в семантическую группу «вербально-коммуникативные отношения» (*взять/дать автограф, взять/дать интервью, взять/дать клятву, взять/дать обещание, взять/дать подписку, взять/дать расписку, взять/дать слово, купить/продать историю, вложить/принять в голову, принести/принять извинения, передать/получить привет, передать/получить поклон, поверять/слушать сердечные тайны, сказать/выслушать комплимент, подать/принять апелляцию, подать/принять жалобу, подать/принять заявление, подать/принять идею, подать/принять мысль, подать/принять рапорт, подать/принять сигнал, подать/принять совет, подать/принять челобитную*).

Мой защитник до тех пор не выпускал меня из своего кабинета в детскую, пока не **взял** с мамы торжественного **обещания**, что она меня не накажет. *Е. Мещерская. Детство золотое.*

Ну, если и не полностью, то насколько сумел: **давать обещания** вообще легче, чем приводить их в жизнь. *М. Веллер. Самовар.*

Вербально-коммуникативную семантику формируют именные компоненты-существительные, обозначающие речевую коммуникацию (слово, клятва, интервью).

Таким образом, в современном русском языке существует около 1000 процессуальных фразеологизмов, вступающих в конверсивные отношения. Исследуемые фразеологизмы представлены тремя основными семантическими типами: «приобретение, накопление – утрата, расходование», «эмоциональные и другие внутренние состояния», «разнонаправленные вербально-коммуникативные процессы».

Список литературы

1. Апресян. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Апресян. – М., 1974.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет. изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР]; гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
3. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М., 1982.
4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 2004.
5. Соколова, А.А. Процессуальные фразеологизмы субкатегории отношения в современном русском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук / А.А. Соколова. - Челябинск, 2004.
6. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание): для сред. и ст. шк. возраста / сост. М.В. Панов – М., 1984.

К.Л. Фёдорова

Курганский государственный университет

Особенности фразеологизмов с компонентами – метеонимами «гром» / «thunder», «солнце» / «sun» в русском и английском языках

Предметом нашего исследования являются особенности фразеологизмов с компонентами-метеонимами «гром»/ «thunder», «солнце»/ «sun» в русском и английском языках. Данные компоненты определяются нами как часть группы метеонимов - компонентов, обозначающих изменения погоды и её элементов: осадков, электрического состояния, солнечного сияния, температуры, облачности, ветра и т. д. Среди метеонимов нами выделяются гром, солнце, туман, ветер, гроза, лёд, молния, снег (thunder, sun, fog, wind, thunderstorm, ice, lightning, snow) и др.

1. «Солнце»/ «sun»

По статистике, солнце в Британии светит в среднем 3 часа 20 минут в день. Толковый словарь русского языка Ожегова, Шведовой даёт такое определение лексической единице «солнце»: небесное светило – 1) раскалённое плазменное

тело шарообразной формы, вокруг которого обращается Земля и другие планеты; 2) свет, тепло, излучаемое этим светилом. Переносное – то, что является источником, средоточием чего-н. ценного, высокого, жизненно необходимого [2: 745-746]. Данный метеоним рассматривается нами в его втором значении: солнечные свет и тепло, которые важны в развитии и процветании обеих лингвокультурных общностей.

В языческие времена силы природы наделялись магической властью и отождествлялись с божествами, под них подстраивал человек свой быт или укрощал стихию, с погодными изменениями сравнивал окружающие его явления материального мира. Культура древних славян была аграрной, земля и урожай – главная ценность для земледельца. Осмысление законов природы и попытки воздействовать на них отразились в мифологии. У наших предков существовало несколько богов солнца. Первый – Ярило, Ярила – восточнославянский мифологический и ритуальный персонаж, связанный с идеей плодородия, сексуальной мощи. Производя это слово от санскритского корня «ar», греческого «ερ» – «действие возвышения, движения вверх», учёные находят соответствие между славянским «Ярило» и санскритским «árvān» – «быстрый, стремительный, бегущий» (эпитеты солнца) и видят в корне «яр» значение стремительности, быстроты, силы, света, весеннего или восходящего солнца. Второй – Хорс, бог солнца – светила, был известен и другим арийским народам: среди персов, иранцев, зороастрийцев, где поклонялись богу восходящего солнца Хорсету. Эта лексическая единица имела и более широкое значение – «блеск», «сияние», «слава», «величие». Хор – бог солнечного, жёлтого света, что отражено во многих русских лексемах: «хороший», «похорошеть», «прихорашиваться», «хоровод», «хоромы», словом «хоро» обозначали солнечный диск. Третий – Даждь-бог, олицетворял небесный свет, проливающийся на свет и противостоящий миру Тьмы. Его характеризует белый свет, радость, победа добра над злом. Славяне придавали большое значение солнцу, неслучайно в русском языке запечатлены фразеологизмы, а также пословицы и поговорки. Нами были определены 2 фразеологизма с компонентом-метеонимом «солнце». Анализ материала по семантико-грамматическим классам А. М. Чепасовой показал, что 1 фразеологизм является качественно-обстоятельственным («под солнцем» – т. е. на земле, под луной), другой – предметным («место под солнцем» (1) прочное, высокое положение в обществе; 2) право на существование).

Анализ английских фразеологизмов выявил, что только в английском языке есть фразеологизмы, пришедшие из морского обихода. Это свидетельствует о традиционном представлении Британии как морской островной державы: «against the sun» *морск.* – против часовой стрелки; «shoot/ take the sun» – *морск.* измерять высоту солнца; «sun's backstays/ eyelashes» *морск.* – лучи солнца на фоне тёмного облака, луч света в тёмном царстве; «with the sun» *морск.* – по часовой стрелке и др. У древних кельтов был свой бог солнца – Беленус. Он появлялся под разными именами: у валлийцев – «Бели», у ирландцев – «Биле», у галлов – «Беленус». Один из главных праздников в кельтском календаре, Белтэйн, отмечали 1 мая, а имя божества сохранилось в топонимах (например, рыбный базар в Лондоне Билингсгейт – «ворота Биле»). Мы определили 10 процессуальных фразеологизмов с компонентом «sun»: «adore (hail/ worship) the rising

sun» – заискивать перед новой властью, искать милости у человека, входящего в силу, приобретающего власть; «go round the sun to meet the moon» – отправиться дальним путём в близлежащее место, делать крюк; «have been in the sun» и «have the sun in one's eyes» *разг.* - «нажраться», быть сильно пьяным; «let not the sun go down on/ upon your wrath» *шутл.* - не держи долго обиду, выясняй всё сразу; «the sun never sets on» *устар.* - солнце не заходит в пределах (так говорили в XVII веке об огромных испанских владениях, в XIX веке – о Британской империи) и др. Мы зафиксировали 5 фразеологизмов, принадлежащих качественно-обстоятельному классу: «against the sun» *морск.* - против часовой стрелки; «(as) certain as the rising sun» – так же верно, как то, что солнце взойдёт, наверняка, несомненно, дело верное; «under the sun» *разг.* - под солнцем, на земле, под луной, в этом мире, на свете и др. В английском языке установлены 3 предметных фразеологизма («sun drawing water» – лучи солнца на фоне тёмного облака, луч света в тёмном царстве; «sun's backstays/ eyelashes» *морск.* - лучи солнца на фоне тёмного облака, луч света в тёмном царстве; «a place in the sun» - место под солнцем в 1 значении (прочное, высокое положение в обществе, тёпленькое место).

2. «Гром»/ «thunder»

Толковый словарь русского языка Ожегова, Шведовой даёт такое определение лексической единице «гром»: 1) сильный грохот, раскаты, сопровождающие молнию во время грозы; 2) *перен.* сильный шум, звуки ударов [2: 146]. Древние славяне со страхом относились к данному погодному явлению, приписывая его проявлению гнева Перуна – бога грозы, молний и грома, божеству войны и покровителю воинов и князей. При создании государства Киевской Руси Перун стал главным божеством в княжеско-государственной культуре X века. Нами определены 3 фразеологических единицы с компонентом-метеонимом «гром». Предметный фразеологизм «гром небесный» означает кару, наказание свыше, что свидетельствует о глубоком проникновении языческого культа в картину мира русского человека. С неминуемой расплатой за деяния связан и процессуальный фразеологизм «грянет (грянул) гром» – случится, последует тяжёлое наказание, расплата за что-либо, неожиданно что-то произойдёт (произошло). Качественно-обстоятельный фразеологизм подтверждает тот факт, что коннотация исследуемых единиц в русском языке отрицательная: «как [словно, будто, точно] гром среди ясного неба» – неожиданно, внезапно (обычно о случившемся несчастье).

В английском языке нами зафиксированы 5 фразеологизмов с компонентом - метеонимом «thunder». И это не случайно: гром и молнии являются неизменными атрибутами дождя, на который так щедр Туманный Альбион. Такие качества грома, как шумность, внезапность, опасность, передаются в английских качественно-обстоятельных фразеологических единицах: «(as) loud as thunder» – очень громкий, громоподобный; «(as) black as night (as sin/ thunder/ a thunder cloud» – мрачнее тучи; «like a thunderclap (thunderbolt)» – совершенно неожиданно. Предметный фразеологизм «thunders of applause» содержит метафору: гром аплодисментов. Такие национальные особенности английского характера, как хитрость и находчивость, нашли отражение в процессуальном фразеологизме с исследуемым компонентом «steal smb's thunder» – 1) использовать в своих

целях чьи-л. идеи, открытия и т. п., не поставив в известность их автора, присвоить чьи-л. идеи, открытия и т. п., совершить плагиат; 2) «переплюнуть» кого-л., украсть лавры у кого-л., сорвать эффект чего-л.

Таким образом, мы рассмотрели особенности фразеологизмов с компонентами - метеонимами «гром»/ «thunder», «солнце»/ «sun» в русском и английском языках, классифицировали их по семантико-грамматическим классам

А. М. Чепасовой, обнаружили разную фразеологическую активность единиц в рассматриваемых языках, показали истоки их проникновения в картину мира двух лингвокультурных общностей.

Список литературы

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. - СПб., 2001.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений: 4-е изд., доп./ С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - Российская академия наук: институт русского языка имени В. В. Виноградова. - М., 1999.
3. Озеров, М. В. Англия без туманов. Из дневника корреспондента / М. В. Озеров. – М., 1977.
4. Чепасова, А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учебное пособие / А. М. Чепасова. - Челябинск, 2006.

Н.В. Шведова

Курганский государственный университет

Модальность уверенности / неуверенности

(на примере модальных фразеологизмов с компонентами «бог» и «чёрт»)

Фразеологизмы с компонентами «Бог» и «черт», как и вся русская фразеология в целом, многослойны, неоднозначны: в них можно найти отражение монотеизма и многобожия, безграничной любви к Богу и его резкое отрицание.

По данным нашей картотеки, модальные фразеологизмы с компонентом «Бог», которые выражают отношение уверенности/неуверенности, немногочисленны (30 единиц), однако все они характеризуются высокой употребительностью, что объясняется сильной церковнославянской традицией в русском языке, прочными религиозными канонами и церковнообрядовой символикой: *(да) накажи меня бог, (да) разрази меня бог, (да) убей (побей) меня бог, бог (меня, нас, тебя, вас, его, ее, их) знает, бог весть (ведает), бог даст, бог знает, бог свидетель, вот тебе (вам) бог, ей(-)богу, истинный бог, как бог свят, как перед богом, клянусь (Христом) богом* и др.

В модальной организации названных единиц отчетливо выделяются два полюса отношений, связанных антонимичностью: 1) модальностью уверенности; 2) модальностью неуверенности. Остатки лексических значений компонентов анализируемых фразеологизмов содержат элемент модальности, которые помогают определить характер модального отношения, выражаемого языковой единицей. Так, главная роль в создании категориального значения модальности и субкатегориального значения выражения эмоционального отношения гово-

рящего к высказываемому во фразеологизмах принадлежит компоненту «Бог», который актуализирует значение «звательная форма **боже** употребляется как междометие для выражения восторга, удивления, огорчения, раздражения и др.». Остальные компоненты (существительные, прилагательные, глаголы, предлоги) участвуют, как правило, в формировании группового и индивидуального значений или увеличении экспрессивности фразеологизма. Например, компонент «свидетель» в модальном фразеологизме **бог свидетель** актуализирует из бывшего значения потенциальную сему «очевидец», которая участвует в формировании группового, подгруппового и индивидуального значений «божба, клятвенное заверение в чем-л.»: изначально Богу приписаны такие черты, как всеприсутствие, всеведение. Таким образом, выражаемые отношения поддерживаются компонентным составом фразеологизмов и усиливаются интонацией.

В нашем языковом материале наиболее представленной оказалась подгруппа модальных фразеологизмов с компонентом «Бог», представляющих собой клятву в достоверности сообщаемого и служащих для подтверждения истинности сказанного (18 единиц): *ей(-)богу, клянусь (Христом) богом, вот тебе (вам) бог, истинный бог, как бог свят, разрази меня бог, накажи меня бог, убей меня бог, как перед богом, бог свидетель, побей бог, видит бог.*

- Виктор Викторович, пустите, закричу, как бог свят, - страстно сказала она Анюте и обняла за шею Мышлаевского, - у нас несчастье – Алексея Васильевича ранили... *М. Булгаков. Белая гвардия.* Хорошая такая и богатая. Бричку предлагала дедушку довести – ей-богу! *Н. Тэффи. Дедушка.* Совершенно конфиденциально! Да разрази меня бог, если я... А коли здесь... так ведь что же-с? Разве мы чужие, взять даже хоть бы и Алексея Нилыча? *Ф. Достоевский. Бесы.*

Такое количество единиц и употреблений модальных фразеологизмов с компонентом «Бог» со значением выражения клятвенного заверения связано с тем, что человек, доказывающий свою правоту, клянется самым святым, что у него есть. Ритуальные «обещания» с характерным наличием в своем составе глагола **клянусь**, само употребление которого означает совершение соответствующего интеллектуального действия, явились прототипами модальных фразеологизмов с компонентом «Бог», представляющих собой клятву в достоверности сообщаемого. На определенном этапе происходит сдвиг в употреблении культовых выражений, они становятся выразителями эмоций. При этом наблюдается функциональная осложненность прототипов модальных фразеологизмов с компонентом «Бог», их приспособление к выполнению новой функции – эмоциональной.

Обращает на себя внимание тот факт, что антиномии русской жизни, о которых писал Н.А. Бердяев в работе «Русская идея. Судьба России», проявляются и в модальных фразеологизмах с компонентами «Бог» и «черт». Например, чтобы подтвердить истинность сказанного, русский человек с легкостью включает в состав фразеологизма **клянусь (Христом) богом** компоненты **черт и дьявол**, в свободном употреблении синонимичные друг другу и выступающие антиподами по отношению к Богу.

Например:

- Отец, клянусь богом, чертом, дьяволом: продашь... Умоляю, старик.

В. Шукшин. Рассказы.

Модальность уверенности присутствует и во фразеологизме **клянусь чертом / клянусь все чертями**, например:

Клянусь всеми чертями, / Что за птица / Даст вам крылом по морде / И улетит из-под носа. *С. Есенин. Собрание сочинений.*

- Ты что, собираешься прямо сейчас ехать к Лешке? – удивился Фиксатый. – Да он уже давно греет свои старые кости под боком какой-нибудь молоденькой шлюшки! Чертом клянусь! *М. Серегин. Последняя стрелка.*

Этот фразеологизм со значением клятвенного заверения употребляется в стилистически сниженном контексте. Он обладает низкой частотностью, по сравнению с модальным фразеологизмом **клянусь (Христом) богом**, потому что призывание в свидетели темных сил зла не способствует значению подтверждения достоверности сказанного.

Вторая подгруппа фразеологизмов выражает отношение уверенности, убежденности говорящего в том, о чем говорится (8 единиц): *с нами бог, бог не выдаст, бог милостив, бог воздаст, бог не без милости, счастлив твой бог, (сам) бог велел, бог миловал*. Например:

Бог милостив, и через несколько дней, проведенных мною в тревоге и печали, повеселевшее лицо отца и уверенья Авенариуса, что маменька точно выздоравливает и что я скоро ее увижу, совершенно меня успокоили. *С. Аксаков. Детские годы.* - Господа офицеры, вся надежда Города на вас. Оправдайте доверие гибнущей матери городов русских, в случае появления неприятеля – переходите в наступления, с нами бог! *М. Булгаков. Белая гвардия.*

Образ Бога в религиозных источниках характеризуется как бесконечное духовное личное существо, внешнее по отношению к природе, создавшее природу и управляющее всем, что в ней происходит, воплощающее в себе наивысший уровень всех мыслимых совершенств: всемогущество, всеведение, абсолютную благодать, вечность, независимость, самобытность, вседеприсутствие, беспредельное величие, славу, безграничность, вседозволенность, неизменяемость, любвеобильность, святость, истину, творчество. Отсюда лексема **Бог** имеет потенциальные семы «всемогущество», «всезнание», «милосердие», «доброта», «разумность», «безгрешность», «абсолютная благодать», «вседозволенность», «всемогущество» «защитник», «справедливость», «действенность», «надежность», «бескорыстие» и др., которые принимают участие в формировании групповой и подгрупповой семантики исследуемых модальных фразеологизмов.

Уверенность русского человека основана на непогрешимости бога, правильности того, что он совершает, – с этим связана высокая частотность употребления этих фразеологизмов в речи русского народа.

Третью подгруппу представляют фразеологизмы, выражающие модальность неуверенности, сомнения, предположительности (4 единицы): *как бог на душу положит, бог даст, бог весть (ведает), бог знает*. Например:

Что был ему далекий кремлевский изменник, перед кем так рисовался и старался, и что за морок на него находил? – ведь неглупый был человек, интеллигент, дворянин, чуть ли не Юрий Живаго – Бог весть. *А. Варламов. Купавна.* «Не разгляжу теперь, - продолжал дедушка, хмурясь и накрыв глаза рукою, - на кого похож Сережа: когда я его видел, он еще ни на кого не походил. А Надеж-

да, кажется, похожа на мать. Завтра, бог даст, не встану ли как-нибудь с постели...» С. Аксаков. *Детские годы*.

С одной стороны, во всякой религии имеется, по представлениям верующих, та или иная связь, контакт, соглашение между человеком и богом: выполняя заповеди бога, люди могут рассчитывать на помощь свыше и быть уверенны в ней. С другой стороны, людям совсем не очевиден двусторонний характер этой связи: человек молится, но не слышит, что отвечает ему Небо.

Таким образом, современная фразеология, отражающая религиозные представления русского человека, характеризуется неразрывностью экстралингвистических и языковых параметров фразеологизации. Модальные фразеологизмы с компонентом «Бог» в абсолютном своем большинстве (26 единиц из 30) выражают отношение уверенности говорящего в том, что сообщается. Модальность неуверенности не характерна для исследованных единиц. Совсем редко русский человек будет призывать темные силы для подтверждения своей правоты.

Список литературы

1. Бердяев, Н.А. Русская идея. Судьба России / Н.А. Бердяев. - М., 1997. - 643 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

Артамонова Т.Г. Тема семьи в поэме Дж.Г. Байрона «Дон Жуан».....	3
Базлова Н.Ю. Парадигма Модерна в произведениях Дидро.....	6
Гришкова Л.В. Конфликт цивилизации и культуры в романе Р. Брэдбери «Fahrenheit 451».....	11
Жукова И.М. Образы пространства в автобиографических поэмах А.А. Фета.....	17
Зыков А.А. Легенды в фольклорном собрании Д.М.Торопова «Новый русский Наутилус».....	22
Иванова О.И. Культура Якутии в «сибирском тексте» В.Г. Короленко.....	27
Портнягин Д.В. Образ Армянина в Духовидце Шиллера.....	31
Трофимова Н.А. Мужчины в зеркале немецкого анекдота.....	33
Ульянин В.Ф. Интертекстуальные включения как индикаторы художественного времени в рассказе Г. Бёлля «Wanderer, kommst du nach Spa...» (вариант нтерпретации).....	41
Шутова Е.В. Архетипы «Дом» и «Бездомье» в произведениях Н.В. Гоголя.....	46
Andrievskikh N. Construction of Memory in Exile: Objectification of Self in Autobiographies by Immigrant Writers.....	49
Chilstrom K. Literary Portraits of Stalinist-Era Imprisonment and Liberation.....	53
Guruianu A. Language of Entrapment and Mobility in Richard Brautigan's 1/3, 1/3, 1/3.....	58
Lauter E. Culturally Specific Approaches to the «Woman Question» in 19 th Century Russian Novellas by Women.....	61
Thorstensson V. Brodsky's Axioms and Formulas: Metaphysics of the Textbook and the Real Meaning of Space Explotion.....	64

Прагмалингвистика и грамматика

Бакеева И.А. Структурно-семантические и прагматические особенности газетного заголовка с побудительной интонацией.....	71
Савельева М.В. Роль объектного инфинитива в конструкциях с императивными процессуальными единицами.....	74
Вернослава Е.И., Киселёва С.В. Полисемия глагола light в диахрии.....	78
Киселёва С.В. Прототипизация в глагольных лексемах.....	82
Омельченко С.В. Семантическое многообразие предложений с союзом wenn в немецком языке.....	94
Сапронов Ю.В. Гипо-гиперонимические отношения в вопросе категоризации.....	99
Смакотина Т.М. Экспрессивный синтаксис в англоязычном математическом дискурсе.....	106
Фёдорова И.Н. Прагматика немецкого анекдота как особого вида	

прецедентных текстов.....	116
Юркевич Л.Н. Анализ иноязычных медиатекстов с позиции филологической герменевтики.....	119

Когнитивистика и этнолингвистика

Бочегова Н.Н. Способы объективации феномена бикультурализма в произведении Ф. Маккорта «'Tis":A. Memoir».....	123
Драгунова О.С. Межжанровые связи в свадьбе Приисетья.....	129
Куркова Н.В. Политкорректное обозначение религиозных символов (на примере номинаций атрибутов исламского вероисповедания в немецком языке).....	135
Соколова Т.В., Кириллова Т.С. История возникновения и основные принципы нейро-лингвистического программирования.....	138
Степаненко О.А. Индивидуально-авторская картина мира в ее динамическом аспекте (на материале произведений Ф.Брауна).....	141
Пономарёва О.Б. Интеграция концептов в поэтическом тексте.....	147
Фёдорова В.П. Концепт «волхитка» в языковой картине мира зауральского крестьянства.....	154
Черемных В.А., Мальцева О.А. Индивидуально-авторский концепт «love» в романе Сомерсета Моэма «Of Human Bondage».....	162

Лингводидактика

Захарова И.Э. О необходимости развития механизма рефлексии на занятиях иностранного языка.....	166
Кожокина Е.А. Развитие коммуникативной компетенции и ее измерение с помощью лингвистических тестов.....	168
Назарова Т.Б. Формирование вторичной языковой личности: семиотический аспект.....	171
Поманисочка М.А. Повествование, описание, рассуждение, аргументация как дидактическая проблема.....	173
Смолина О.В. К вопросу формирования дискурсивной компетенции у студентов технических специальностей при обучении иностранному языку.....	176
Шихардина Л.Н. Стереотипы и педагогическая стратегия преподавания языков в современных социокультурных условиях.....	179

Фразеология

Завьялова Н.А. Фразеологические единицы японского языка как отражение эволюции дискурса повседневности Японии.....	182
Иванова Е.А. Функционирование фразеологизмов, номинирующих человека по ситуативным состояниям в газетно-публицистическом дискурсе (на материале английского языка).....	186

Кабыш В.И. Конверсивные отношения процессуальных фразеологизмов.....	189
Фёдорова К.Л. Особенности фразеологизмов с компонентами – метеонимами «гром» / «thunder», «солнце» / «sun» в русском и английском языках.....	192
Шведова Н.В. Модальность уверенности / неуверенности (на примере модальных фразеологизмов с компонентами «бог» и «чёрт»).....	195

Научное издание

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ
В ЯЗЫКАХ И ЛИТЕРАТУРАХ**

**Сборник статей участников
I международной научной конференции**

Курган, 17 февраля 2012 г.

**Редакторы: О.Г. Арефьева
Н.М. Быкова**

Подписано в печать	Формат 60 x 84 1/16	Бумага тип. №1
Печать трафаретная	Усл.печ.л. 12,6	Уч.-изд.л. 12,6
Заказ	Тираж	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г.Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.